

У Р А Л Ь С К И Й 1•2003
следопыт

**Отправная
точка
на карте**

**Так
возникают
тайны**

**И заревели
моторы
вездеходов...**

С Новым, 2003 годом!

Маршруты Уральского следопыта

Шунут-Камень

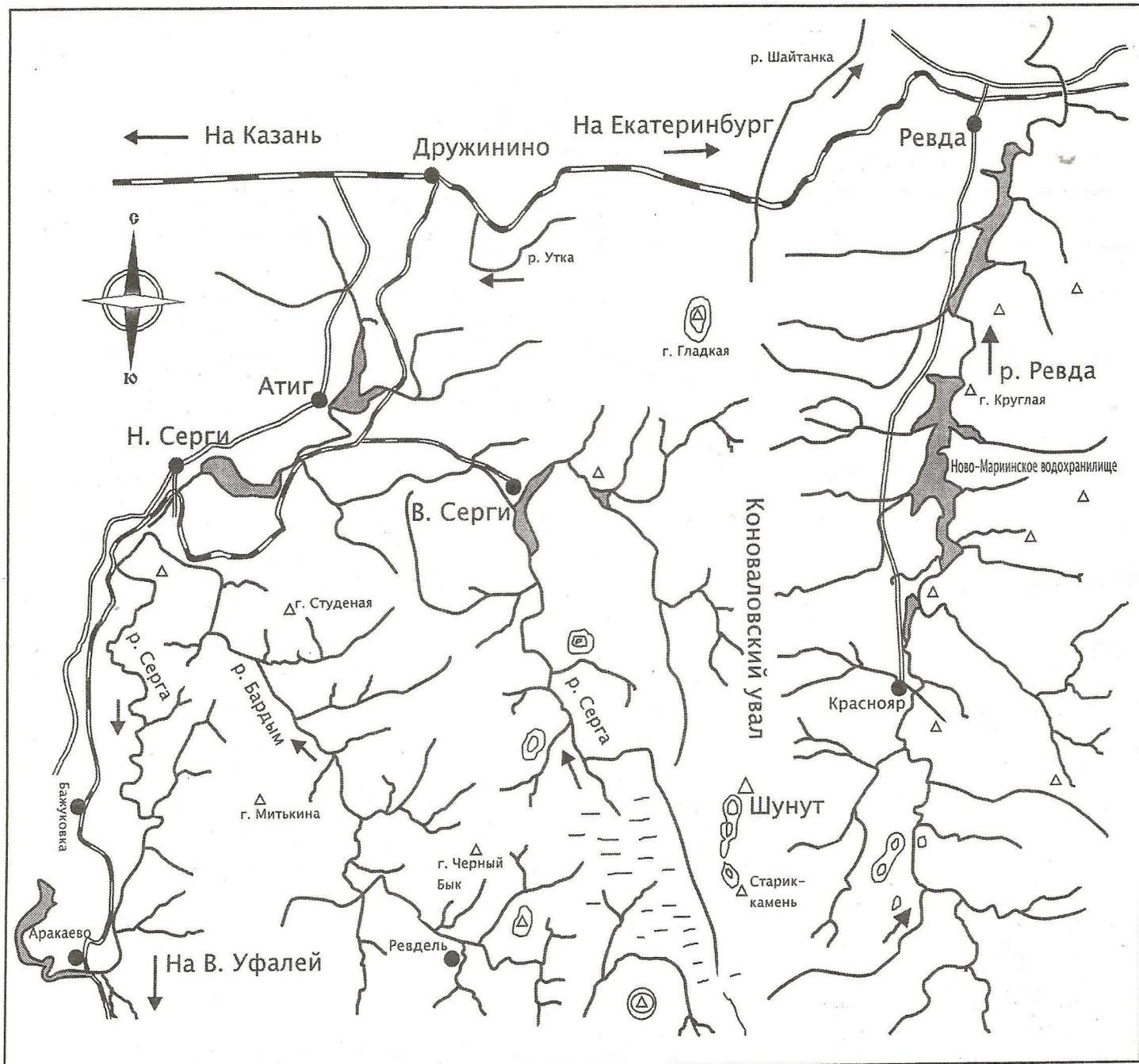

Наиболее высокая гора на Коноваловском увале (726 метров), самая высокая гора в окрестностях Екатеринбурга (25 километров на запад-северо-запад от города Полевской). На вершине горы величественные скалы. Южнее Шунут-Камня находится Шунутское болото, где начинается река Шунут, правый приток реки Бардым (приток реки Серга).

В некоторых справочниках слово *Шунут* рассматривается как мансийско-башкирский гибрид (мансийское *шун* — «существо», башкирское *ут* — огонь).

Об истории спортивных состязаний в районе горы Шунут читайте на стр. 77.

А. К. Матвеев

«ХОЧЕШЬ
ДВИГАТЬСЯ —
ИЩИ
ПОПУТЧИКА»

В номере:

1”2003

РЕКА ВРЕМЕНИ

СТР. 3-28

АЭЛИТА

СТР. 29-60

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

СТР. 61-80

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1935 ГОДУ

Галерея

Т. СУВОРОВА «Живой город, живые люди» ----- 2

Тропой поиска

Р. ХАЙРЯТДИНОВ

«Как Пласт не стал Екатеринбургом» ----- 4

Ю. ГУНГЕР «Шестьдесят на шестьдесят» ----- 12

В. ИЩЕНКО «С Маминым из Саранпауля» ----- 6

Наследие

О. ЛУЗЯНИНОВ «Рожденный трижды» ----- 8

Возвращение из Леты

В. ГОЛДИН «Поэт весны» ----- 14

Портреты

М. ЭБЕРГАРДТ «Любовь к отеческим гробам» ----- 16

Занимательная нумизматика

В. ПУРОНЕН «Что было до монет?» ----- 20

Легенды и были

В. СУРЕНКОВ «Подарок Меденки» ----- 23

Юбилей

А. СЛЕПУХИН «Рок-н-ролл у наклонной башни» ----- 25

Добрые попутчики «Уральского следопыта»

П. РОДИМОВ «Хранительница памяти» ----- 30

Драматургия

О. БОГАЕВ «Человек-корыто» (начало) ----- 32

В. СИГАРЕВ «Замочная скважина» ----- 43

Дебют

А. ВДОВИН Стихи; «Орлы и куропатки» ----- 40

Современная проза Урала

А. ИЛЬЕНКОВ «Плевое дело» ----- 48

К. БОГОМОЛОВ «Ферматист» ----- 52

Литературное течение «Добряне»

Н. МЕРЕЖНИКОВ Стихи ----- 59

Дети в походе

Александр ЛЫЖИН «Наши Саяны» ----- 62

Уральские тропы

Александр БОРОДИН «Однажды зимой» ----- 64

Е. ТАМПЛОН «Шарташские каменные палатки» ----- 75

Экспедиции

Владимир ЮКЧУБАЕВ «Непройденный маршрут» (Начало) -- 67

Семейный туризм

Наталья СТУПИНА «Карельская река» ----- 71

Человек в экстремале

Валерий ШУМКОВ «Шунутский экстремальный кросс» ----- 77

Уральская горная страна

Е. САВЕНКО «Полярный Урал и Пай-Хой» 3 страница обложки

Татьяна СУВОРОВА

Живой город, ЖИВЫЕ ЛЮДИ

Художник Алексей Рыжков широко известен своими пейзажами Екатеринбурга. Их характерная особенность — очень точный подбор изображенных деталей. Вроде бы несовместимые друг с другом кусочки облика нашего города на картинах Рыжкова внезапно оказываются взаимодополняющими. Прошлое и современность, прекрасная архитектура и нелепая реклама — все это противоречит друг другу, но и... нужно друг для друга, как день и ночь. Екатеринбург, увиденный живописцем, — это живое, яркое, немного смешное и очень необычное место. По нему интересно ходить, в нем приятно жить.

Не так давно Алексей решил рисовать не только сам город, но и его обитателей. Ведь они — это то, что изменяется очень быстро. Десять лет назад по тем же самым улицам ходили совсем другие люди, и через десять лет тоже будут ходить совсем не те. Не верите в это? Тогда вспомните, какими в то время были вы сами и ваши ближние. А потом сравните их с теми, кем они стали сегодня — и иллюзия неизменности людей тут же пропадет.

А если вы верите в легенду о безликой толпе — то пройдитесь по улице, не думая о своей работе, бытовых проблемах и всех прочих вещах, которые вас вечно занимают и в магазинах, и на городских улицах, и даже во время прогулки в парках. Посмотрите на людей — и вы увидите, насколько не безлика так называемая «толпа». Обитатели большого города очень разнообразны, очень непохожи друг на друга. И когда у нас есть время и желание заметить это — то мимо нас тут же начнет проходить масса своеобразных, неповторимых типажей. Они возникли сейчас, в наши годы. И они видоизменяются, пропадут — и, быть может, это случится уже через пару-другую лет. Ведь жизнь — штука стремительная, в ней все время что-то отмирает, что-то создается...

Как же удержать все это? Только одним способом, тем же, каким можно удержать форму облака: сфотографировать или нарисовать. Но рисунок будет лучше: потому что художник, в отличие от самой лучшей фотокамеры, избирателен. Он

обладает умением подмечать и переносить на бумагу самое главное, важное. И если техника точно, безукоризненно подмечает то, что происходит именно в эту секунду, то художнику подвластно другое: синтез. Он может минуты и часы наблюдать за зданием или за человеком, а потом взять и объединить в одном рисунке все любопытное, что было им подмечено в течение этого времени. И портрет получится не одномоментным, выхваченным наугад из потока времени, а как бы растянутым на часы, дни... Одна деталь высветилась в одну минуту, другая стала явной через две... И только мастерство и чутье автора рисунка решает, какие детали будут отобраны.

Может быть, этим талант и отличается от посредственности — тем, что умеет отбирать важные, создающие предмет детали, а бездарность переносит на бумагу или все подряд, или совсем не то, что нужно?

Но это уже немного отвлеченные рассуждения. Если вернуться к галерее образов современных екатеринбуржцев, которую создает Алексей Рыжков, мы увидим очень непохожих друг на друга людей. И все они очень интересны, индивидуальны, живы. И, когда наша эпоха станет прошлым, эти рисунки будут входить в число ее документов. Предлагаем вашему вниманию один из них...

РЕКА ВРЕМЕНИ

Как Пласт не стал Екатеринбургом
Рожденный трижды
Поэт весны
Любовь к отеческим гробам
Шестьдесят на шестьдесят
Что было до монет
Подарок Меденки
Рок-н-ролл у наклонной башни
и другие материалы

Мирон — сын Ефима

Отец и сын Черепановы по всем книжкам и справочникам ходят, что называется, парой: русские машиностроители Черепановы. Иной раз их даже называют братьями.

И действительно, в их биографиях прослеживается четкая преемственность. Демидовский крепостной Ефим Черепанов-старший и его жена получили вольную в 1833 году, а Мирон Черепанов-младший — в 1836-м.

Ефим был главным механиком всех Нижнетагильских заводов, сотворив в Н. Тагиле целый машиностроительный завод, оснащенный полным комплектом металлорежущих станков вполне оригинальной, т.е. собственной конструкции. И вслед за ним ту же должность выполняет его сын — Мирон. Его 200-летний юбилей мы и отмечаем в январе нынешнего года.

В 1833 году Мирон Ефимович для профессионального совершенствования был командирован в Англию и за границей познакомился с рельсовым транспортом, в частности с «Ракетой» Стефенсона. По возвращении он вместе с отцом строит первый русский паровоз («пароходный дилижанец»), а в следующем году — второй паровоз, более совершенный: с горизонтальным расположением цилиндров паровой машины и механизмом обратного хода.

Вместе с Фотием Швецовым, другим

уральским новатором техники, Мирон Ефимович разработал проект пароходов для буксировки грузов по Каме и Волге. А затем уже после смерти отца сконструировал и построил паровую машину мощностью в 60 лошадиных сил.

И хотя паровозу Черепановых при жизни отца и сына не нашлось работы, и он снова надолго уступил место конной тяге, благодарная память о русских машиностроителях-новаторах живет и движет отечественную технику.

«Уральский следопыт» не раз обращался к биографиям Черепановых, но особенно интересен был очерк М. Рафикова с публикацией новых архивных документов (УС, 1984, № 12).

Юний Горбунов
Фото. Е. В. Савенко

Равиль ХАЙРЯТДИНОВ, г. Пласт Челябинской обл.

Как Пласт не стал Екатеринбургом

В архиве музея города Пласта (Челябинская область) есть карта Урала за 1911 год. На ней на месте сегодняшнего города показаны с. Кочкарь и станция Кочкарь. Значит, теоретически город мог называться Кочкарь. А мог стать и вторым на Урале городом под названием Екатеринбург. Это название привез в наши места купец Савва Лукич Тарасов.

Староверы

Выписывая имена из церковных метрических книг, обратил внимание, что на протяжении десятков лет многие крупные золотопромышленники Кочкарских приисков игнорировали посещение церквей. Видимо, были староверами.

В книге «История казачества Урала» (Оренбург-Челябинск, 1992 г.) есть такая строчка: «...исетские жители поселились в конце семнадцатого столетия и создали свое поселение в Санарском бору».

Если учесть, что земли на территории будущего г. Пласта были присоединены к Российской империи в 1732 году, а поселение Санарка возникло на полвека ранее — то, скорее всего, это и были раскольники, которые убежали от царских преследований, а в бору можно было спрятаться и от набегов степных племен.

Царские слуги усиленно следили за выявленными местами проживания раскольников. В той же В. Санарке в 1861 году числилось 45 жителей беспоповской секты.

Но на рубеже XIX и XX веков староверы приобрели некоторые послабления и определенное уважение как со стороны властей, так и населения. Многие, в том числе и наши золотопромышленники, получали звания не только личного, но и потомственного почетного гражданина. Почти все они состояли между собой в родстве. Причем главным критерием выбора невесты или жениха было не наличие богатства, а единство веры.

Порой нехватка женихов либо невест своей веры заставляла одного из них перейти в другую. Так, например, дочь казака из Черной речки (в 7 км. от г. Пласта) Юлиана Максимова Турковская в 19 лет из беспоповской секты перешла в православие 14 января 1915 года, а 23 января венчалась в той же Новотроицкой Александро-Невской церкви с восемнадцатилетним казаком Алексеем Платоновичем Егоровым из того же поселка Черная речка.

Золотопромышленники из Екатеринбурга

После открытия первого золотого прииска в 1845 году купцом второй гильдии Павлом Емельяновичем Бакакиным и успешного начала золотого дела, свой взор на Южный Урал обратили многие купцы из столицы горнозаводского Урала, города Екатеринбурга.

Поскольку все они практически состояли в родстве, то достаточно было объявиться на нашей «золотой» земле одному из них, чтобы земля потянула к себе и всю родственную цепочку. Из документов второй половины XIX века о выдаче лицензий на золотодобычу видно, что многие золотопромышленники из Екатеринбурга были доверенными лицами друг друга в ведении юридических дел.

Среди тех, кто открывал свое золотое дело на наших землях, числились семейства Козицыных, Китаевых, Зотовых, Якушевых, Росторгуевых, Харитоновых, Подвинцевых, Блохиных, Баландиных, Рязановых, Тарасовых. На последних хочется остановиться подробнее.

Первым из семейного клана Тарасовых открыл свой золотой прииск Савва Лукич (1801-1872). Совместно с несколькими компаньонами (естественно, тоже из г. Екатеринбурга) он создал акционерное «Екатеринбургское общество». Дата регистрации этой компании — 14 апреля 1861 года. Кроме этой компании, Савва Лукич Тарасов организовал и другие.

В начале XX века на приисках Тарасовых действовали до десятка шахт: Поносовская, Павловская, Ильинская, Мало-Поносовская, Баталовская, Никольская. Последняя работала до 1955 года.

Все шахты были оснащены современным по тем временам горным оборудованием: водоотлив, вентиляция, компрессоры для сжатого воздуха, рудоподъем и т. д.

В непосредственной близости от шахт находились две золотоизвлекательные фабрики — Павловская и Бажуковская. Шахты снабжали фабрики не только рудой, но и водой. Все основные производственные и жилые помещения, а также подземные горные выработки были электрифицированы и связаны между собой телефоном.

Необходимо отметить, что внук Саввы Лукича — Петр Иванович — первым в России и вторым в мире приступил к строительству фабрики для извлечения золота методом цианирования, однако первый блин вышел комом, и Тарасова обогнал другой золотопромыш-

ленник из Кочкаря — Е. Зеленков, который и застолбил за собой первенство в 1896 году.

К 50-летию «Екатеринбургского общества» (1911 г.) было добыто 458 пудов чистого золота (1 пуд -16 кг.).

Из документов начала XX века видно, что ежегодная производительность «Екатеринбургского общества» составляла от 19 до 29 пудов золота.

Ровная и стабильная работа приисков Тарасовых была нарушена в 1902 году: на Павловской шахте произошло обрушение. Погибли десятки рабочих, другая часть была спасена горноспасателем Кочкарских приисков Ступиным, который впоследствии был награжден государственной (царской) наградой — золотой медалью «За спасение погибающих».

В документах нет ни слова о количестве погибших, но говорится о том, что на устранение обрушения ствола Павловской шахты были затрачены большие суммы, и поэтому в 1903 году произошел некоторый спад в золотодобыче.

В 1911 году — дата 50-летия «Общества» — оно имело недвижимого имущества на сумму в 175 тыс. рублей и движимого — на 186 тыс. Это огромные по тем временам суммы. «Общество» ежегодно выплачивало различных налогов и сборов в казну до 8 тыс. рублей. Тарасовы построили и содержали на своих приисках больничку.

В разные годы среднее число работающих в Обществе колебалось в пределах от 400 до 460 человек.

Первая мировая война резко ухудшила финансовое положение приисков компании Тарасовых.

На войну были призваны не только горные специалисты, мастеровые, старатели, но и рабочие лошади. Все это привело «Екатеринбургское общество» к банкротству, и оно было вынуждено продать свои прииски в 1916 году французской компании.

После гражданской войны Екатеринбургский прииск среди населения Кочкарских приисков зовется Тарасовский край. Здесь открывается школа, которую население также стало называть Тарасовской. В 20-е годы на базе помещений бывшего «Екатеринбургского общества» был открыт рабфак, а затем и горное училище. Многие пластовчане, наверное, помнят клуб СПТУ № 10 — это последнее здание, что осталось от «Екатеринбургского общества».

В 1920 году административный центр Кочкарских приисков стал называться екатеринбургским сельским сове-

1861 год. Юбилей «Екатеринбургского общества».

том. У пластовчан, родившихся с 1920 по 1930 годы, в свидетельствах о рождении стоит печать с надписью: «Екатеринбургский сельсовет», т. е. на Урале мог появиться еще один город Екатеринбург. Но царские имена тогда были не в моде, более того — в опале. Меняют свои названия Екатеринодар, Екатеринослав, Екатеринбург. Наконец, и наш Екатеринбургский сельсовет в апреле 1931 года получает статус рабочего поселка под названием Пласт.

В приложении к книге «Рязановы — купцы екатеринбургские» дана родословная золотопромышленников Тарасовых. По архивам нашего музея мы можем эту родословную дополнить. Например, древо Тарасовых заканчивается Петром Ивановичем и не указаны два его сына. Одного звали Вениамином, второго — Евгением. Оба имели высшее горное образование.

Кроме сыновей Петра Ивановича, здесь работали в различные годы и другие Тарасовы, которые не отмечены в родословной. Поскольку их нет в церковных метрических книгах, полагаю, что все они из одного староверческого семейного клана. Вот их имена: Тарасов Михаил Юрьевич, горный инженер, консультант «Анонимного общества»; Тарасов И. С. — владелец приисков в 1874-1892 годах; Тарасова Фекла — владелица приисков в 1855-1863 годах; Тарасов Николай — умер в 1853 году в возрасте 18 лет.

Все Тарасовы в начале XX века входили на золотом Кочкаре в Общество образования. Иван Петрович в 1914 году подарил в библиотеку им. Блохина 129 книг.

Из всех Тарасовых только Петр Иванович имел звание Потомственный почетный гражданин, — видимо, он первый из семейного клана был удостоен этого звания по императорскому указу.

Василий ИЩЕНКО, г. Екатеринбург

С Маминым из Саранпауля

Верховья реки Касью.

Однажды пришлось мне лететь на Приполярный Урал и сделать транзитную остановку в поселке Саранпауль. Первым делом заглянул в книжный магазин. И к своей радости обнаружил томик Мамина-Сибиряка, да еще с его рассказами о камне! Не задумываясь, купил, хотя рюкзаки были такие тяжелые, что учитывался каждый грамм веса. Но томик Мамина-Сибиряка был вне конкуренции.

Саранпауль — небольшой гостеприимный поселок, в котором живут, наряду с местными жителями (зырянами и манси) приезжие: геологи, золотодобытчики и работники предприятия по добыче пьезокварца (кварц с однородными монокристалльными участками, применяемый в радиоэлектронике).

Люди в поселке — честные и открытые. Уходя из дома, оставляют двери незапертыми. Не только в домах, но и по всей тайге никто не возьмет чужого. Мы встречали нарты, груженные всяким домашним скарбом, стоявшие в тайге с зимы, — и никто к ним даже не прикоснулся.

Как и все северные люди, местные жители ценят спиртное. В то время разрешалось торговать им только один раз в сезон. Поэтому спиртные напитки закупали ящиками. На водку можно было выменять все:

два ведра знаменитой сосьвинской селедки, той самой которую так любил Сталин, или, например, шкурку соболя...

Рыбы в здешних местах много. Заядлые рыбаки, чтобы получить удовольствие от ловли на спиннинг, снимают с блесны крючки и ухищряются ловить шук без них.

Поселок Саранпауль очень древний и имеет богатую историю. Раньше его называли Ляпином. Основан он был в 1363 году, когда новгородские воеводы прошли Каменный пояс и дошли до Оби, где построили первые русские городки, в том числе и Ляпин.

Вот по каким интересным местам нам предстояло совершить путешествие с томиком Мамина-Сибиряка.

Мы восходили на многие вершины: Парнук, Пирамиду, Ерогу и другие. Пересекали речки и ручейки с чистой, как слеза, водой. (Недаром в сибирских летописях ее называли сладкой.) Кое-где попадались участки вечных ледников. На базе Нижний Парнук побывали на кладбище, где, по словам местных жителей, покоятся военнопленные. Минутой молчания почтили их память — так как невольно проникаешься уважением к тем, кому пришлось жить в таких суровых и отдаленных от жилья местах. Кладбище представляло собой ровную поверхность, покрытую мхом, как зеленым ковром. Кое-где росли мелкие и редкие деревья. Что-то таинственное и грустное навевало на нас это место. Возможно, такое состояние исходило от энергетики, оставленной этими людьми: умирая, они понимали, что к ним на могилу никто и никогда не придет. Узники добывали здесь пьезокварц...

На плато Верхнего Парнука нам пришлось взбираться «серпентином», т. е. змейкой, так как склон был очень крутой. Здесь проходит граница Европы и Азии. И встречаются следы работы узников: фундамент из камней, на котором раньше была кузница; деревянное колесо-ворот, при помощи которого, как лебедкой, приподнимали груз на гору. Недалеко от

колеса — горка кристаллов горного хрусталя. Они были довольно крупных размеров: до 200 мм высотой и до 4-7 мм толщиной. Это были дефектные хрустали, которые по каким-то параметрам не соответствовали пьезокварцу.

На плато можно было найти и совершенно замечательные хрустали — так называемые «волосатики» (с кристаллами желтого рутила). Их еще называют «волосами Венеры». Имелся и раух-топаз разной густоты и цвета — от коричневого до цитринового.

На другой горе — Пирамиде — также встречались хрустали, но уже с включениями черного турмалина, производящего впечатление окаменевшего кустарника.

К горе Ероте путь пролегал через базу артели золотодобытчиков. Нас они встретили с большим гостеприимством и предупредили об опасности, которой мы подвергаем себя: в этих местах обитает агрессивная медведица. В том году она с двумя медвежатами часто приходила к ним на базу и питалась отходами из столовой. При этом она никого не трогала и никого не боялась. Но однажды один из артельщиков убил ее медвежонка, и медведица стала нападать на людей. Только с помощью оружия удалось ее отогнать в лес.

Гора Ерота порадовала нас всевозможными «волосатиками» с крупными и разноцветными кристаллами рутила.

Такие камни называют «стрелами Амура».

В одну из ночей случилось загадочное происшествие. Мы сидели у костра, дожидаясь, когда сварится ужин. Вдруг наша собака вскочила и стала яростно лаять в темноту. Шерсть на загривке у нее встала дыбом; она металась у костра, как будто *с ней рядом был некто*.

Стояла кромешная темнота, и не было видно даже за полметра от костра (белые ночи уже отошли). Через несколько минут поведение собаки сменилось на противоположное — она с визгом поджала хвост и бросилась в палатку, забилась там в дальний угол, не переставая визжать от страха. Мы сто-

яли, плотно подойдя к огню, не зная, что произойдет с нами в следующий миг. Для защиты у нас не было ничего, кроме маленького топорика. Стояла абсолютная тишина — ни малейшего шума или хруста сучьев. В напряженном ожидании прошло несколько минут. Собака наша визжала все тише, тише и постепенно затихла.

Утром мы осмотрели все вокруг, но никаких следов не нашли. Так и осталось загадкой, кто приходил к нам в гости. Ночевать здесь мы больше не рискнули и покинули эти места.

На одном из маршрутов нам встретилась полуразвалившаяся избушка, которая была обвешена множеством оленьих рогов. Некоторые из них валялись на земле. Эта картина вновь возвратила нас в глубокую старину. Вспомнились слова из летописи: «Сражаясь с усилием ветров, и засыпаемые снегом, странствующие полки Великокняжеские с неопысываемым трудом восходили на сии, во многих местах неприступные, горы... Там встретили Россияне толпу мирных самоедов, убили 50 человек и взяли в добычу 200 оленей».

Возвратившись домой и окунувшись в обыденную городскую жизнь, забыли мы многое из увиденного. Но стоило приняться за чтение томика, который побывал на Приполярном Урале, как вновь перед глазами вставала та или иная ясная картина. Как будто сам Мамин-Сибиряк, явившись из виртуального мира, вписал в свой томик новый очерк...

Хребет Неприступный.

Олег ЛУЗЯНИНОВ, г. Нижний Тагил

Рожденный трижды

(драматическая биография верхотурской обители и ее храма)

Храм монастыря в советские годы.

Женский Покровский монастырь в Верхотурье затеплил свою лампаду в 1621 году — это был первый женский монастырь на Урало-Сибирском пространстве. О его возникновении известно следующее.

В некоторых семействах, переселенных в Верхотурье из Новгородской, Вологодской, Вятской губерний, были девы и старицы, которые, глядя на обитель мужского монастыря, тоже хотели для себя иноческой жизни. Осенью 1621 года архиепископ Киприан, назначенный для службы в кафедральный город Тобольск, проездом из Москвы остановился на четыре дня в Верхотурье. В эти дни и подано было ему прошение об основании монастыря.

Архиепископ разрешил поставить за пределами острога деревянный храм во имя Покрова Пресвятой Богородицы, а около него — кельи для насельниц. Для начала тут поселились десять безместных стариц. Первой игуменьей назначили некую Анисью. Она послала челобитную грамоту тогдашнему царю Михаилу Федоровичу — о назначении монастырю хлебного и денежного жалования, а также просила помощи в благоустройстве храма и возведении монастырской ограды. Царь по этому поводу отписал грамоту Верхотурскому воеводе Ивану Ивановичу Пушки-

ну (2 декабря 1622 года), в которой просил дать помощь новому девичьему монастырю: «...вели устроить их по нашему указу землю, пашню, рыбными ловлями. И как к тебе ся наша грамота придет и ты б Покровского монастыря сестрицам велел дати на нынешний год нашего жалованья...» Священнику, дьячку и пономарю велено было платить деньгами — по восемь, четыре и три рубля, а также давать провианту — хлеба, муки, крупы, толокна. Причту пожаловали землю и рыболовные угодья — «чем им мочно сытым быть».

В 1645 году, уже при игумень Марфе, с разрешения из Тобольска был пристроен к Покровской церкви придел «Во имя усекновения честныя главы Иоанна Предтечи». Но в 1651 году в монастыре случился пожар, и все строения сгорели. Игуменьей тогда была Мария. Она была целом преемнику царя Михаила Федоровича, его сыну Алексею Михайловичу, человеку крайне боголюбивому, и просила вновь устроить в обители церковь. Царь отписал Верхотурскому воеводе Рафе Родионовичу Всеволожскому, чтобы новую церковь возвести из кирпича: «Строить девичий монастырь заново за счет царской казны небольшим строением, чтобы напрасных лишних расходов не было, а

во что обойдется строительство отписать в Москву и отписку подать в Сибирский приказ боярину Александру Никитичу Трубецкому да дьяку царскому Григорию Протопопову. А об иконах, книгах, ризах наш указ вам впредь будет. Писано на Москве лета 7159 февраля в 10-й день (1651 год)». Для монастырских служб отвели также две житницы «у водяных ворот под Камнем, кои стоят пусты, хлеба в них не сыплот».

Благодаря государевой помощи, Покровский храм был вновь построен и в январе 1687 году освящен. Игуменья Мария ездила в Москву и привезла дары от царя Алексея Михайловича: церковные сосуды, книги, облачения, новый антиминс — освященный плат с изображением положения во гроб Иисуса Христа. Было также дано распоряжение отпускать храму по ведру церковного вина и по два фунта ладана в год.

В царствование императрицы Елизаветы Петровны в Покровском монастыре 19 сентября 1744 года закладывается новый каменный храм во имя Покрова Пресвятой Богородицы. (Освящен в 1753 году.) А при освящении этой церкви на средства основателя Богословских заводов Максима Походяшина закладывается в ограде монастыря еще одна, двухэтажная каменная церковь. Ее освящение состоялось 23 мая 1776 года.

Покровский монастырь существовал на вспомоществования граждан Верхотурья, да также «усердием и иждивением Максима Походяшина». В лето 1738 года в Верхотурье случился очередной истребительный пожар. К тому же в это время был открыт новый тракт на Екатеринбург, и город остался от него в стороне. Умер и Максим Походяшин... В 1782 году женский монастырь был упразднен,

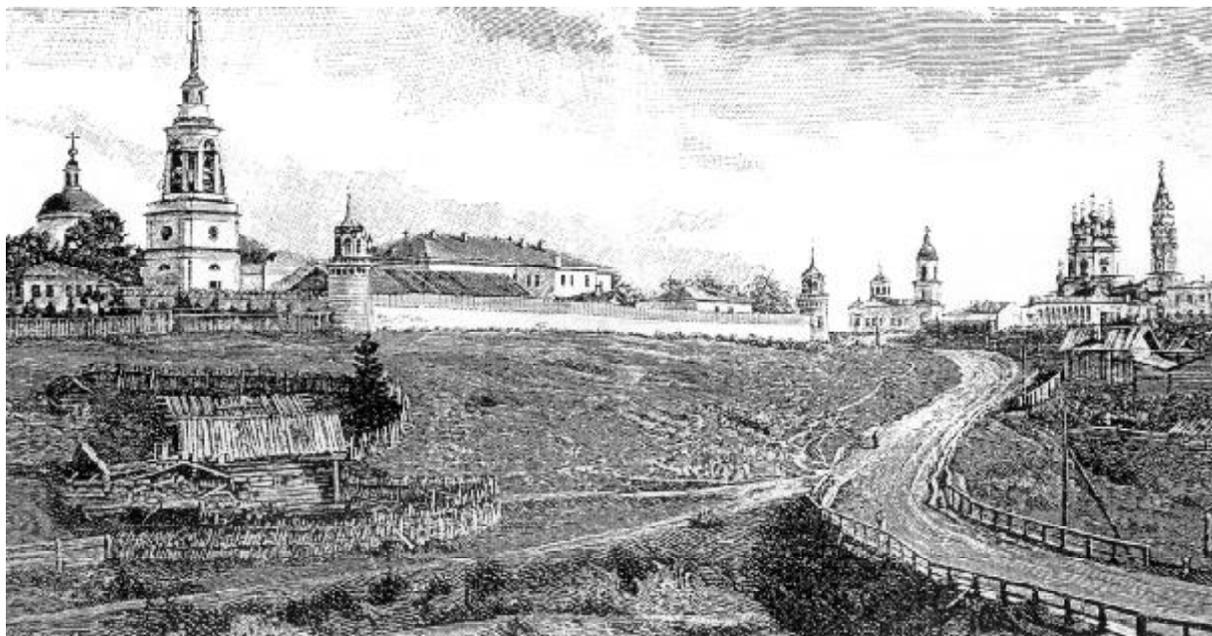
просуществовав 161 год, а Покровская церковь обращена в приходскую. Но старицы продолжали жить в кельях до 1853 года — монастырь теплился под именем «Богадельня». Затем она была переименована в «Богадельное женское общежитие». Смотрительницей назначили Августу Павловну Панову, позже постриженную в монашество и названную Агнией.

В 1895 году Святейший Синод преобразовал верхотурское богадельное общежитие в «Женскую Покровскую общину». Ей был отведен из казенной лесной дачи земельный участок в 100 десятин в шести верстах от города.

12 сентября 1898 года по ходатайству монахини Агнии получено разрешение на строительство при общине каменного однопрестольного храма в честь Покрова Пресвятой Богородицы.

Большую помощь в строительстве оказал настоятель Верхотурского Николаевского мужского монастыря архимандрит Григорий (в миру Зеленин) и матушка его — монахиня Мария (Мариамна Тимофеевна Зеленина). Они пожаловали общине 25 000 рублей. Проценты с этого капитала шли на содержание обители, на строительство, капитальный ремонт. Мариамна Зеленина подарила общине большую усадьбу с домом и надворными постройками, на которой и находится нынешний монастырь.

1898-й год — год возрождения обители. В это время скончалась монахиня Агния, а в Свято-Троицком соборе города была пострижена в монашеский чин Татьяна Петровна Сычева и наречена монахиней Таисьей. Она и стала управлять трудными делами общины: только наполовину был построен храм, возводился большой каменный дом. Через год храм был достроен и освящен Никанором, епис-

Храмы Верхотурья. Старинная гравюра.

Свято-Покровский женский монастырь. Вид с вертолета (фото А. Тараканова).

копом Екатеринбургским и Ирбитским.

В торговом доме Гилевых в Тюмени куплены для храма семь колоколов общим весом 200 пудов и 20 фунтов (3,2 тонны). Золоченый иконостас приобретен в Екатеринбурге у А. П. Кожевникова за три тысячи рублей. Послушница Ольга Кокорева организовала великолепный хор, в котором пели самые звонкоголосые сестры монастыря.

27 апреля 1907 года состоялось официальное открытие Покровского женского монастыря. Торжество почтил своим присутствием архипастырь Российской православной церкви, преосвященный владыка Владимир. Была пасха, и владыка совершил пасхальное богослужение в новом храме Покровского монастыря.

Обитель жила своим трудом, сестры не ходили с кружкой по ярмаркам, не побирались. В 1908 году в Нижнем Тагиле была организована выставка поощрения кустарных промыслов, устроенная Верхотурским земством. Изделия мастериц Покровского монастыря были представлены в порядке исключения, и эксперты присудили монастырским изделиям большую серебряную медаль.

Насельницы монастыря занимались разным трудом: рукоделием, вышивкой, писали иконы на полотне и на дереве, шили дамские платья и детское белье, церковное облачение и одежды для духовенства. Ткали шерстяные ткани, холсты, ковры, дорожки, половики. Шили обувь для себя и выполняли заказы от горожан. Изготавливали искусственные цветы из французской материи и из бумаги, вязали на ручных машинах чулки. В столоярне мастерили вся-

кую мебель — столы, стулья, шкафы, кровати. В переплетной мастерской переплетали книги, журналы, ноты для монастырей. Мастерицы по лужению, серебрению, золочению обслуживали потребности монастыря. Всего в мастерских работало 99 человек. Кроме этого, на скотном дворе было 30 коров, 20 лошадей, птичник. Тут было занято 14 человек, а при гостинице, кухне и квасной — еще 12 человек. Да на огороде и в теплицах — четверо. В страдную пору сестры выходили артелями по 15-25 человек по приглашению горожан на покосы и жатву, и делали это гораздо дешевле поденных «шабашников». К 1909 году все население женского монастыря состояло из 5 монахинь, 148 послушниц и 12 девочек из приюта.

...Читает монахиня канон Богородице Одигитрии: «...Пресвятая владычица моя, отжени от меня смиренного и окаянного раба твоего, уныние, забвение, неразумие, нерадение и всю скверну лукавую от окаянного моего сердца и от помрачения ума моего...»

Нет. Не освободила и не «отженила»...

Октябрьский переворот 1917 года оборвал мирную, благотворительную жизнь не только Покровской обители, но и всей Российской православной церкви. Воинствующий атеизм только к ноябрю 1918 года погубил более 200 тысяч монахов, священников и 18 архиереев — год-то восемнадцатый, революционный!

Впрочем, до 1922 года обитель не очень притеснялась представителями военного коммунизма. Но уже 22 мая 1922 года пришли уполномоченные новой власти, чтобы изъять ценности монастыря, не глядя на их историко-художественную ценность.

жественные достоинства — интересовал только вес драгоценного металла в бесценных изделиях: «Евангелие — 11 фунтов серебра, риза — 5 ф. серебра, еще Евангелие — 2 фунта и 31 золотник, Потир — 1 ф. 90 золотников и 1 ф. 71 золотник. Дискос, две тарелки, ложка и звезда — 2 ф. 12 з; малого размера пять вещей — 90 зол. серебра, лампад — 4 шт. — 94 зол. серебра. Всего 24 вещи, весом 30 фунтов, 64 золотника серебра».

В начале двадцатых годов территорию общины занял детский дом. В 1922 году монашеская община была переименована в сельскохозяйственную артель «Надежда», но по сути своей сохраняла уклад жизни общины: обрабатывали, как и прежде, землю по реке Черной.

Тагильский райисполком, однако, встревожился, что «монахини экономически укрепляются», и 16 апреля 1924 года президиум Тагильского ОКРИКа (окружной исполнительный комитет — снайперски меткая аббревиатура) постановил закрыть Покровский монастырь. Было решено организовать на территории монастыря детский городок, передать ему артельный сельскохозяйственный инвентарь, рабочий скот, земли по речке Черной, а артельщиц «Надежды» выселить. Покровский храм использовать под клуб.

Игуменья Таисья фактически была арестована, и в 1925 году ее место заняла Олимпиада (Ольга Михайловна Шубина). Сестры обители разошлись-приютились по частным домам Верхотурья, занимались на работу к зажиточным людям, шили ватные стеганные одеяла, подушки. Молились до 1930 года в Знаменской церкви.

В начале тридцатых годов органы ОГПУ вели следствие по делу настоятеля Николаевского мужского монастыря архимандрита Ксенофонта. Операция под названием «Историческая гниль» была грандиозна. По делу прошло свыше 70 сестер Покровского монастыря. Их обвиняли в принадлежности к контрреволюционной организации. Они будто бы вели агитацию против колхозов, против власти, распространяли версию о скором пришествии Антихриста, чем запугивали религиозную массу. Ни одна сестра не признала себя виновной.

После суда Ксенофонта и некоторых «ярких» расстреляли в тюремных подвалах и двориках. А насельницы монастыря были выселены в Казахстан и Новосибирск.

В начале 40-х годов сестры стали возвращаться из ссылки, расселись по частным домам. В 1946 году открылась на кладбище Успенская церковь — их пристанище и радость. А Покровскую власти переоборудовали в общественную баню.

25 декабря 1991 года Святейший Патриарх Алексий благословил открытие Покровского женского монастыря — это было уже третье рождение обители. Тогдашняя настоя-

тельница, монахиня София (Любых), приехавшая в обитель из Казахстана, активно занялась восстановлением многоградального Покровского храма. Восстанавливался и сестринский корпус.

25 сентября 1995 года монахиня София была возведена в сан игуменьи. Ей был вручен настоятельский жезл и оглашен призыв верно служить православию. Через год произошло освящение престола возрожденного храма. После чтения положенных молитв Святой престол был омыт розовой водой с вином и помазан Святым Миром. И сам храм был помазан Миром.

...Робко открываю дощатую калитку ограды. В обители не многолюдно, не суетно. На клумбах — простенькие цветущие растения. У забора аккуратно сложен кирпич, пиломатериал, стальной швеллер. Храм еще не достроен.

На скамье ведут разговор три женщины в черном одеянии. Спросил настоятельницу. Одна из них как раз оказалась игуменьей Софией.

Рассказ о ее делах короток и не украшен большой повседневной радостью:

— В обители пока живет 18 насельниц. В сестринском корпусе тесно. В каждой комнатке на девять квадратных метров живут по 3-4 человека, даже платяной шкаф негде поставить. Раньше монастырю принадлежали два больших двухэтажных дома, теперь в одном из них — военкомат, в другом — поликлиника. Наружный ремонт зданий мы делаем сами, на большую помощь не рассчитываем, но и тем довольны, что дают доброты: Нижнетагильский кирпичный завод привез три машины кирпича. Автотранспортное предприятие НТМК — металлопрокат для восстановления подвала храма. Отапливаемся пока что дровами. Спасибо Верхотурскому участку железной дороги — дали нам в прошлую зиму 30 кубометров дров. А пильщикам пришлось заплатить, у них свои проблемы — бензин, цепи, запчасти...

Храм и обитель делают первые шаги очередного возрождения. История продолжается...

Верхотурье. Недавнее прошлое.

Юрий ГУНГЕР, г. Волчанск

Шестьдесят на шестьдесят

Ни одна из книг по истории края, изданная в конце минувшего XX века, не забывала упомянуть о том, что такой-то город (Серов, Краснотурьинск, Карпинск, Волчанск, Североуральск) расположен на пересечении 60-го меридиана и 60-й параллели. Но где же находится точка их пересечения? Вопрос разрешили изданные в 1990 году ПО «Уралаэрогеодезия» карты масштаба 1:200000 («Окрестности города Краснотурьинска» и «Северный Урал. Гора Денежкин Камень») с нанесенной на них сеткой географических координат. Оказывается, точку надо искать между городами Волчанск и Североуральск, примерно в четырех километрах от железнодорожного разъезда Козий.

Тогда в среде краеведов и туристов возникла идея найти и отметить каким-то знаком это замечательное географическое место. Останавливала трудность технического воплощения затеи.

Любой специалист (геодезист, топограф, маркшейдер) скажет: «Дайте мне пару точек с известными географическими координатами, и я вынесу это пересечение в натуру». Но где взять географические координаты этой пары точек, хранимые Главным управлением геодезии и картографии (ГУГК) за семью печатями? Эта государственная тайна до сих пор осталась тайной. Но в наше время любой (разумеется, имеющий деньги) может приобрести спутниковый навигатор... Заполучив названный навигатор GPS и изучив его возможности в других экспедициях, решаем с его помощью отыс-

Координаты 60° 00' 00`` северной широты и 60° 00' 00`` восточной долготы.

кать интересующую нас точку «шестьдесят на шестьдесят».

После недолгих сборов — иди-то недалеко (главное — знать куда!), вчетвером отправляемся в небольшую экспедицию. Для вящей символичности в состав экспедиционного отряда входят представители четырех ближайших к «60 на 60» городов: Североуральска, Волчанска, Карпинска и Краснотурьинска. Оставив автомобиль на разъезде Козий (есть такой между станциями Лесная Волчанка и Бокситы Свердловской железной дороги), отправляемся в путь.

Идти легко: в нужном нам направлении пролегла квартальная просека. Время от времени сверяемся с навигатором. Он исправно информирует о пройденном расстоянии, средней скорости, абсолютной высоте от уровня мирового океана, показывает курс на интересующий нас объект. Здесь уместно сообщить, что на навигатор работают семнадцать спутников. Не все, конечно, одновременно

но, но семь-восемь постоянно, а доходит и до девяти. Регулярно встречаются свежие выруб, штабеля леса (в основном, береза). Вспоминается намерение Волчанского завода товаров народного потребления Уралвагонзавода выпускать совместно с голландцами мебель из натуральной березы. Наверное, это и есть будущая мебель. Но вывозить лес почему-то не торопятся.

Прошли два лесных квартала... Квартальная просека закончилась! А ведь когда-то была идея искать «60 на 60», оттолкнувшись от квартальной сети. При всем недоверии к лесоустройству (да и землеустройству тоже), намеревались получить точность 25-50 метров. (Конечно, мало впечатляет: стоять на условном пересечении таких глобальных линий. В лесу на 50 метров и видимости-то нет). На обратном пути выяснили причину пропажи квартальной: западнее она смещена на 100 метров и идет параллельно пропавшей (имеется и второй квартальный столб).

Дальше полагаемся только на навигатор. Он исправно сообщает о приближении к конечной цели экспедиции: 200 метров, 100, 30, 14, 5... Ноль! Еще немного пометавшись восточнее-западнее, севернее-южнее, останавливаемся в точке с координатами N 60° 00' 00,0" и E 60° 00' 00,0". Есть! Впрочем, десятые доли секунды не стоят на месте. Они меняются от 0 до

Разъезд Козий.

4. Но точнее не определить. В этом сознается и сам прибор, показывая свою погрешность: 3 метра. Но три метра — это вот. Рукой подать. Нашли...

Когда собирались найти «60 на 60», многие спрашивали: зачем? Действительно, зачем? Зачем люди идут в горы, на полюса Земли? Спросите у туриста...

Идет поиск. В центре снимка автор — Ю. Гунгер.

Фотографии В. Суворина

Владимир ГОЛДИН, г. Екатеринбург

Поэт весны

В начале XX века в Екатеринбурге творил активный кружок поэтов: Е. Гадмер, Н. Одуевская, П. Блиновский, В. Василевский, А. Надинский, А. Садко, А. Туркин, Н. Новиков, которого его современник И. Железнов в журнале «Нива» назвал «весной нашей родной литературы». Вот о нем-то и хочется рассказать поподробней.

Николай Федорович Новиков родился 12 января 1884 года (по новому стилю) в поселке Архангело-Пашийский завод Пермского уезда Пермской губернии, в семье торговца. Вскоре после рождения сына семья Новиковых переезжает в другой поселок — Бисерский завод, что в 60–70 километрах от первого. В семье почти ежегодно рождались дети, о чем свидетельствуют записи в книге регистраций местной церкви Петра и Павла, но умирали в раннем возрасте.

В Бисере в те годы была сильно развита среди рабочих и местной интеллигенции художественная самодеятельность при народном клубе. Ходила по рукам поэма о жизни рудокопов, сочиненная самими рабочими.

Николай Новиков без особых успехов закончил Бисерскую одноклассную народную школу. Незамеченным учился и до второго класса в Пермской мужской гимназии. Но вот стали готовиться ко дню рождения ее директора Я. И. Альфионова, и неприметный гимназист написал по этому поводу такие стихи, что ахнула вся гимназия. Новиков стал первым поэтом своего учебного заведения.

По окончании гимназии он едет учиться в Казань, в ветеринарный институт. Начало учебы совпадает с началом первой русской революции. Новиков пишет революционные стихи, многие из них ходят по рукам. Жандармское управление высылает его обратно в Пермь. Из Перми поэт направляется в Екатеринбург. К тому времени его мать скончалась, а отец перебрался в село Тугулым.

С 1905 года жизнь поэта тесно связана с Екатеринбургом. Он создает циклы стихов: «Из песен тюрьмы», «Из песен о конституции», «Из песен голода», «Из песен о пожаре». Публикует их в газетах «Урал», «Уральский край», «Голос Урала», «Зауральский край», в журналах «Гном», «Рубин», «Заря жизни».

Как известно, первая русская революция отступила. Начался кризис в сознании русской интеллигенции. Новикову тоже пришлось возвращаться «на круги своя», в лирическую поэзию.

Впрочем, поэт всегда стремился к чему-то новому, светлому, будь то революция, любовь или весна. И еще одну черту в творчестве поэта Новикова хочется отметить — это открытость, доверие к читателю, отсутствие внутренних ограничений. Поэт знает «грязь пошлости людской», но он не хочет с ней мириться, не хочет ее замечать, он постоянно в поисках нового, светлого. А потому он обращается к самому романтическому времени жизни человека

Н. Ф. Новиков-Черешнев.

— к ожиданию любви, ожиданию первой встречи, первого прикосновения к обожаемому человеку. В такое время тихое бессловесное общение значит больше, чем сотня произнесенных слов. Вот это томление души, предчувствие любви и есть одна из главных тем поэзии Новикова:

*Я все кого-то жду... Кого? — Я сам не знаю,
И кто-то мне твердит, что близок светлый миг,
Что скоро скрипнет дверь, что скоро я узнаю
Безгранно-дорогой, в тоске любимый лик...*

В 1908–1910 годах Николай Федорович много работал, его стихи публиковались почти во всех печатных изданиях Екатеринбурга — сначала под настоящей фамилией — Новиков, а затем под литературной — Черешнев. Ему становится тесно в столице горнозаводского Урала. Он все чаще на зиму уезжает в Санкт-Петербург. Но и там Новиков-Черешнев не затерялся среди литературного бомонда. Напротив, он — замечен.

В 1911 году «Биржевые ведомости» провели 2-й всероссийский литературный конкурс, а журнал «Огонек» приобрел сорок лучших рассказов на правах одной журнальной публикации. Среди 40 рассказов — «Эфирный вихрь» Н. Новикова и «Весенняя сказка» Николая Черешнева. Оба напечатаны в журнале «Огонек» за 1911 год.

Участвует Черешнев и в другом столичном конкурсе — драматическом, имени А. Н. Островского при Союзе музыкальных и драматических писателей. Он представил пьесу «Серая пасть», и она была отмечена почетным отзывом, принята и включена в репертуар Малого театра в Петербурге и Незлобинского — в Москве.

Но в дело вмешалась цензура. Автору пришлось кое-что исправить. Наконец, под названием «Частное дело» эта пьеса о гимназии и гимназистах была поставлена в Екате-

ринбурге, в Верх-Исетском театре. Потом она с успехом шла в столичных и губернских театрах Российской империи. Об этом свидетельствуют сцены из спектакля и отзывы на страницах журнала «Театр и искусство».

Всего Николай Черешнев написал около десяти пьес, но опубликовано было, согласно «Книжной летописи», пять: «Частное дело», «Тучка золотая», «Погорельцы», «Новый долг», «Сады зеленые».

1913-1914 годы можно считать расцветом творчества Черешнева. В эти годы он публикует три пьесы, десяток рассказов, новелл и журнальных статей, двадцать стихотворений из цикла «Цветы и песни». На его стихи композитор А. Юрасовский пишет романсы: «Два облачка» и «Осеннее» («Красные, спелые кисти рябины...»).

К поэту и драматургу пришло признание. Но его преследует неясное тревожное чувство. В последнем, опубликованном 5 июля 1914 года, стихотворении он писал:

*Не знаю, отчего, но прошлым дням невольно,
Как дальнему кресту, молитву я творю,
И с грустью, и с тоской я с прошлым говорю, —
И сердце бьется вновь и радостно и больно.*

1 августа 1914 года началась Первая мировая война.

Новиков не остался в стороне от общего патриотического подъема. Он добровольно поступает на службу в «Северопомощь», а затем, опять же добровольно, идет в Павловское военное училище, которое заканчивает прапорщиком. Прапорщик Новиков попадает в третью бригаду Русского экспедиционного корпуса, которая формировалась на Урале — в Челябинске и Екатеринбурге. Бригаду через Архангельск осенью 1916 года направили во Францию. Всего с Русским экспедиционным корпусом было направлено 43547 солдат и 745 офицеров. Что это значило для Франции, можно судить по словам маршала Фоше, который писал: «Если Франция не была стерта с карты Европы, то этим мы обязаны, прежде всего, России».

6 декабря 1916 года командованию полка, в котором служил поэт, потребовался вражеский «язык». Добровольцем от офицеров вызвался идти Новиков. Во главе группы солдат он с честью выполнил приказ. Артиллерийский шквал, который подняли зазевавшиеся немцы, накрыл офицера Новикова на самой кромке своих окопов...

Когда тело прапорщика вынесли с поля боя, в кармане его офицерского френча товарищи обнаружили листок бумаги, на котором было написано стихотворение в прозе «Моей Родине». Оно показывает, что поэт Черешнев любил Россию и ощущал себя национальным поэтом. Приведем стихотворение полностью:

Из прекрасной Франции я вижу тебя, моя милая и далекая, бесконечно родная и бесконечно любимая Родина. Мое сердце тянется к тебе и грустит непонятной грустью вместе с твоими широкими, необъятными просторами.

О чем оно грустит? Нет, не знаю, не понимаю, как не понимаю, родная, и твоей грусти, так она не передаваема и не разгадана; но она волнует меня своей тихой болью, и мое сердце тянется к тебе, далекой, любимой.

Я грущу по твоим лесам дремучим, по твоим зеленым приволжским полям, среди которых, лентой мозучей раз-

вернулась наша красавица — Волга.

Я грущу по тебе, мой родной, старый дед — мой урюмый Урал.

И по вам я грущу, белые тихие стены старинных монастырей, утренние, на заре, колокольные звоны.

Грущу и по вам, широкие казацкие степи, — ваш шелковый ковыль грезится мне, и ваше южное солнце целует мои щеки...

Я люблю тебя...

Я люблю тебя, моя милая, грустная такая, бесконечно родная, бесконечно любимая Родина. Как влюбленный, пламенным сердцем тянусь я к тебе и грущу о том, что мы далеки друг от друга...

Далеки, далеки...

С любовной надеждой смотрю вдаль, — когда наступит этот день, когда мы встретимся и улыбнемся. Будь счастлива, моя родная, — Храни тебя Бог! Я верю: мы встретимся и улыбнемся...

А если не встретимся?..

Тогда прости меня и, как мать родная, благослови своего сына из своего прекрасного, грустного далека — и я услышу это благословение, пойму его влюбленным сердцем и улыбнусь.

И, улыбнувшись под твоей последней лаской, навсегда закрою глаза...

Такие слова мог написать только глубоко искренний человек, каким был поэт Черешнев. Он последовательно, от первой опубликованной строки до последней, провел в русской литературе чистую линию любви к весне, женщине, Родине.

Погиб гражданин России — Николай Федорович Новиков. Опали лепестки прекрасного, цветущего, весеннего дерева — черешни, и эти лепестки много десятилетий лежат невостребованными на страницах газет и журналов.

Н. Ф. Новиков в годы войны.

Маргарита ЭБЕРГАРДТ, г. Екатеринбург

Любовь к отеческим гробам, Или как возникают екатеринбургские тайны

«Воспоминания — аромат души»

В середине 30-х годов XX века мои родители ежевечерне убегали в оперу. Меня, дошкольницу, оставляли на бабушек.

Спустя шестьдесят лет я наткнулась в архиве отца на рукописные листки, подписанные самой Фатьмой Саттаровной Мухтаровой. Она выслала отцу свои воспоминания по его просьбе — как вклад в его книгу о нашем оперном*, где так удачно складывалась ее актерская судьба. Она начала письмо по-французски: «Le souvenir — est le parfum de l'ame» («Воспоминания — это аромат души»), а закончила так: «оглянитесь назад, отдайтесь воспоминаниям, и вы увидите, как рассеивается туман и зажигаются яркие звезды».

На открытке 30-х годов — певица в роли Далилы (опера К. Сен-Санса «Самсон и Далила»), Фатьма Мухтарова, дочь уличного певца-перса. В детстве и ранней юности она бродяжничала на юге России. По словам известного дирижера Н. Н. Боголюбова, в таланте Ф. Мухтаровой «все блестело золотом — голос, фигура, глаза, движения, неподдельный темперамент», и... все осталось «золотой россыпью, не сцементированное в слиток» из-за отсутствия академической школы. Никто не знает, не в этой ли непредсказуемости таланта, невзвезданного академизмом, и состояла особенная прелесть? Может, потому и царила Мухтарова в сердце простого зрителя, оттого и знакомо ее имя внукам тогдашних поклонников театра? Фатьма Мухтарова и Давид Аграновский составляли незабываемый, неповторимый дуэт в «Самсоне и Далиле» — их спектакли невозможно было пропустить.

Дочь бродячего певца и питомец Петроградской консерватории — такой вот дуэт. Давид Аграновский обладал отличной вокальной техникой. «Мощный драматический тенор героического плана, с густой и плотной, почти баритональной наполненностью звука в центральном и нижнем регистрах, он в то же время блистал очень сильными и свободными верхними нотами» (цитирую «Наш оперный»). Словом, екатеринбургский Карузо. Спасибо А. Алиевой-Мясниковой — она ввела в обиход это многозначительное определение, услышанное от родителей.

Любая партия тенора — Герман в «Пиковой даме»,

* Эбергардт С., Порска В. Наш оперный. Воспоминания, впечатления, летопись 1912-1981 годов. Екатеринбург, «Уральское литературное агентство», 1998 г.

Заслуженная артистка Грузинской ССР, народная артистка Азербайджанской ССР, меццо-сопрано Фатьма Саттаровна Мухтарова в роли Далилы (опера К. Сен-Санса «Самсон и Далила»).

Канио в «Паяцах», Радамес в «Аиде» — все были блистательны. А Садко (одноименная опера Н. А. Римского-Корсакова) — точно для него и написан. Он «решал своего Садко в строго реалистичном, бытовом плане и создавал убедительный образ удалого молодого гусяря», что уже замечательно в распространенной практике оперной условности. А вокальное исполнение? «Голос певца звучал широко и раздольно. Особенно к месту были крепкие звучные верхние ноты Аграновского, прекрасно гармонирующие со звучанием оркестра, передающего звонкие наигрыши гусяря. Можно смело утверждать, что Аграновс-

кий был и останется пока непревзойденным исполнителем Садко на Свердловской сцене».

Когда я слышу, что наш Карузо был невысок ростом и не блистал героической статью, я думаю о драматической участи этих баловней судьбы — оперных певцов. Драматический актер, как правило, играет роли, отвечающие его психофизическим данным — он или герой, или характерный персонаж, трагик или комик. У избранников небес, одаренных божественными голосами, нет возможности выбора роли по темпераменту и личным склонностям. Только голос — мета избранничества, перед нею проблема амплуа вторична, и тенор является публике и Радамесом, и Швейком. Амплуа отступает перед «партией», написанной для того или другого голоса.

Замечательно, что Д. Аграновскому судьба даровала еще и юмор, и он с открытым забралом встречал своих недоброжелателей, которые не упускали случая кольнуть певца за его негероическую внешность: «Действительно, быть человеком невысокого роста — большой артистический промах, — писал он в журнале «Эхо театра». — Сегодня посылаю моей мамочке срочную телеграмму с просьбой немедленно приехать и заново переродить меня».

Энрико Карузо, как известно, получил всемирное признание, покориw оперные сцены мира и экраны кинотеатров. А Давид Аграновский остался н а ш и м Карузо. Известно: мы в России ходим по золоту, а бедны; богаты талантами, а прославлять их не умеем...

Прошлого не вернешь. Утешает одно: на екатеринбургском кладбище Михайловское стоит изящная каменная стела с портретами Давида, его красивой жены Раисы и умершей в 1997 году дочери. Все как должно быть — порадуемся этому. Тяжелая болезнь приковала Д. Аграновского к постели, когда дочери было всего два года. В последнее десятилетие своей жизни он следил за тем, чтобы дочь слушала оперы и бывала в театре... Именно дочь и спонсировала издание книги «Давид Аграновский» автора-составителя А. Алиевой-Мясниковой. И вскоре умерла.

Откуда берутся екатеринбургские тайны

Официальный Свердловск не утруждался заботой о прославлении своего Карузо. Книгу издала его дочь, памятник на могиле поставил его зять, а... где же был наш Оперный театр, так гордившийся золотым десятилетием? Где пленки, пластинки с голосом н а ш е г о Карузо? Почему не сохранилось голосов — ни Д. Аграновского, ни несравненной Ф. Мухтаровой? Имена эти и сегодня помнят екатеринбуржцы.

Культурный мир сохранил записи великих голосов от начала XX века, а тут — 30-е годы! Театр периферийный? Но ведь из лучших в стране.

Иду, расспрашиваю: вроде было по одной (!) записи 30-х годов Аграновского и Мухтаровой, но... Смыли! В кампании по изъятию горючей пленки смыли, не озаботясь предварительной перезаписью на негорючую.

Заслуженный артист РСФСР драматический тенор Давид Самойлович Аграновский в 30-е годы XX в.

Д. Аграновский в роли Зигмунда («Валькирия» Р. Вагнера).

В недавно изданной книге об оперных звездах автор Н. Курлапов, вслед за Алиевой-Мясниковой, упоминает о композиторском увлечении Аграновского. Сокрушается, как небрежны мы к талантам: «...его композиторское творчество не получило распространения, и после смерти артиста рукописи сочинений были переданы в дар библиотеке Уральской консерватории». Хотя бы архив сохранен!.. Но и тут ничего внятного: ни в Консерватории, ни в училище им. П. Чайковского не знают ничего о нотных рукописях певца. Расспросы вязнут в зыбком песке недоумения. Точно речь идет о Средних веках...

Так что особенно радует памятник над прахом нашего Карузо — спасибо родственникам. Остается позаботиться о сохранности стелы. Беспокойство не беспочвенное. Ведь кладбища у нас не сохраняются! Ни действующие. Ни «закрытое» Михайловское. Такая вот печальная правда. Конечно, сейчас мы совсем бедны, но проблема и не ставится. Точно ее нет. Городская власть и задачи себе не ставит — охранять. Могилы и кладбища разоряют не только бомжи, но и сами чиновничьи службы. Последние прикрываются, конечно, высокими целями (во имя порядка!), однако на деле преступают законы человечности и порядочности. На Михайловском кладбище с санкции Администрации полетели в металлолом чугунные ограды с могил!

Стоит ли удивляться вандализму воров, похитивших кусок мрамора или сорвавших бронзовые буквы с плиты? На то они и воры, от них нужен сторож. Куда страшнее чиновничье самоуправство. Пора уж признать, что святыни принято охранять от лиходеев — тем паче посреди многолюдного города. И охранять не для проформы, а по-настоящему системно, продуманно. Сказал когда-то Л. Толстой: человеку не надобно более двух аршин земли для последнего упокоения. Он сказал это в укор людской жадности, и наше идеологизированное сознание зациклилось на отповеди латифундистам, забыв о святом праве вечного покоя умерших наших предков. Легко, без тягостных раздумий, затаптывали мы места упокоения, рассуждая просто: полежали, и хватит. Об этом вопиет море безымянных холмиков на Михайловском. Так сами и создаем бесчеловечные екатеринбургские тайны.

В 1950 году на этом кладбище похоронен Арнольд Эвадьевич Маргулян — замечательный дирижер и художественный руководитель нашего оперного. Случалось, что у нас не только начинали свой путь будущие оперные звезды (С. Лемешев, И. Козловский), но здесь и обосновались, чтобы сиять нам и согреть наши души, как Аграновский, как Маргулян. Это обстоятельство совсем неплохо характеризует публику Екатеринбурга.

Арнольд Эвадьевич Маргулян родился в 1879 году в Киеве, окончил Одесское музыкальное училище по классу скрипки и в 1886-м поступил скрипачом в Одесскую оперу. С тех пор дирижирует операми в провинции, постепенно продвигаясь в солиднейшие русские театры. В Свердловском театре оперы и балета им. Луначарского он обосновался в 1937-м — как главный дирижер и художественный руководитель.

Заслуженный артист РСФСР Иван Осипович Палицын — дирижер свердловского театра.

Для меня имя Маргуляна обрело живую конкретность в начале сороковых, когда я открывала для себя «Аиду», «Руслана и Людмилу», «Царскую невесту», «Бориса Годунова» и, наконец, «Отелло». Даже мне, школьнице первой ступени, очевидна была незаурядность дирижера. Его спектакли отличала необычайная сила и организованность сложнейшего организма, каким является оперный спектакль.

Мне памятно жаркое военное лето — скорее всего, 1944 года. Все мое существо уже привычно дышало оперой. Я вся была во власти «Пиковой дамы». Мне не было дела до того, что Герман А. Азрикана толстоват — зато какая нежность и сила, и драма раздвоенной души в его голосе! Он зовет меня во взрослую жизнь. Ширь и мощь оркестра, потрясённость двух смятенных душ... Манящая загадочность открывающейся мне жизни... Воистину: когда за дирижерским пультом стоял Маргулян, опера, казалось, летела, «вдохновенная Богом!»

Осмелюсь утверждать, что А. Маргулян придал второе дыхание А. Азрикану, и постановка труднейшей оперы «Отелло» Д. Верди в середине 40-х годов, удостоенная Государственной премии (Отелло — А. Азрикан) это подтвердила. Музыковед И. Ф. Белза свидетельствовал: она сделала бы честь любому театру Москвы и Ленинграда — и по художественному, и по музыкальному уровню.

И А. Маргулян, и Д. Аграновский похоронены на кладбище, ближайшем к месту их прижизненного адреса — на Михайловском, в начале 50-х. Могила Д. Аграновского ухожена благодаря заботам семьи. А могилы А. Маргуляна нет, хотя она была.

А где могила еще одного крупного дирижера — заслуженного артиста РСФСР И. О. Палицына, тоже упокоенного на Михайловском? Он работал в Свердловске шесть театральных сезонов и умер в 1931 году — прямо за дирижерским пультом, после исполнения увертюры «Тангейзера».

Могил на кладбище нет. Не сохранили... Как и голоса певцов, как и их сочинения... Но формальность соблюдена: памятники А. Э. Маргуляну и И. О. Палицыну стоят... на Ширококореченском кладбище (!?) Оказывается, лет тридцать назад руководство театра получило от всемогущего горкома (обкома) исполненный значительности начальственный сигнал: кладбище закрываем, переносите оттуда свое имущество.

Работа и закипела. Памятники перевезли в престижное место, а холмики сравняли с поверхностью. Памятники — они на балансе театра, не то, что мертвые души. Перевезли вместе с ведром могильной земли — для успокоения совести, если уж она кого-то побеспокоит. Прах почивших остался на территории кладбища Михайловское. Место обозначить не озаботились.

Вот так, из-за обилия подобных тайн, забвение обретает у нас статус обыденности, почти нормы.

Народный артист РСФСР, народный артист Украинской ССР Арнольд Эвадьевич Маргулян — главный дирижер и художественный руководитель Свердловского театра.

Далила (Ф. Мухтарова) и Самсон (Д. Аграновский).

Владимир ПУРОНЕН

Что было до монет?

Владимир Семенович Пуронен — давний автор и друг «Следопыта». Года не проходит, чтобы он не появился в редакции с огромным рюкзаком всякой невидали, хотя и живет сейчас в неблизком поселке Мга Ленинградской области.

В числе многих его увлечений — и нумизматика. Как для всякого «продвинутого» коллекционера, монеты для него — не только средства денежного обращения. Они свидетели, а порой и активные участники исторических событий, больших и малых общественных перемен. Нет заурядных монет! Каждая — пропуск в загадочную и манящую страну. В этой стране есть и свои тайны, и приключения, и курьезы...

Добро пожаловать в страну Нумизматику!

С монетами мы имеем дело постоянно, они — привычный атрибут нашего быта. С их помощью мы совершаем различные мелкие покупки, оплачиваем проезд в общественном транспорте. До недавнего времени их бросали в телефоны-автоматы... Мы настолько к ним привыкли, что не обращаем на них особого внимания.

А теперь представьте себе, что из нашего обихода исчезли монеты — все до единой. Разом появится бесчисленное количество мелких и не очень мелких неудобств, возникнет великое множество затруднений...

А если вместе с монетами исчезнут и бумажные деньги?..

Но ведь было время, когда монет вообще не существовало. А бумажных денег до изобретения бумаги и быть не могло. Какие же деньги существовали до появления монет?

Сначала роль денег выполняли различные товары. Например, племена, жившие по берегам рек и озер, предлагали своим соседям вяленую рыбу в обмен на куски кремня или обсидиана для изготовления орудий труда или войны. Но такого рода примитивный обмен был еще явлением ненадежным, во многом случайным, хотя сушеная рыба в качестве денег известна и во времена не столь давние. Еще в прошлом веке в некоторых районах Африки мелкие сушеные рыбки служили чем-то вроде современной разменной монеты.

Торг в Новгороде Великом. Миниатюра из Лицевого летописного свода XVI века.

С разделением труда на земледелие, скотоводство и ремесло товарообмен стал насущной необходимостью. Но такой товарообмен на первых порах был связан с рядом существенных неудобств. Как быть гончару, которому необходимо оливковое масло, если крестьянин, выращивающий оливы, нуждался в данное время в мотыгах и серпах? Хорошо, если неподалеку жил кузнец, которому срочно требовалась глиняная посуда. Тогда гончар передавал нужное число различных горшков кузнецу, тот — соответствующее по ценности глиняной посуде количество серпов и мотыг земледельцу, а последний — сколько-то масла гон-

чару. Но сколько нужно было употребить в этом тройном обмене горшков, серпов и масла, чтобы все остались довольны?

Поэтому постепенно в различных местах земного шара стали выделяться те или иные товары, которые становились мерилом (эквивалентом) всех других товаров. Как только такой товар выделялся, все прочие приравнивались к определенному количеству данного товара.

Для некоторых территорий Юго-Восточной Азии таким универсальным товаром надолго стал рис. И теперь цена куска ткани могла быть выражена каким-то числом мешочков риса; а цена буйвола — другим количеством тех же самых мешочков. Зерном (и не только рисом) многие века в различных странах производили различные платежи, взыскивали налоги...

На многочисленных островах Тихого океана роль денег выполняли кокосовые орехи. Всем нам хорошо знакомая соль успешно справлялась с обязанностями валюты в некоторых районах Азии и Африки. В средневековой Абиссинии, например, за пять брусков соли определенного размера можно было купить раба. Еще в прошлом веке куски соли использовались как деньги в Бирме, на острове Борнео, в Гвинее...

В краях более холодных — на севере азиатского и американского континентов — деньгами довольно долго являлись меха: шкуры медведей и оленей, лис, бобров, тюленей, соболей, куниц, горностаев, белок...

Испанские конкистадоры, приступившие к захвату Америки, очень удивились, обнаружив, что здесь кое-где деньгами служат бобы какао, хотя привычных для европейцев денежных металлов — золота и серебра — в тех же самых местах имелось предостаточно. В Африке слоновая кость в качестве денег употреблялась до конца девятнадцатого века.

Но все перечисленные выше товары — это все деньги, так сказать, «местного значения». Наиболее же распространенной формой первоначальных денег был скот, главным образом быки (коровы) и овцы. В «Илиаде» и «Одиссее» Гомера, время действия которых относится примерно к 12 в. до н. э., цены товаров определяются чаще всего коровами или быками. У древних греков была даже поговорка: «У него бык на языке». Так говорилось о людях, молчание которых покупалось щедрыми подачками или подношениями.

Между прочим, слово «скот»

Меновая торговля. Иллюстрация из книги XVIII века.

у наших предков-славян обозначало «деньги», и лишь с появлением металлических денег этим словом стали называть только домашних животных. Древнерусским словом «скотница» называли не хлев, а казну, сокровищницу.

Как только люди научились выплавлять металлы, появились деньги в виде кусков металла более или менее определенного веса, а затем и в форме металлических орудий труда и оружия: топоры, ножи, мотыги, лопаты, наконечники стрел и копий... Такие деньги были уже более удобными в обращении, чем деньги «природные»: они не боялись сырости, плесени, моли, им не грозил падеж. Они занимали сравнительно со своими предшественниками немного места, хранить и транспортировать их было куда проще. Подобные деньги в свое время получили широкое распространение в Европе, Африке, Индии, Китае... На первых порах их также, как и прочие товаро-деньги, можно было в любой момент пустить в дело. Однако со временем кое-где их форма упрощалась, размеры уменьшались, и все эти «топоры», «мотыги», «ножи» превратились просто в небольшие слитки металла, сохранившие с орудиями труда и оружием сходство чисто символическое. Они стали своеобразными денежными знаками, в которых только угадывалась их прежняя утилитарная форма.

В древнегреческом городе-государстве Ольвия, расположенном когда-то на берегу Черного моря, ходили деньги в виде литых бронзовых дельфинчиков. В Китае примерно с 12 века до н. э. появились деньги из бронзы в виде колосниковых решеток, терок, гребешков, луковиц лилии,

Мерный безмен начала XVIII века.

Русские купцы. Иллюстрация из книги XVII века.

самых разнообразных колец, щитов, насекомых (цикад), гирь, бобов...

Металлические, чаще медные, кольца служили деньгами и в Древнем Египте, и в Европе... При раскопках Микен обнаружен бронзовый слиток в форме бычьей (бараньей?) шкуры, который, скорее всего, играл там роль «ходячей монеты». И, наконец, деньгами были просто куски металла, принимавшиеся на вес. Ведь в далеком прошлом стоимость меди, железа, олова была во много-много раз выше, чем в наши дни. В том же Древнем Египте пуд меди ценился дороже быка. Необходимо добавить, что соотношение стоимости металлов в разное время и в разных странах не было одинаковым. Бывало, что железо стоило дороже золота...

При мелких торговых сделках металл сравнительно легко делился на части. Постепенно и эта операция упростилась — слиткам металла стали придавать определенную, единую форму и вес, при этом несколько маленьких слитков по своему общему весу равнялись весу слитка большого. Разумеется, и вес, и форма в различных местах были различными.

Со временем от больших слитков вообще отказались, так как маленькие однообразные слитки были гораздо удобнее для торговли, которая вполне определенно стала выделяться в особый род занятий. Обычно на таких слитках ставилось клеймо, подтверждающее их вес и пробу. (Проба — данные о соотношении между количеством чистого, часто драгоценного металла и общим весом сплава — определялась в соот-

ветствии с применявшейся в данный исторический период счетной системой). Ставить такое клеймо имели право лишь государственные власти, которые тем самым гарантировали, что данный слиток состоит из металла строго определенного качества. Такими металлами могли быть медь, олово, золото, но чаще всего — серебро.

Мелкие слитки серебра — «сикли» («шекели») — служили деньгами уже за два тысячелетия до н. э. в Двуречье и прилегающих странах, а несколькими столетиями позже серебро стало универсальной валютой почти по всей Азии. Правда, наряду с другими видами денег.

Итак, небольшие слитки (кусочки) металла с клеймом... Да ведь это уже почти настоящие монеты!

(Продолжение следует)

Железные гири XVIII века.

Владимир СУРЕНКОВ, г. Полевской

Подарок Меденки

...Осень — дар природы. Особенно вроде бы и ликовать-то не с чего. Но с каким-то необъяснимым восторгом встречаю каждую новую в моей жизни осень.

В одну из таких осени и произошел удивительный случай, который выделился и запомнился, как никакой другой...

Частенько хаживал по склонам Высокой горы нашего Северского поселка. То за сучками для поделок, то с ковшичком пробежусь к ручейку — золотишком побаловаться, либо этюдик набросать. Благо, вид в теплую сторону просто замечательный. Словами не описать...

В голубой безбрежности у подножия Азов-горы Зюзелга виднеется. Кладовая бабки Синюшки. Ближе, за водной гладью Северского пруда, речушек Гремухи с Северушкой — известные всему миру Гумешки. Это уже владения Хозяйки Медной горы...

Пока взбирался на гору, изрядно подустал, так как на этюд рискнул отправиться после ночной смены. Захотелось сбежать от масляной вони и металлической гари, осевших в груди, и уединиться в лесу, подышать его воздухом, пахнущим прелым листом, грибницей.

Взобравшись на полуденную сторону, аж задохнулся от удивления и восторженной радости... Сколько здесь хаживал, а эдакого чуда не выдывал. Посреди желанного пейзажа стоит старая-престарая, с кривыми, корявыми ветками-ручищами, потрескавшимися от столетий, лиственница. Наряд ее, уже ржавый, напоминает потрепанный тулуп, да такой драный, что и заплатку некуда посадить...

Задний план этюда набросал быстрехонько, но шелест скукожившейся листвы наводил липкую дрему. Вот и поддался соблазну: дай, думаю, малость отдохну. Откинулся назад, словно бы упал в никуда, в глубь безбрежную и бездонную. Глядь! А над головой — осинка-подросточек, словно цыганочка в танце, так и блещет, звенит червонным золотом да разноцветным своим монистом, листочками-монетками. Горит монисто, горит невообразимыми красками, которых нет в моем этюднике. И слов не хватает описать эту прелесть. Среди рваных быстрых облаков танец ее

Северский завод и Свято-Троицкая церковь.

казался таким же огненным и стремительным. А мои мысли пугались, и наступило райское умиротворение...

В какое-то мгновение его нарушил сорочий стрекот. Промеж выветрившихся, седовласых от мха скал-выползней, на горбатенькой сосенке сидела белогрудая красавица-сорока, ведунья-предсказательница. Раскланиваясь, словно извиняясь за нарушенный покой, она пристально изучала мое творение... То в одну сторону, то в другую откинет свою прелестную головку. Потом вдруг скакнула, распластала крылья и, глядя завораживающе прямо в глаза мне, застрекотала, будто спрашивая о чем-то бестолкового. А в закрутившейся столбом листве явилась женщина... Наряд ее затмил все виданное. Платье, по-осеннему переливаясь чистейшим золотом в черном ковше, вдруг становилось багряно-закатным, в ослепительно сияющих всполохах лимонных оттенков. Тут меня на ум и навело:

— Да ведь ты Меденка! — вскрикнул от догадки.

Но сколько ни глазел на нее замороженно, так и не смог различить лица хозяйки ручейного золота. Платье, будь оно неладно, ослепляло, переливаясь радужными всплесками, менялось каждый миг в расцветке и рисунке. Оно то совершенно теряло свои очертания и маревом сливалось с лесом, то остро сверкало изломами кварца, по которому пробегали золотые прожилки, то в мгновение превращалось в вихрь из костра разноцветных листьев. Ни в сказке сказать, ни во сне увидеть!

От бабки Варвары в детстве слышал о Меденке, да не верил — мало ли чего понапридумывают старые люди. И вот-те на!

— Признал ли, нет? — услышал ласковый голос. Подошла к этюднику. — Посмотрела я на твою работу: хоть и красиво, но не живое. Не твоё это призвание. Зачем объявилась, догадываешься, нет ли? Вспомни-ка змейку-меденку на Азовке...

А ведь был случай. Не дал старшкам на потеху змейку маленькую, голымым золотом сияющую. Унес ее подале. Не знаючи, сердцем почувствовал: добрая она.

— Вот-вот, — продолжила мои мысли, ровно читая их, — за добро добром и благодарствуют. Подумай, что возьмешь. Все у меня есть: и золото, и серебро, и камня самоцветные, даже клады терянные да заговоренные. Чего ни пожелаешь, твоим будет...

Кое-как отошел. Все ж осмелел:

— Ничегошеньки мне не надо. А вот если б разрешила-позволила своими глазами глянуть, как земные богатства хранятся, как самородки внутри гор перемываются.

— Что ж, быть по-твоему, как по-моему! Но с уговором! Молча на все смотри. А потом — как знаешь. Сможешь — в себе храни, не сможешь — людям расскажешь. Да только запомни: вряд ли кто тебе поверит. Обсмеют только. Не каждому эта ноша по плечу. Может, какой другой подарок возьмешь?

Ни на что другое я не согласился.

Взмахнула Меденка рукой, и что-то вмиг во мне переменялось. Чую — другим стал. Услышал то, о чем раньше и помыслить не мог, и не подозревал даже... Гора подо мной скрипит-постанывает. Журчайки кругом песочком поигрывают. Страшновато чуток стало. Непривычно.

От ключика прямешенько вниз, будто половички шлиховые, золото перхотинками маленькими поблескивает. Дивно. Ступил шаг, остороженько. Расступается гора, нутро раскрывает. Еще шаг — осмелел. Одно потрогаю, другое... А и хватился: Меденки-то нету. Обернуться, покликать побоялся. Вдруг за трусость примет. Подумает, что схлызнул. Да вдруг и невидаль эта исчезнет. Во век тогда себе не прощу.

Иду и дивуюсь. Что ни шаг — то новые пласты да наплывы глин всевозможных. А каких перцветий! От иных свечение по натекам неземное, как бархат нерукотворный. Другие опять радужками всполыхивают, да зарницами полыхают. В потаенных, сумрачных занорышах хрусталики аметистовые взгляд околдовывают. Уж на что змевики простые вроде — а узорами вровень малахиту бесценному.

Век бы так любоваться, да забеспокоился: куда меня утурило и как обратно возвращаться, к этюднику? Сел в

Рисунок Ольги Черновой

раздумьи, облокотился на что-то. Тут мне камушек под руку и подвернулся. Повертел, хотел уж бросить — да больно тяжелым он показался.

— Хочешь, — неожиданно услышал ее голос, — камень этот самородком сделаю? Золоту всяк поверит...

— Спасибо, — отвечаю, — только золота, Боже упаси, не надо. Один страх с ним, беспокойство да несчастья.

— Ну что ж, быть по-твоему, как по-моему. Храни этот неземной камень от меня на память. Он тебе удачу принесет, когда людям станешь о красоте нашей рассказывать.

Дунул резвенький ветерок, взметнул охапечь листьев — и быть не бывало загадочной хранильницы ручейного золота. Прострекотала только улетающая сорока.

Камень тот, ничем особенно не примечательный кроме тяжести своей, и по сей день в моей коллекции минералов. Однажды увидел его умный человек

— Хочешь верь, — говорит, — хочешь нет, но камень этот неземной. Потому как метеорит это!

Алексей СЛЕПУХИН

Рок-н-ролл у наклонной башни

Мы торопились. И только максимальная скорость и счастливое отсутствие представителей ГИБДД помогли нам вовремя попасть на центральную площадь Невьянска, где в этот день творился 300-летний юбилей города.

Сначала историческая справка.

Невьянск был основан в 1701 году (считается, что эта дата ознаменовала начало уральской металлургии). В его биографии много увлекательных, но неясных до сих пор страниц. Символом города, конечно, является наклонная башня — замечательный памятник русского зодчества. Ее строительство связано с деятельностью хитрого и расчетливого Никиты Демидовича Антуфьева, прозванного Демидовым. Башня была построена к 1725 году на берегу реки Нейвы, где располагался завод. Возможно, что после пожалования Демидовым в 1720 году дворянства, Акинфий Демидов решил увековечить это событие строительством династического памятника. Действительно, Невьянскую башню было видно издалека. Сама башня была спроектирована с русских деревянных церквей, таких как церковь Вознесения в городе Торжке и церковь Успения в селе Варзуга Мурманской области. «Каменными» прототипами, несомненно, являлись и башня Кокуй Новгородского Кремля, и колокольня Петропавловского собора в Казани, и Тульская церковь. Покосилась башня из-за неравномерной осадки грунта, хотя в народе долго существовало мнение, что виновны в этом «злодейства демидовские». Подвалы, выстроенные в те далекие дни, до настоящего времени хранят свои тайны.

Через триста лет невьянцы отреставрировали свою красавицу. Давно нет Демидовых, но памятник их притязаний жив. Удивительная башня возвышается над нами: белая, строгая, с часами и флюгером на самой верхушке, слегка наклонившаяся к земле, и от этого еще более загадочная.

... На площади уже все готово к представлению: скоро все начнется. А пока мы осматриваем самое интересное. В сквере перед городским музеем уже расставлены столы и лотки с ремесленными изде-

Автор (в обычной одежде) и военный оркестр.

лиями из самого Невьянска и окрестных деревень. Мне особенно понравились гончарные изделия из деревни Нижние Таволги — вот где живут настоящие мастера!

В уголке скверика жметесь взвод солдат в старинной военной форме, потрепанной временем. Любопытные зеваки беззастенчиво рассматривают их, а те, что посмелее, фотографируются с ними. Вот и я, отсняв несколько кадров, выбираю двух красавцев и прошу сфотографироваться на память. Будет чем похвастаться перед знакомыми!

На другой стороне площади идет подготовка к встрече дорогих гостей. Медленно подкатила карета, запряженная двумя белоснежными рысаками — по крайней мере, мне так хочется их называть. Из кареты выходит царь Петр I собственной персоной и его свита. Народу так много, что снимать становится тяжело. Царь приветствует народ невьянский, благодарит за ратные подвиги и желает здоровья. Звучит торжественная музыка. Царская процессия направляется в сквер — там пройдет вторая часть представления с ряжеными.

«Петр I» произносит речь.

Я пытаюсь пробиться сквозь толпу таких же зевак, но это непросто. Каждому хочется оказаться поблизости от актеров, потрогать рукой кафтан и сфотографироваться на память пусть с «потешным», но царем. Сам «Петр Великий» очень похож на привычный нам образ, знакомый по художественным фильмам и картинам Велуа и Лансере.

Какой он, великий российский самодержец? Статная, высокая фигура, крупное лицо и лихие усы, пронизывающие глаза, крепкие руки. И вправду — царь!

За ним следует свита. Демидов с окладистой бородой по-хозяйски указывает дорогу. Манерный щеголь весь в бантах, лентах и кружевах — обознаться невозможно: великий князь Меншиков. Правда, этому молодому вельможе сегодня отведена незначительная роль, но кто-то же должен составлять свиту царскую.

А мое внимание привлек арапчонок. Клянусь, более подходящего мальчугана на этот персонаж найти было бы сложно. Он не вымазан ваксой ради представления — это настоящий негритенок. Вот кто-то успевает сделать снимок на «Полярроид» с его участием, и парнишке достается проявляющаяся картинка. Он удивленно держит ее в руках и его широко раскрытые глаза внимательно следят

Гончар.

за появляющимся изображением. Мальчишка совершенно забыл о празднике, своих обязанностях. Небольшого росточка, одетый в кафтан Петровской эпохи и с треуголкой на макушке, он забавно смотрится на фоне современной толпы. Я замечаю, как его губы что-то по-детски шепчут, но разобрать из-за людского гомона не могу.

Пока я наблюдал за пареньком, ряженые уже приступили к действию. Первое, что необходимо, — так это показать удаль молодецкую. И вот царь Петр направляется к импровизированному горну, куда его с поклоном приглашают, нетерпеливо постукивая молоточками, кудесники-мастеровые, успевшие разогреть металл.

Царь не торопясь сбрасывает с плеч кафтан и, ухватив увесистый инструмент, начинает ковать. В его уверенных, точных движениях видны опыт и

умение. Несколько минут он трудится, а глазючая толпа старается протиснуться поближе и разглядеть результат. Слышны одобрительный гул и смех. Наконец Петр заканчивает, показывает, что у него получилось. Под крики мастеровых и веселых зевак к нему приближается симпатичная жительница с караваем и стаканчиком водочки:

— Пожалуйте, Петр Алексеевич, отведайте хлеба-соли! — с поклоном обращается она. Самодержец опрокидывает стопку и, отломив краюху, отвечает:

— Крепка водка, да хороша молодка! — За сим следует крепкий поцелуй. Девушка стыдливо прячет личико в платок, а царь лихо вытирает усы. Молодец!

После царя приглашают всех желающих показать свое умение. Предпочтение отдают молодежи. Вот мальчишка лет двенадцати начинает ковать. Хотя удар у него получается слабый, все же он наносит его с отяжкой, как и положено настоящему кузнецу. Сохраняются у нас старые дедовские традиции!

Царь оценивает его умение, и мальчишке достается приз.

Постояв еще немного, Петр идет дальше. Мастеровые под крики «Ура!» подбрасывают свои шапки вверх. Правда, не всем удается поймать их — нужна сноровка!

Демидов подводит царя к шорнику, чье искусство явно привлекло самодержца. Да, сейчас редко где можно увидеть в продаже конскую упряжь. Разве что в таких вот маленьких городках и деревнях, да и то не во всех. Любовно потрогав изделия и испытав их на прочность, — а царь не слабого здоровья, косая сажень в плечах, — он одобрительно отозвался о мастерстве ремесленника. Процессия следует вдоль рядов с поделками. Народу столпилось — не продохнуть. Впереди царя шествует дородная дама, стойко сдерживающая напор любопытных и прокладывающая ему путь. Вот ряженые добрались и до столика семьи умельцев, чьи творения в виде березовых туесков возвышаются над головами мальчишек, изготавливающих поделки пря-

мо здесь же. Потрогав все своими руками, Петр I и Демидов восторгаются качеством, а растроганная хозяйка дарит царю самый большой туес. С подарком в руках Петр со свитой продолжает обходить мастеровых людей.

Вдруг я слышу звуки музыки — и тащу своих спутников на площадь, где начинается свое выступление военный оркестр. Буквально через пару минут я заражаюсь оптимизмом и азартом, с которым музыканты исполняют мелодии. Они, несмотря на возраст (молоденьких ребят не так много) и военную форму, начинают «вытворять» что-то невообразимое. На звуки оркестра собирается праздничный народ.

Первым, на кого все обращают внимание — руководитель ансамбля. Капельмейстер просто превосходен! Он пританцовывает в такт веселой музыке и под заключительные аккорды обращается к публике:

— Все думают, что если мы военные музыканты, так можем исполнять только марши. Нет: сегодня праздничный день, и наш коллектив покажет все свое мастерство!

Его раскрасневшееся лицо говорит, что музыканты «приняли для храбрости» и в честь юбилея. Но это нисколько не мешает, а наоборот, дает стимул «заводному» веселью.

Оркестр начинает наяривать рок-н-ролл, а капельмейстер профессионально, несмотря на комплецию, вытанцовывает замысловатые па. Ему вторят музыканты; не отрывающиеся от труб, барабанов и флейт. Казалось бы, как можно исполнить на флейте рок-н-ролл? Но, к чести военных, по-

Петрушка.

лучается у них очень здорово! Самым уважаемым инструментом на этот момент является, безусловно, саксофон. Музыкант старается: теперь не отличишь кто из них, «сакс» или его владелец, сияет больше. Оба хороши!

Мое внимание постоянно приковывает капельмейстер. Я ощущаю «полет» его души в этот момент. Молодежь на площади, заведенная столь экстравагантным поведением военных, уже отплясывает «на полную катушку». Да и люди более зрелого возраста, смотрю, пританцовывают. В атмосфере праздника торжествуют бодрящие, восторженные ноты. Молодцы музыканты! Танец заканчивается под восторженный гул толпы. Такого никто не ожидал. Но и это еще не все.

— А сейчас мы исполним для вас самую красивую мелодию в нашем репертуаре, народную гуцульскую, — продолжает руководитель ансамбля. — С ней мы постоянно выигрываем все конкурсы.

Вот где проявился настоящий профессионализм оркестра! Музыканты начинают выводить знакомую мелодию, и до чего же красиво у них получается. Каждый раз, когда я просматриваю видеокассету, ко мне возвращаются то настроение и накал страстей, которые я испытал, стоя там, на площади. Жаль, что музыканты закончили свой концерт так быстро.

Возвращаемся на поляну перед городским музеем.

Я с самого начала хотел подойти к группе женщин в русских нарядах. До концерта они исполняли народные песни, и часть их выступления я успел заснять. Но сейчас меня ожидает... Петрушка.

— А вот молодец идет, он загадку и поймет. — обращается он ко мне.

Я тщетно пытаюсь отгадать несколько из них, но не выходит — видимо, сказывается возбуждение. Но, наконец, я отгадываю, и мне достается приз — бублик. Я рад как мальчишка, иду и грызу, ловя себя на мысли, что я счастлив в этот момент: много ли человеку надо...

Подхожу к лотку гончаров, и мне предлагают купить птичку-свистульку, какими на Руси детишки забавлялись. Сраженный обаянием хозяйки, да и общим весельем, покупаю. Мой сын потом весь вечер будет ходить и неумело посвистывать в эту прелесть.

Праздник в самом разгаре. Интересно наблюдать за лицами невянцев. — они по-настоящему счастливы, так как подобные праздники у них случаются редко.

Что мне нравится в невянцах, так это их открытость. Каждый раз приезжая к ним в гости, мы

садимся за большой стол. Собираются многочисленным родственники, приходящие постепенно. Так наше застолье растягивается почти на весь день. Все общаются, разговаривают. Есть что-то в этих неторопливых, спокойных встречах.

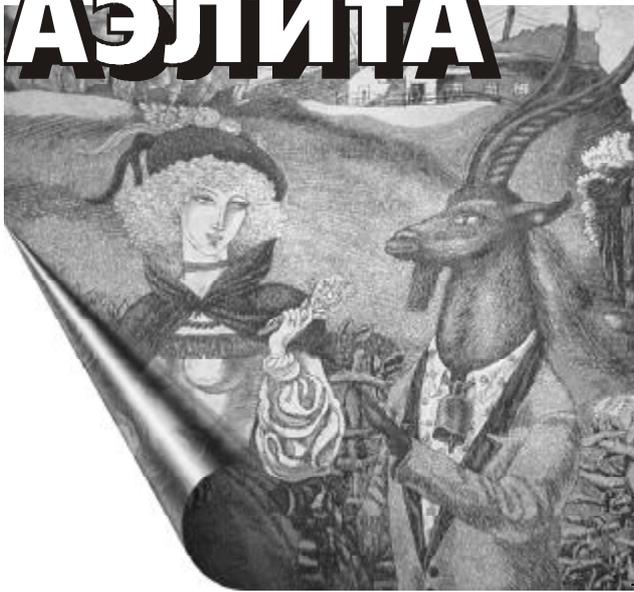
Юбилей города завершился шикарным фейерверком. Каких только замысловатых и разноцветных ракет не было выпущено! Большие и малые, одиночные и множественные, взрывающиеся одна за другой... Казалось, небо меняет свои декорации по мановению палочки волшебника.

Жаль лишь, что этот салют не видел мой сынишка — он уже мирно посапывал в кроватке, внимая своим замечательным детским снам. Может быть, он видел этот праздник, наклонную Невьянскую башню и ряженных, так умело сыгравших свои роли...

Прясть - это тоже не так просто.

АЭЛИТА

Петр РОДИМОВ
«Хранительница памяти»
Олег БОГАЕВ
«Человек-корыто»
Алексей ВДОВИН
Стихи; «Орлы и куропатки»
(рассказ)
Василий СИГАРЕВ
«Замочная скважина»
Андрей ИЛЬЕНКОВ
«Плевое дело»
Константин БОГОМОЛОВ
«Ферматист»
Николай МЕРЕЖНИКОВ
Стихи

С Новым годом, дорогие друзья!

От всего сердца мы желаем вам, уважаемые читатели, хорошо провести этот замечательный год, начавшийся, как всегда, семейным, единственным любимым всем народом праздником. Многие из нас с уверенностью, а многие с тревогой и беспокойством встречают те 365 дней, которые он с собой принесет. И тревога эта понятна, — не все одинаково одарены от природы, не ко всем благополучна судьба и обстоятельства. Но мы верим, дорогие наши друзья, что с вами всегда пребудут ясное и невозмутимое сознание, а также та капелька удачи, которую часто называют Ангелом-Хранителем.

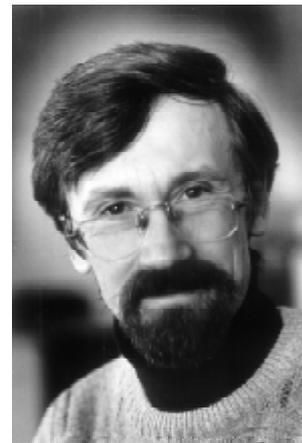
В свою очередь редактор «Аэлиты» постарается дать вам возможность познакомиться с лучшими произведениями современных писателей, поэтов и драматургов, пишущих на русском языке. И, естественно, мы будем продолжать в первую очередь освещать творчество уральских авторов. Надо отметить, что последние годы очень плодотворны для культуры нашего региона: в литературу пришло очень много молодых, талантливых прозаиков и поэтов. Не стал исключением из этой традиции и только что минувший 2002 год: в течение его любители литературы могли познакомиться с очередными многообещающими дебютантами. Все они очень разные и представляют, как порой кажется, совершенно несовместимые друг с другом литературные течения.

Тем не менее, именно это разнообразие и рождает истинную гармонию культуры. Ведь наш мир со-

здан таким огромным, разнообразным! И культура, зеркало жизни, не может не отразить этой бесконечности. Именно поэтому мы с таким удовольствием весь год размещали на наших страницах произведения самой различной направленности, стилей, жанров. Это не значит, что мы были всеядны: критериями отбора являлись гуманизм и литературный уровень произведений. Кстати, гуманизм тоже явление очень разнообразное. И разнообразное не потому, что он якобы бывает первого и второго сорта — а потому, что лиц у него столько же, сколько людей живет и жило на нашей планете. Добро может быть только конкретным — становясь абстрактным, оно порождает только дискуссии. А дело — про дело всегда сразу можно сказать, дурное оно или нет...

А еще в первом номере «Уральского следопыта» я (полагаю, что и вы меня поддержите) я поздравляю коллектив редакции журнала «Урал» с 45-летием.

До скорой встречи, уважаемые читатели!

*Петр Родимов,
редактор отдела
художественной литературы*

Беседу записал Петр РОДИМОВ

Хранительница памяти

(отрывок из книги)

Руководство Свердловского областного клинического психоневрологического госпиталя для ветеранов войн обратилось в редакцию журнала «Уральский следопыт» с предложением о создании книги, рассказывающей об истории и людях этого крупнейшего в стране по своей специфике лечебно-го заведения. В нее войдут воспоминания ветеранов и современников, музейные материалы и творческие работы. Главы из этой книги мы и предлагаем нашим читателям, начиная с этого номера журнала.

При подготовке материалов редакция постаралась максимально сберечь авторский стиль, не подвергая его чрезмерному «окультуриванию», что позволило сохранить задушевность и теплоту речи ветеранов, органично вплести ее в общий контекст публицистического повествования, фотодокументов, художественных произведений и исторических материалов.

Вашему вниманию, дорогие друзья, первой мы предлагаем главу, в которой о себе и о госпитале рассказывает директор музея Таначева Аля Ивановна.

В 1965 году меня привезли в госпиталь, потому что я обезножела. У меня отнялась спина. И через десятое колесо, по знакомству кому-то показали снимки, и в конце концов они оказались здесь в госпитале. И было велено, чтоб меня привезли срочно. Привезли. Так получилось, что меня встретила одна из ведущих нейрохирургов госпиталя — Анна Саватьевна Иванова. Она же делала пункцию и была поражена тем, насколько у меня плохи дела. Срочно состоялась операция.

До этого я лежала в больнице на Уралмаше. Здесь я сразу же почувствовала разницу в отношении к себе со стороны врачей: сразу забота проявилась.

В то время в госпитале находилось два отделения нейрохирургии. Их курировал Шефер Давид Григорьевич. Он болел душой за свое дело. Для него любой пациент был какой-то находкой, чтобы проявить свои знания и умения, поставить на ноги.

12 декабря я поступила на лечение, а была выписана только летом. И поэтому пришлось познакомиться с большим кругом и врачей, с сестер, и особенно нянечек. Их доброта, которую они вкладывали в больного поразила

меня. Представьте себе человека, который не может ни встать, ни сходить... Тебя вымоют в постели, тебе принесут в постель, за тобой смотрят, не однажды подойдут, чтобы спросить о том, как ты себя чувствуешь? И в моей памяти остались многие сестры и многие нянечки.

Была такая няня Вера, которая сейчас приезжает сюда лечиться. И первую она находит меня: Алечка, это ты? Она уже не может ходить, плохо двигается. Конечно, я к ней иду. И не потому, что я какие-то обязательства на себя взяла, а нам есть что вспомнить. Моя благодарность к ней большая, потому что и вымоет, и причешет, и обиходит, и выстирает.

И Анна Саватьевна. Она теперь уже не работает, но я не знаю, какой она огромной доброй души человек. Я никогда не видела в ее глазах даже тени плохого отношения к другому человеку. Ей больно, у нее тоже в семье что-то происходит, но я никогда не видела ее ни плачущей, ни страдающей. Она всегда с улыбкой.

Поэтому тот период, когда я попала сюда в госпиталь на «9-ое января, 51 А», из отделения на Уралмаше — это небо и земля. Так получилось, что я прикипела к этому госпиталю. Я потом ходила на консультации к таким врачам, как Скрябин, Крупин, Сокович Владимир Петрович. Я помню всех сестер, которые за мной ходили.

Это Эрлих Тагьяна Яковлевна. Маленькая и сугулая. Она все время курила. Она всю войну проработала в эвакуогоспиталях. Когда война окончилась, их госпиталь перебазировали на нашу базу, и она здесь работала практически до самой смерти.

Сестры не спали ночи, ходили, смотрели за больными. Установка была такая: первый — это больной, второе — это больной и третье — это больной. Потом уже — ты сам. Мне не перечислить всех сестер, но я помню одну сестричку, которая днем училась, а ночью подрабатывала. Она другой раз ночами придет и стоит, разговаривает, потому что у меня было депрессивное состояние после операции. Я думала, что ее сделают, и я пойду. Не получилось. И вот она могла вечером, ночью прийти и поддерживать меня морально.

Я могу назвать Скрябина — нынешнего проректора мединститута. Он тогда молодой, красивый мужик был. Его жена, Руфина Викторовна Гинсбург — превосходная красавица-женщина. Вспоминаю Мякоту Аллу Евгеньевну.

И, конечно, самого Шефера. Он меня встретил в коридоре и говорит: Это что это. Такая красивая девка и как-то ковыляет! Он вечером мог прийти в палату, к любому обратиться, посмотреть. И он плохо относился к врачам, ког-

да они не выполняли своих обязанностей, воспитывал их постоянно и строго наказывал, потому что для него больной был превыше всего. И престиж врача зависел от того, как он относится к больному.

Семен Исаакович до сих пор называет его своим учителем. Он боготворит Давида Григорьевича за то, что просто ему пришлось с ним работать, у него учиться. Этот дух теплоты и доброты к больному подхватил Семен Исаакович Спектор, и дальше это все продолжалось.

Потом меня выписали, я начала потихоньку ходить. Прошло три года, и я собралась идти на работу. Но у меня снова начались приступы. В январе 1969 года меня срочно привезли в госпиталь. Я попадаю в палату №8. Дело было в обед. Сидим, кушаем. Я сидеть могла, а ходить не могла. Слышу голос за спиной: Здравствуйте, дамы! Разворачиваясь, я произнесла: Здравствуйте, господин! Потом, когда повернула голову, увидела, что передо мной стоит красавец-мужик. Высокий, стройный. Я растерялась, покраснела. Он говорит: Ну, ладно, я вам мешать не буду. Кушайте, а потом я приду.

Приходит через некоторое время и подходит ко мне: Вы такая-то? Я извинилась перед ним. И вот таким образом наше знакомство состоялось. И вот с этого «Дамы и господа» пошел разговор на «ты». Потом он принес мне книгу «Нейропатоалогия» и сказал: Давай читай. Будешь знать. Нечего просто так лежать.

И вот с этого момента и до сегодняшнего дня я не встретила человека и врача, достойного подобного почтения и уважения. Мне делали операцию более семи с половиной часов. Он там анекдоты рассказывает, я пою песни, рассказываю стихи. Операция шла по «живому», лишь с применением местной анестезии. Они делали мне операцию вместе с Анной Саватьевной Ивановой, поскольку она учила его делать эти спинные операции. Так вот вместе по жизни мы и прошли. Я приезжала или к ней на консультацию, или к нему на консультацию. Сюда я приезжала и со всеми душевными ранами. Советовались вместе. Операция прошла, и в эту ночь дежурила Алла Евгеньевна Мякота, которая всю ночь не отходила от меня, проверяя по поручению Семена Исааковича мое состояние. Такой заботы, может быть, не каждый от своего родителя получает. И когда он на следующий день приходит, а я пролежала всю ночь на одном боку, он устроил разнос: Почему ее не перевернули?!

Пролежала я очень долго. Меня не могли поставить. Я только встану, меня сгибало. И он был постоянно со мной, только на руках не носил. И медсестры. Выборнова была постовая. Она теперь операционная. Худенькая, стройненькая девочка — ей бы гулять еще — но она была постоянно возле нас. Они все сделали, для того, чтобы ты жил.

Это отношение к больным, было заложено с первых дней существования госпиталя, еще Анной Моисеевной Есиковой, которая была заведующей во время войны и после войны вплоть до 1967 года. Та доброта, та домовитость отношений внутри лечебного заведения сохранилась до сих пор. В это время я училась на 4 курсе УПИ. И получилось так, что диплом я уже писала после операции в

1969 году. На экзамены меня привозили друзья, иногда привозили на дом экзаменатора. Я писала диплом, и Семен Исаакович писал вместе со мной. Он поддерживал меня душой, своим отношением, а читая мою дипломную часто говорил: Я бы так не написал. Есть его заслуга и в том, что я получила работу в отделе главного металлурга на Уралмаше. Он мне говорил: У тебя — красивые глаза. А он — еврей. Ты его покоришь.

Так это и получилось. Семен Исаакович хотел, чтобы я вышла в люди. Не дома сидеть, не инвалидом быть. Это и есть Доброта. И это не только ко мне, а в принципе ко всем.

Вот еще один пример. 8-е марта. Госпиталь на карантине. Праздник, а многие из районов, и родные приедут навестить больных. И он снимает карантин на один день. Все обрадовались, поскольку много тяжелобольных. Утром 8 марта мы просыпаемся, а у всех на тумбочках стоят маюсенькие открытки. Он написал каждой. Не одни и те же слова, а именно те слова, которые относятся к конкретному человеку. Эта открытка у меня сохранилась до сих пор. Сколько радости он принес всем людям! Приехали родственники с подарками, палата была полна. Настроение поднялось. Кто это сотворил? Человек, который понял, что здесь тоже люди живые лежат, им хочется тоже какой-то радости. А когда я защищалась, он просто послал со мною медсестру на защиту, потому что я ходила еще плохо. Медсестра там дежурила, а когда я все защитилась на «отлично», сразу позвонила в отделение госпиталя в ординаторскую и сообщила ему об этом. А вечером у меня дома мы просидели до глубокой ночи, и эти чисто человеческие отношения сохранились у нас с ним по сей день.

Я работала и в отделе главного металлурга. Потом меня поставили возглавлять Общество книголюбов на заводе. С началом Перестройки я стала сподвижником Б.Н. Ельцина. Мы основали Фонд поддержки первого Президента, и с ним я проработала до 1996 года, пока его не переизбрали. Я настаивала, чтобы он обязательно баллотироваться на второй срок, чтобы подготовить себе замену. Я была его помощником по Урало-Сибирскому округу, и часто встречалась с ним и с семьей. И когда я увидела, что его выберут, т.к. альтернативы нет, то поняла, что мне пора уходить на покой. Мне тогда исполнился 61 год.

И вот тогда Семен Исаакович предложил мне работу по созданию музея при госпитале. Я решила не сразу: наш разговор состоялся в мае, а пришла я сюда на работу в сентябре. Тогда я уже все продумала, взвесила, составила план работы. Вот с того времени (1995 года) я и работаю здесь. Меня включили в Совет ветеранов госпиталя, потому что действительно являюсь его ветераном, и наша связь не терялась. Мне не составляло сложности делать музей, собирать материалы, потому что все двери и сердца были для меня открыты. Я пришла 1 сентября, а в июне мы уже сделали первую большую экспозицию, посвященную истории госпиталя. Экскурсию вел он сам, потому что это им прожито. Я рассказывала о войне, потому что этого никто не знал, а дальше рассказывал уже Семен Исаакович. Я увидела его сияющие глаза, я увидела, что его душа вздохнула.

Олег БОГАЕВ

Олег Богаев, родился в 1970 году в Свердловске, драматург, лауреат премии «Антибукер» 97 год.

Как у каждого нормального человека, у меня было детство. Детство по-советски незатейливое: ясли, детсад, затем вполне средняя школа с портретом Ленина-дедушки, а еще лагеря, лагеря, лагеря (повезло, лагеря — пионерские). Шли семидесятые, на дворе стоял крепкий дефицит игрушек, молока, творога, и всего прочего.

Признаюсь, в том детстве меня радовало не многое, но если радовало, то до крайней степени, до какого-то неистовства и восторга (ребенок, конечно же). Из таких чрезвычайных радостей детства вспоминаю родителей, праздничные демонстрации, игры в «фашистов», песню «Мой адрес не дом и не улица, мой адрес — Советский Союз» (нравился не «Советский Союз», а ритм гитары Маликова-старшего), и еще было увлекательное детское чтение. Чтение не по школьной программе, а то, что выпросишь у библиотекариши или выменяешь у приятеля. До сих пор помню, как в 4 классе я выменял у Жени Бачева из параллельного класса втулку от заднего колеса велосипеда на номер «Уральского следопыта» за 83 год, где была фантастика, кажется, Булычева или Крапивина. Сделки с Бачевым стали регулярными, постепенно у меня появилась стопа дефицитного «Следопыта», а у Бачева мои пластмассовые индейцы производства Еревана, чешская хоккейная шайба (настоящая), игральные карты, старинная стеклянная бутылка, и еще много добра.

Прошло детство Олега Богаева, журналы потерялись при переезде, фантастика забылась, велосипедная втулка у Бачева лопнула. Что осталось? Ничего, кроме самого главного: хочешь-не хочешь, а тогда в детстве не осознавая этого, я сделал может быть неосознанный, но выбор между втулкой и печатной литературой.

Я публиковался в разных журналах: московских и западных, теперь печатаюсь в «Уральском следопыте» — журнале моего дефицитного детства. Самое время сказать — круг замкнулся. Но жизнь продолжается.

Предлагаю читателям «Уральского следопыта» отрывок из моей новой пьесы.

С уважением, Олег Богаев

Человек-корыто

Комедия в двух действиях

Действующие лица:

Старуха, Старик

Действие I

Картина первая

Крохотная квартирка. Из мебели: старенький диван, и пара стульев. На столе стоит маленькая новогодняя елка. На стене старая пожелтевшая фотография: жених в старомодном костюме и невеста.

Дребезжит телефон.

Просыпается старуха, бежит к телефону, снимает трубку.

Старуха. Алле? (Короткие гудки.) Не успела... Кто ж звонил?.. (Оглядывается, видит часы, всплеснула руками.) Господи!.. (Бежит на кухню.) Два часа до Нового Года, а у меня ничего не сготовлено!.. (Открывает холодильник, хватая овощи, моет, чистит.) Так... Полкило сельдев купила. Еще морковка, картошка, лук, свекла, маонез... Заварганю под шубой селедку! (Чистит.) Ножик тупой, теперь и

подточить некому.. (Чистит овощи.) Первый раз Новый год справляю одна. Вся еда будет моя. До отвала натрескаюсь! (Вытирает слезы). Что за лук шибкий?... (Снова чистит.) Старикан помер, полгода прошло. Нормально, привыкла... Хотя, случается скука. (Вздыхает.) Говорила, теплой одевайся... (Достает из холодильника пакет с селедкой, вываливает в раковину.) Разве это селедка? Это — воблик, пискарик червивый! А кассирша божилась, сервилатом клялась... (Селедке.) Мыши что ль тебя обглодали? Ничего, щас мы тебя сошкурим... Щас мы тебя обстругаем... (Моеет рыбу, прислушивается к тиканью часов.) Это надо же, как время скоро пролетело. Было утро, и уже вечер... Вроде вчера я была молода, а сегодня стала старухой... (Вздыхает.) Эх, время, время... Мигом жизнь пролетит, ничего не поспеешь... Вроде как и не жила, а так, легонько чихнула, на трамвайчике три станции проехала... Жизнь прошла, а я и не заметила... (Достает разделочный нож, кладет селедку на доску, поднимает нож, в носу щекочет, громко чихает).

Г о л о с. Будьте здоровы!

Старуха. Спасибочки... (Вытирает нос, испуганно замирает, прислушивается, тишина, снова берет нож, режет рыбу.)

Вопль. Ай!!! Ай!!! Ай!!!

Старуха вздрагивает, отбегает от раковины, со страхом оглядывается по сторонам.

Тишина.

Старуха. Кто тут?..

Голос. Я... Вы меня за жабры держите.

Старуха удивленно выкатывает глаза, сжимает в руке рыбу.

Рыба. Ай!!! (Падает на пол, тяжело дышит). Умираю...

Старуха поднимает скользкую рыбу, бросает в чайник. Ставит на стол, щурит глаз в носик чайника.

Старуха. Видно ножик вовсе тупой, раз она заговорила...(В чайник.) Эй, ты!.. Ну как там оно?! (Стучит по чайнику.) Ты чо — того? Золотая?

Рыба (с сильным дефектом речи). Это в сказках. А в жизни глупая и простая. Каждый раз в лапы людей попадаю.

Старуха (разглядывает). Бедолага, весь рот крючком изодрали...

Рыба (глухо из чайника.) Отпустите меня, и я исполню ваше желание.

Старуха. Какое?

Рыба. Любое. Что вам надо?

Старуха. А чо наш народ всегда просит?

Рыба. Корыто.

Старуха. А еще?

Рыба. Избушку лубяную.

Старуха. Чо, совсем дураки? (Думает). Это... А можно зубные протезы поставить? Или нет... Говорят, их легко проглотить, да и десны до крови смозолят... Может вот чего попросить... Чтобы все тараканы ушли обратно к соседям? Нет, ерунда... (Думает.) Погоди... Погоди... Чего бы такого... (Пауза.) А можешь сделать так, чтобы я этот Новый год хорошо отметила, весело... Чтобы он мне запомнился... А то сяду в двенадцать за стол, селедкой набужаюсь, капустой объемя, и на утро тарелки пустые — праздник прошел, вспоминать нечего...

Рыба. Могу. А что вы хотите?

Старуха. Придумай сама. Пускай мне будет сюрприз.

Рыба. Хорошо. А теперь отпустите меня.

Старуха. Куда?

Рыба. Домой.

Старуха. А где ты прописана?

Рыба. Под мостом в городской речке.

Старуха. Далеко. Я боюсь хулиганов. Да и праздник, видишь.

Рыба. Ничего. Я сама доплыву.

Старуха. Это как?

Рыба. Как всегда. По трубам.

Старуха. Ой, гляжу, тебе вовсе худо... Хорошо. Пойдем, милая... (Уносит рыбу в уборную, смывает, кричит в унитаз.) Не более! Будь здоро-о-ова!

Шумит вода, старуха возвращается на кухню.

У холодильника стоит старик в белых тапочках и очень мятом костюме.

Старик. С Новым годом, старуха!

Старуха (пораженно смотрит). Ой, Господь... Откуда?!?

Старик. Пока ты дрыхла, я за шампанским сгонял! (Достаёт бутылку, ставит на стол). Тряхнем стариной! Давненько не пили!.. (Пауза.) Ну что стоишь, как в землю врыта?.. Селедка готова?..

Старуха. Нет... еще... ничего...

Старик. Шевелись! Новый год скоро, а у нас шаром покати!

Старуха в трансе, медленно перекладывает овощи, оглядывается на старика.

Старик (взмахивает рукой как фокусник). Отворяй!

Старуха. Чего?

Старик. Агрегат холодильный!

Старуха (выходит из оцепенения, открывает, холодильник забит дорогими, сказочными фруктами, ахнула.) Откуда?..

Старик. Сюр-приз... (вдруг видит на столе столовые приборы на одного человека). Одна кружка... Одна тарелка... А где второй комплект для меня?

Старуха. Дак это... Не ждала я тебя...

Старик. Как, Новый год отмечать порознь? Никогда не бывало такого...

Старуха. Потом расскажу. Успеть проводить старый год надо. Чего стоишь? Помогай!..

Старик и старуха готовят еду к праздничному столу, спешат, поглядывают на часы:

Старик. Муки скока?..

Старуха. Стока!

Старик. А это?

Старуха. Сюда!

Старик. Соли?

Старуха. Сахар! Много!

Старик. Маргарин куда?..

Старуха. Сметана...

Старик. Укус...

Старуха. Куда так масла бужаешь?!

Старик. Горит!

Старуха. Прижми огня.

Старик. Скворчит уже, не слышишь?!

Старуха. Сама я! Не суйся!

Готовят. Старуха пробует тесто на вкус, дико сморщилась.

Старуха. Старик, ты чо сюда сделал?

Старик. Вот. Укус налил. Четвертинку. Ты ж сама просила...

Старуха (пробует розовую воду в графине, кашляет). А это что?!

Старик. Морс малиновый.

Старуха. А где взял сироп?

Старик. Во.

Старуха. Граматей, читать не умеешь?! (читает на банке). Карбофос. Жидкое средство от тараканов. (Взды-

хает). Ну и дурак... Даже смерть мозги не направила...
 С т а р и к. Мозги? Чьи? Ты о ком говоришь?
 С т а р у х а. Узнаешь потом, пошли за стол.
 Переносят праздничные блюда в комнату, садятся за стол.
 С т а р и к (смотрит на еду). В кишках лягушка, страсть, стучит. Прямо жрать хочу, прямо месяц во рту ничего не держалось. (Пауза.) А где сардельки?
 С т а р у х а. Какие?..
 С т а р и к. Говяжьки.
 С т а р у х а. Вспомнил...
 С т а р и к. Ты чо их съела, старуха?!
 С т а р у х а. Любоваться прикажешь на них?
 С т а р и к. Вот старая катаклизма... Пока я ходил, она все подъела.
 С т а р у х а. Ты что?! Полгода прошло... И вообще... Сам виноват! Помирать не надо!
 С т а р и к. Кому?
 С т а р у х а. Тебе.
 С т а р и к. Мне???
 С т а р у х а. Помер ты. А чо, уже не помнишь? Полгода назад... Петухово кладбище... Райсобес тебя сжечь предлагал, а я не дала.
 С т а р и к (вспоминает). Нет... Видно из головы вылетело.
 Пауза.
 Погоди, старуха... Как это «помер»? Как это «сжечь»? Это как?.. Я помер?! Да ты сбрендилла вовсе!
 С т а р у х а. Ладно, шучу... Ешь.
 С т а р и к. Да уж...Циркачка... (успокоился, ест с большим аппетитом).
 С т а р у х а (с умилением и интересом). Старик, мне чо любопытно... Скажи, там разве не кормят?
 С т а р и к. Там — это где?
 С т а р у х а. На том Свете...
 С т а р и к. Откуда мне знать...
 С т а р у х а. Значит тебя одного там не кормили... Старик поперхнулся от ужаса, кашляет.
 С т а р у х а. Не спеши. Горячо.
 С т а р и к. Мать, ты чо, совсем обалдела?!
 С т а р у х а. В гости на праздник пришел? Али как?
 С т а р и к. Слушай, старуха...
 С т а р у х а (не в силах сдержать эмоций). Роденький мой, я тебя поминаю часто. Бывало приду к тебе на могилку веночек поправить, и ревом заплачу. Скучно шибко без тебя!..
 С т а р и к. «Могилка», «Веночек»... Слушай, кончай тут это, старуха... (Громко, кулаком об стол.) Хватит!!!
 С т а р у х а (заплакала от умиления). Ох, не ждала я... Не чаяла... (Плачет.)
 С т а р и к (ест). Сама виновата, циркачка.
 С т а р у х а (вытирает слезы). Да нет... Я от счастья это...
 С т а р и к. Еще бы... Одна все сардельки съела... Два кило! И куда в тебя влезло?! (Смотрит на стол.) А где печенюшки?
 С т а р у х а. Какие?

С т а р и к. Мои, что люблю.
 С т а р у х а. Дак еще на твоих поминках все схрумкали...
 С т а р и к (отпивает чай, поперхнулся). Опять за рыбу деньги... Ты это..! Кончай меня хоронить!
 С т а р у х а. Все. (Вытирает нос.) Я больше не буду...
 С т а р и к. Вот умора, удумала чо... Помер, видишь ли, я, скукошился... Сама все слопала за пять минут, пока я ходил за шампанским, а теперь брешишь, в животе добро утрясаешь! Тоже мне, новогодняя юморина ...
 С т а р у х а (вытирает слезы). Все.
 С т а р и к. Все.
 С т а р у х а. Все.
 С т а р и к. Вот. То-то.
 Открывают шампанское. Поднимают фужеры.
 С т а р у х а. Давай проводим старый год!..
 С т а р и к. Давай! И встретим новый!
 Чокаются.
 Старик и старуха поют «Пять минут, пять минут, на часах двенадцать скоро». Бьют куранты.

Картина вторая.

Спусти три недели. Та же квартира. Но теперь без елки.
 С т а р у х а (смотрит в окно). Что ж такое... Три часа его нет. (Вздыхает.) Куда запропастился?...Взял веник, уперся в баню, и с концами пропал... Заботы одни с ним... Говорю — «купайся в ванне, чего тебе парить, старый уже». Не-ет... Парок, видишь ли, любит, чтобы уши дымилась, и дух изо рта шел... (В окно). А я тут сиди, всякое думай, может дурно стало, может вовсе угорел... (Пауза.) И что за старик мне попался? всю жизнь одни анекдоты с ним! Помер, полгода как схоронили, а ему хоть бы хны... Оклемался с того света! Вот старик егозливый, нигде не сидится ему... Это что за сюрприз?... Новый Год давно отметили, Рождество прошло, а он все тут, назад к ангелам не собирается... И вообще, как обычно ведет себя... (В окно.) Ну наконец-то! Идет, пень старый...
 Входит старик.
 С т а р и к. Заждалася, старуха? Эх, морозец... (Снимает тулуп, кладет веник). Веник прокис. Мужики говорят, есть такой березовый лес, где веники сами растут. Вроде как технология... Слышь, сами растут. Надо съездить туда.
 С т а р у х а. Чай греть?
 С т а р и к. А как.
 Чайник греется на плите, старик и старуха молчат, смотрят на огонь.
 С т а р у х а. Чо так долго?
 С т а р и к. Дак очередина была. Наплыв после праздника.
 Молчат.
 С т а р и к (вдруг бьет себя по щекам). Балда!.. Мыльце забыл в шкафчике. Вернуться, да?
 С т а р у х а. Щас, ждет оно тебя... Горе с тобой луковое... Чего ты только в этой бане не оставлял. И часы, и кошельки, и подштанники... Зонты, носки, перчатки, даже карманное радио... Там наверно целый музей имени тебя.

Старик. Да?

Пьют чай.

Старик. Скорей бы весна... А то достало морозиться. Будем с тобой в лесопарке сидеть, греться на солнышке. (Пауза.) Давай чо-нибудь друг другу порассказываем, а то толку так сидеть.

Старуха. Ну.

Старик. Вот на днях мне сон приснился. Я рассказывал?

Старуха. Не...

Старик. Вот, значит, снится. Будто я попадаю в общественный Рай. Хорошо там, тепло, еды и товаров навалом, народ все приличный гуляет, есть специально баня для меня, ангелы в шашки играют. И вроде все хорошо, а сердце никак не отпускает, думаю — «как же там старуха моя?» Хожу по аллеям, и про тебя все скучаю. Вдруг вспомнил, что на земле заначку оставил!.. Лежит четвертной, под ножкой шкапа! Я до того расстроился... вот деньги пропалдут... что тут же вспотел и проснулся...

Старуха. На. (показывает купюру). Пол убирала...

Старик. Нашла? Мать, сон-то в руку!..

Старуха. Не радуйся. Деньга старая.

Старик (разглядывает). Теперь такие не ходят... Жалко.

Старуха. Сам профукал, растяпа! Всю жизнь с тобой прожила, и не знала, что ты от меня деньги ныкал! (Пауза.) Может еще что скрывал?

Старик. Ты куда это клонишь?

Старуха. Шуры-муры крутил с кем?!

Старик. Старух, ты знаешь...

Старуха. Знаю! Ты все время штаны снимал!

Старик. Какие штаны? Перед кем это?

Старуха. Да перед этой старой хабалкой...

Старик. Не понял?!..

Старуха. Ну той, рыженькой...

Старик. Дак уколы она... Врач, так сказать, участковый!

Старуха. Все. С подлецом не хочу разговаривать! (Ложится на кровать, отворачивается к стене.)

Молчат.

Старик. Давай, в домино поиграем?

Старуха (обиженно). Не буду, и не проси мне!

Старик. Тока партейку...

Старуха. Вот не уймется, старый мухлевщик... Отстань, говорю! Я лежу!

Старик. В гробу належишься поди... А жить надо играючи.

Старуха. Замолкни! Я сплю!

Старуха лежит, старик молчит, играет костяшками домино.

Старуха. Иди во двор, там и дубась!

Старик. А мне партнеров нету!

Старуха. Иди к своей рыженькой! А еще лучше в подъезд! Поиграй с молодыми!..

Старик. Старуха, ты чо, из ума вышла?! Чтобы я, человек пожилого ума, дулся с молодежью?! И потом... домино-то из модности вышло.

Молчание.

Старуха. Старик, а старик...

Старик. Чего?..

Старуха. Ничего.

Старик. Чего — ничего?!

Старуха. Ничевокай. Пока не забыла... Спросить хотела....

Старик. Ну?

Старуха (пауза). Старик, ты любил меня?

Старик. Кого?!

Старуха. Меня, глухня!

Старик. Тебя??? Старуха, ты с печки упала?!

Старуха. Я не про то.

Старик. А про что?

Старуха. Ну так любил... Чтобы вдрызг! Чтобы с

«Слепые», художник Александр Вохменцев.

ума сойти... Как в кино — меня любил?

С т а р и к. Как артист, что ли?

С т а р у х а. Да! Как Баталов! (Пауза.) Или Рыбников Толик... Или Штирлиц этот...как он...Тихонов?... Или адьютант его... Или нет... Нет! Не знаю...

Молчание.

С т а р и к (задумчиво). Чудно... Целый век прожили вместе.

Картина третья

С т а р у х а (смотрит в окно). Снег-то... Метет, ничего не видать. (С раздражением.) Два часа как за хлебом послала, и все шагается где-то. Постоянно волнения с ним. Вот куда старый козел опять подевался? «Хлебный» под носом — за угол свернуть. Может «перечует»? Тогда в центр поехал. А если в центр, то может в толпе затеряться. Или, небось, забыл что купить... Хлеще того ногой поскользнулся, лежит на сугробе кверху копытом, помощи ждет. (Пауза.) Любопытный такой, в каждую щель носопырку засунет. Оттого приключения с ним. Вот стоишь и не знаешь, что думать. Все люди как люди, а он — тридцать три несчастья. (Вздыхает.) Хоть сама все делай, никуда не посылай.

Звонок в дверь.

С т а р у х а. Иду!.. Иду!.. (Подходит к двери.) Кто?..

Г о л о с. Я! Твоя пенсия!

Старуха открывает дверь. Появляется рука, протягивает лист.

Р у к а. Тридцать третья квартира?

С т а р у х а. Да...

Р у к а. Распишитесь.

С т а р у х а (расписывается, отдает лист получает две купюры, смотрит). И это все?..

Р у к а. Да.

С т а р у х а. А вторую пенсию... на старика моего?..

Р у к а. Ваш муж? Он же скончался.

С т а р у х а. Ага, помер... Все точно. Но...

Рука исчезает.

С т а р у х а. Стой!.. Погоди... А как мы прокормимся?! (Стоит, глядит на две купюры, вздыхает). Жила... Ни забобушек — ни хлопобушек, и вот тебе на... (Задумчиво возвращается в комнату, садится за стол, обхватила голову руками.)

Входит старик.

С т а р у х а. Ты где?! Я все глаза проглядела!..

Старик молча снимает полушубок.

Что? Варешку потерял?..

Молчание.

А кулек где?

Молчание.

Что, во всем городе хлеба нету?

Молчание.

За квартиру заплатил?

С т а р и к. Старух, я кошелек обронил где-то...

Долгое молчание. Старуха всхлипывает.

С т а р и к. Ну, ладно... Ты чего... Деньги — дело заживное...

С т а р у х а. Заживное?! (тычет купюрами в нос старику). Гляди! Неделя пройдет — и загнемся! Как на это прожить?! Бомжевать пропитание будем!

С т а р и к (смотрит). Дак тут одна пенсия... А вторая где?

С т а р у х а. Нету!

С т а р и к. Тебе что, не дали?

С т а р у х а. Мне — дали! А тебе шиш!

С т а р и к. С каких это шей?!

С т а р у х а. Государство кормит живых! А тебе не положено!

С т а р и к. Я что, не человек по-твоему?.. А так — смеха ради, кошка животная?

С т а р у х а. Полгода прошло! Все люди как люди, а ты... Как заяц позорный скачешь с неба на землю. Иди в райсобес, сам разбирайся!..

С т а р и к. С ума весь народ поскользнулся...

Молчание.

С т а р и к (одевает полушубок.) Ладно, поеду скандалить.

С т а р у х а. Валенок... Тюхтя... Горе луково!

Старик уходит хлопнув дверью.

Молчание.

С т а р у х а (смотрит в окно). Пошел, а кофту под низ не надел... (Вздыхает.) Ташиться в другой конец города... Заболеет, опять помрет... Опять хоронить буду... (Идет на кухню, открывает шкаф, ищет в баночках соль, крупу, вермишель). Всю жизнь по сусекам на донышке... И вроде паразитами не были, а вечно как псы — ходим голодные.

Ищет в карманах пальто мелочь, выворачивает сумку, трясет. Падает монета. Старуха нагибается, ищет, вдруг видит под холодильником что-то, с трудом просовывает руку, достает банку консервы. Разглядывает, стирает пыль, вытаскивает консервный нож.

Внутри консервы:

П р о н з и т е л ь н ы й к р и к (от боли). О!!!

Старуха в ужасе роняет из рук консервную банку. Из проделанной дыры в банке вытекает красная жидкость томата, внутри консервы протяжный стон. Старуха в замешательстве.

Пауза.

С т а р у х а. Э-э-э-й...

Стон.

С т а р у х а (с опаской берет консервную банку, осторожно прикладывает к уху, слушает). Вылезайте... Это моя консерва, нече! (Слушает, внутри тишина, трясет банку, берет консервный нож, быстро открывает, вываливает содержимое в тарелку, смотрит, перебирает пальцами мелкую рыбу).

Одна из рыб зашевелилась, машет хвостом.

С т а р у х а. Вот так чудо... Это ты?.. Та самая рыба??? Ну, здравствуй... Натворила ты сюрпризик... Спасибо!

Рыба. Во... Во... Воды...
 Старуха. Ты как в эти томаты попала? Или что, наши трубы ведут на консервный завод?
 Рыба (тяжело дышит). Отпустите меня, я исполню любое ваше желание...
 Старуха. Все. Теперь без подсказок. Сама загадаю.
 Пауза.
 Знаешь... всю жизнь без штанов, без копейки... Три года арбуз не едали... Дай денег!
 Рыба. Сколько?
 Старуха. Много.
 Рыба. Миллион долларов на арбузы, а два на проживание. Хватит?
 Старуха (испуганно). Нет!
 Рыба. Мало?!
 Старуха. Нет, еще чего доброго, народ осудит. Начнут стучать, по судам затаскают!
 Рыба. Тогда чего пожелаете?
 Пауза.
 Старуха. Пенсию президента! (Пауза). Только не мне, старику моему...
 Рыба. Старику??? Пенсию президента? Ладно.
 Старуха. Не соврешь? Честное пионерское? Пенсию президента... самого главного... (Берет рыбу, идет в уборную). Отпускаю тебя... И гляди, не перепутай! Пенсию

президента... самого главного! (Бросает рыбу, спускает воду). Плыви...

Картина четвертая

Спустя три дня.
 Старуха сидит, считает пачки денег. В углу стоит флаг. Стол так и ломится от еды, старик медленно, не спеша ест.
 Старик (ест сосиски). Седьмая... Осьмая... Девятая...
 Старуха (считает пачки купюр). Девятьсот девяносто четыре... Девятьсот девяносто пять... Девятьсот девяносто шесть...
 Старик (ест, рот полон). Одинадцата-я... Двенадцата... Трина... цата... Четыр... Четыр... Четыр... (Впихивает в полный рот сосиску, пережевывает, переводит дух, устало.) Да-а-а...
 Старуха (считает деньги). Девятьсот девяносто семь... Девятьсот девяносто восемь...
 Старик. Вот народ думает, что мы, президенты в отставке живем припеваючи... И осиски тебе, и копченые куры, и кефиры всякие разные, икорка, брынза, колбаска, рулька, голяшка... Все твое! Ешь — не хочу! (Смотрит на стол). Глаз-то еще хочет, а желудок уже не принимает... Пищевая трагедия прямо! (Живот полный, не может встать из-за стола, старухе). Старух, а старух...
 Старуха (считает). Чего?

«Любовь козла», художник Александр Вохменцев.

Старик. Ничего.
 Старуха. Чего — ничего?!
 Старик. Ничевокай. Мои портреты поди в школьных книжках печатают?
 Старуха. С чего?
 Старик. Ну дак как, президент все ж таки...
 Старуха считает деньги.
 Старик (ест банан). Чудно. Прожил всю жизнь, и не знал, что я был самым президентом! Видно жил невнимательно. (Пауза.) Прихожу в собес, а меня встречают с флагом и цветами: «Поздравляем, — говорят, — «Страна Чунга-Чанга нашла своего бывшего президента!» Говорят, очень долго искали. Вот оно как бывает. (Поет). «Чунга-Чанга, синий небосвод, Чунга-Чанга — море круглый год. Жить на нем легко и просто, жить на нем легко и просто, Чунга-чанга.» Как же я этого моря не заметил? Видно страна была очень маленькая. (Старухе). Старух, а старух!... Третий день тока деньги и считаешь. Баловство пустейное!
 Старуха. Молчал бы. Сидит тут, до пуза обжирается. Жрец...
 Старик. На полный желудок и помирать веселый.
 Старуха. А кто тут помирать собрался?
 Старик. Помирать-не помирать, а возраст уже. Скоро — капут, граждане.
 Старуха. Нет, я сейчас долго жить собираюсь.
 Старик. (смеется). А кто тебя спросит? Смерть сама придет, и плакали все ваши денежки.
 Старуха показывает кукиш, снова считает, вдруг охнула, схватилась за сердце.
 Старик. Сердце?..
 Старуха. Накаркал... (Пауза.) Ничего, отойдет... (Приходит в себя.) Я тут чо сейчас подумала... А если к нам залезут воры ночью? Они, небось, караулят уже.
 Старик. Да? (Подозрительно смотрит в окно.)
 Старуха. Возьмут, и слямзят все наши денежки.
 Старик. Давай, спрячем...
 Старуха. Во что?
 Старик. Зашьем в носки, наторкаем в валенки...
 Старуха. Нет. Давай-ка в холодильник! Подальше от греха...
 Складывают деньги в холодильник. Ставят дверцей к стене.

Глубокая ночь.
 Старик и старуха храпят.
 Беззвучно открывается форточка, тихо влезает вор, осторожно крадется на кухню, подходит к холодильнику, взваливает его на спину, беззвучно крадется, неожиданно от холодильника отваливается мотор и с грохотом падает на пол.
 Старик (проснулся, открывает глаза). Стой!..
 Вор, согнувшись под тяжестью холодильного веса, бежит на выход. Старик за ним.
 Старуха не слышит, продолжает сладко спать.

Картина пятая

Следующий день. Утро. Та же квартира. Ярко светит весеннее солнце. Звенит будильник. В кровати просыпаются новобрачные. Щекотят друг друга под одеялом, смеются.
 Девушка. Ну все, Гришка! Не балуй! Хватит!
 Молодой человек (целует девушку в щеку). С Первым мая, Анфиса...
 Девушка. С праздником Труда... (Целует мужа в щеку).
 Лежат, счастливо смотрят в потолок.
 Молодой человек. Эх, жена... Как жить на свете хорошо...
 Девушка. Теперь и у нас есть квартира, свой дом... Спасибо дорогой Партии. (Пауза.) А хорошо вчера отметили новоселье...
 Молодой человек. Не помню как гости ушли...
 Смеются.
 Девушка. Потолки побелим, окна вымоем и покрасим... Станет еще чище и светлей. Сюда купим торшер, туда два мягких кресла... Тебе когда зарплату повысят?
 Молодой человек. Я — комсомолец.
 Девушка. Ты — передовик! Имеешь полное право.
 Молодой человек. Да вот, обещают...
 Девушка. Вот увидишь, они тебе еще 100 лет про- обещают!
 Молодой человек (вспомнил). Представляешь, Генка поедет на целину!
 Девушка. Вот счастливый... Степь, бураны, трактора...
 Молодой человек (бьет в ладоши). Подъем! Начинаем утреннюю гимнастику!
 Встают с кровати, подходят к окну, делают зарядку.
 Девушка (смеется). Ты такой юморной в этих кальсонах...
 Молодой человек. Начинаем первое упражнение! Сделайте руки на ширине плеч!
 Девушка (смотрит на свою широкую сорочку). Похудела я за ночь что ли?..
 Молодой человек. И — раз! И — два!
 Поют: «От Москвы до самых до окраин необъятной Родины моей, человек проходит как хозяин...» Делают гимнастику. Молодой человек остановился.
 Молодой человек. Что-то не то... На дворе Первомай, а радио молчит.
 Девушка (в окно). И флагов нету...
 Молча делают зарядку.
 Завершают последнее упражнение. Молодой человек умывается, девушка идет на кухню.
 Девушка. Гриша, а где наш холодильник?..
 Молодой человек. Нету! Еще не купили!
 Девушка. Наверно я не проснулась...
 Смеются, готовят яичницу. Молодой человек роняет на пол яйцо.
 Девушка (смеется). Вот растяпа! 33 несчастья!
 Жарят. Яичница готова. Садятся за стол.

Девушка (пробует на вкус, сморщилась). Гришка, ты чо сюда наделал?

Молодой человек. Вот. (Показывает банку.)

Девушка. Граматей, читать не умеешь?! (Читает надпись, с раздражением). Карболка. Средство от тараканов.

Пауза. Рассмеялись.

Девушка. Ну одни анекдоты с тобой! Что за муж мне попался!

Едят. Пьют чай.

Молодой человек. Слушай, мне сегодня сон приснился... Смешной до чего. Значит так... Будто я — старик, а ты — старуха. И у нас с тобой куча иностранных денег. Ночью к нам залазит вор, хватает эти деньги и бежит. Я за ним. Догоняю его, хватаю за грудки, а он — раз, в рыбу обратился! И говорит человеческим языком: «Отпусти меня, дед. Я исполню любое твоё желание». Проснулся, а что загадал — не помню! (Пауза.) Вот такой мракобесный сон, полнейшая антисоветчина...

Молчание.

Молодой человек. Вроде праздник, а тишина... Может умер товарищ Буденный? (Пауза.) Позвонить надо... (Набирает номер, связь соединяется). Алло! С Первомаем вас! Что?.. Первомай? Праздник такой... Позовите Парамона! Что?! Умер?! Когда?! Извините... (Пауза.) Говорят, Парамон умер как 10 лет от старческого склероза... Шутники... (Набирает номер). Алло! Фима?! А можно его?.. Кто я? Друг. Мы играем в одной футбольной команде, он наш вратарь... Уехал? Куда? Спасибо. (Пауза.) Говорят, уехал на ПэмэЖэ... (Пауза.) «Метеор» знаю, «Трудовые резервы», «ЦДКА»... А «ПМЖ» это что такое?.. (Думает.) П — передовики, М — массовой, Ж... Ж... Ж... Ж — жизни! (Снова набирает, связь соединяется.) Генка?! Привет, старик! Да! Это Гришка! Почему с того света? Нет... А что? Что?! Извините, товарищ... (Пауза.) Какой-то больной старикан бредит... (Пауза.) Сегодня я иду в передовой колонне! Мне опаздывать нельзя!.. (одевает костюм, напевает). Широка страна моя родная, много в ней...

Девушка смотрит на молодого человека, захохотала.

Молодой человек видит на себе старый, полинялый от времени пиджак с расползающимися швами.

Молодой человек (рассеянно). Ну и вид... В бане что ли с Ермолаичем поменялся?..

Девушка (смеется). 33 несчастья! Вечно что-нибудь с тобой!

Молодой человек. Ладно. Я сейчас к нему по пути забегу... (Одевает старую обувь). Шнурки порвались... И ботинки не мои... Как чужие вроде...

Девушка смеется.

Молодой человек. Не опаздай. Быстрей марафетаться!.. (Целует девушку в щеку). Придешь к десяти, и вольешься в нашу колонну! Все, бегу. Увидимся на демонстрации! (идет, спотыкается в прихожей о старый чемодан). Откуда здесь столько старого хлама?!.. (Смеется, пускает воздушный поцелуй, уходит.)

Девушка (смеется). Растяпа... (Идет в ванную ком-

нату, умывает лицо, весело напевает). «Утро красит ясным светом стены древнего Кремля...» (Возвращается, берет расческу, причесывается.)

Вдруг видит в расческе клочок седых волос. Не понимает откуда, разглядывает, очищает расческу от седых волос, снова причесывается. Смотрится в зеркало. Напевает.

«Кипучая, могучая, никем не победимая, страна моя, Москва моя, ты самая любимая!»

Ищет тушь для ресниц, открывает комод, видит внутри что-то незнакомое, достает потрепанный, старый альбом фотографий. Вертит в руках, открывает.

(Узнает, с удивлением). Это же... (перелистывает страницу). И здесь мы... (разглядывает снимки). И здесь... Эту фотку щелкнули в этом году... А эту... Завтра... (Перелистывает страницу). А эту — послезавтра. На карусели в парке. (Пауза.) Завтра? Как «завтра»?! (пораженно смотрит на снимок, быстро листает в конец альбома). Старик какой-то... (Смотрит.) Старуха...

Быстро подходит к зеркалу, находит на полу клочок седых волос, прикладывает к своей голове. Глядит в альбом, в зеркало, снова в альбом, снова в зеркало. Пауза. В глазах появляются слезы.

Молчание.

Девушка (осторожно проводит ладонью по лицу, глядит в зеркало, медленно). Личико ровное, гладкое... Носик прямой... Губки без трещин... И бородавка ушла... Все зубы целые... Нигде ничего не болит, не ноет, не зудит... Кости не скрипят... Черные мысли не лезут... В голове ветерок легкий... Сердце щебечет... (Пауза.) Я снова стала молодой.

Возвращается молодой человек. Смотрят друг на друга.

Молодой человек (не понимая). Знаешь... Ничего нет. Ни флагов, ни смеха, ни наших песен... Вокруг рев машин, чужие дома, чужие люди, чужие песни, и лозунги на импортном языке. Вокруг нас чужой город... Ничего нашего нет. Мы проснулись в другой стране. Мне сказали, что мы живем в новом мире. Мы теперь в стране капитализма... (Грустно). «Утро красит ясным светом стены древнего Кремля, просыпается с рассветом вся...»

Молчание.

Девушка. «Кипучая, могучая»... Дремучая!!! Далеко тебе! Погляди в окно — весна! (Улыбается). Мы же снова молодые! В новом мире будем жить по-новому!

Молодой человек. Вот растяпа... Загадал, а сам забыл...

Девушка (в зеркало). Какое счастье — быть молодой. (Поправляет волосы.) Старик, ну как? (Кокетливо). Нравлюсь тебе?..

Молодой человек. Ты — такая опять... Прямо так... Ну шибко... Очень.

Идут навстречу друг другу.

(Окончание следует)

Алексей ВДОВИН

Алексей Вдовин — родился, вырос и получил образование в Ташкенте. В 1992 году переехал на историческую родину, в Россию. До того, как оказался в Екатеринбурге, служил в провинциальных газетах Пермской области. Автор рассказов, стихотворений, пьес, критических статей, публиковавшихся в различных изданиях.

* * *

гордые руки
мешающие сахар в холодном утреннем чае
видели
как ты отдала мне свой голос

первая сигарета
летающая на асфальт
делит сон на две половины
равные по смыслу
и содержанию

переполненный автобус
откроет новые грани
следующего дня

* * *

моя голова
тонет
в ночном потоке кофе
вы слишком поздно
бросили спасательный круг
мой капитан

* * *

запахи аквариума
предвещают шторм
надо менять галс
пока не опали
паруса занавесок

* * *

слова не нужны
мы не знаем этого
но все равно молчим

* * *

ласточка в тусклом небе
голые деревья
не верящие весне

* * *

чашка кофе утром
не надо сахара
все напрасно

На водах

в облаке
влага оседает на одежде
птицы поют по-весеннему
поворот дороги открывает озеро
и летящего над ним
каменного орла

уже не Россия
еще не Кавказ
земля
застывшая в стадии кипения

Лес

зеленая лужица в бетонных дбрях
город
пыльный муравейник в зеленом море

Железноводск — Пятигорск — Кисловодск

Fata Morgana

неясный образ
дымом над чашкой кофе
пеплом падающим на ковер
скрипом пустого кресла
дрожанием оконного стекла
голосом незнакомой певицы
под шорохи приемника
поющей о далеком

* * *

день за днем
 день ото дня
 изо дня в день

когда мы сможем что-то изменить
 уже не будет смысла ничего менять

* * *

я говорю о себе
 «Я»
 привычка называть вещи
 своими именами

* * *

ну ладно
 пусть я только соавтор
 но кто же пишет ремарки
 для этой дурацкой пьесы

* * *

отнимается язык
 когда видишь
 к чему приводит это молчание

* * *

три года нужно ждать
 потом
 можно давать обещания

Орлы и куропатки

Я изнывал от влажной жары и безделья на пятом этаже полупустого общежития в городе Е.

Бессонная ночь — с десяти до двух — утомительная писанина, важное выступление, которое мой друг прочтет на память спустя два дня перед кучкой важных бонз, потом наша болтовня еще пару часов под незаметную поначалу бутылку легкого красного вина, потом испуганный стук в дверь и еще полчаса на то, чтобы справиться с замком двух очаровательных пьяненьких соседок — а ночи здесь летом короткие и коварные, не успеешь оглянуться — уже и утро. Соседки утомонились, друг спешно оделся и уехал по своим делам, а я выпил горячего чаю и принялся за свежую «Литературку» в надежде на скорый сон и хотя бы временное забвение.

Попрыгав утомленными глазами по разбегающимся абзацам — здесь критический разбор, здесь новая премия, а в общем все одно и то же — я понял, что мне не уснуть и, похожий на воскового молодца из рекламы дезодоранта,

спустился вниз к душу, где выяснилось, что по случаю выходного, все разбежались кто куда, ключей нет, и холодной воды мне даже увидеть не удастся. Вахтер выразил сочувствие, угостил сигаретой — мы вышли на улицу, присели на ступеньки — день, оказывается, давно был в самом разгаре. Мы покурили, позевали.

— Поеду в город, — сказал я.

В Е. Меня занесло почти случайно. Это мог быть любой другой город, отвечающий двум требованиям — не меньше миллиона жителей, не больше восьми часов на дорогу. Маленькие каникулы, отпуск за свой счет, пустые прогулки, разговор при луне — набор нехитрых удовольствий, которые может позволить себе каждый, не прибегая к услугам турбюро, не озадачивая дальних родственников, счастливо обладающих большой квартирой в столице. Присутствие моего друга — с набором своих важных коммерческих дел из-за которых он торчал здесь вот уже две недели — было необязательным, но приятным довеском. Один совместный обед, два ужина и эта ночь, полная дыма, разговоров и светлой грусти по уходящему времени.

Е. — славный город в котором много широких улиц — слишком широких, как мне кажется — и красивых людей. По такому городу не очень-то удобно бродить без цели, особенно летом, но во всем есть свои маленькие приятности — где холодное пиво, где скамейка в тени. Хорошее место для праздного путешественника — большой универсальный магазин, нечто среднее между музеем и вокзалом курортного города. Если не задерживаться подолгу в отделах, где приторно вежливые продавцы настаивают на примерке, там можно славно провести время. Меня спугнули на втором этаже — снимали что-то документальное, или сюжет для местного телевидения — ярко рыжая девица уже нацелила не меня микрофон, сбоку подкрадывался оператор.

— Никаких комментариев, — пришлось отшутиться и бежать, на улицу, где толкотня у киосков более шумна и менее интересна.

Далее музей, настоящий, в котором я неожиданно нашел выставку Рериха и концерт Рахманинова. Вокруг картин — однообразных горных пейзажей, лишенных всякого объема, глубины, которую хочется постигнуть — сновали напористые личности с неухоженными бородами и волосами до плеч, а также женщины с большими глупыми глазами и задумчивыми улыбками. Концерт был, в проходном полуподвале, выходящим окнами на реку. Рериховские дамы остались наверху, сторожить полотно, на узких музейных скамеечках сидели приятные старушки, несколько таких же случайных посетителей — с ними я обменялся взглядами и увидел то же — лето, выходной, жара. Молодая невысокая девушка с острой лисьей мордочкой, меццо, приятно пела романсы.

После музыки потянуло к воде — полчаса на набережной, сигарета, чьи-то шумные дети рядом. Я позвонил из автомата моему другу — он оставил телефон какой-то конторы, где его долго искали.

— Ты сильно занят?

— Сильно.

- А обед?
- Я тут перехватил. Меня сегодня не будет, кстати.
- Что так?
- Надо тут стогнать недалеко. Завтра вернусь.
- Тогда до завтра.
- Пока.

Местом в общежитии я был обязан ему — он обитал там в образе студента-заочника и полюбился вахтерам, завхозам и даже коменданту настолько, что меня подсадили вообще без вопросов, даже не взглянув на паспорт.

Значит, кино не будет — мы собирались вечером сходить на Хичкока. Пришлось идти в зоопарк — благо он был недалеко. Там я задержался у водоема с крокодилом — двухметровое грязно-зеленое бревно с немигающим взглядом подплыло ко мне и мы долго смотрели друг на друга. В соседнем зале, у змей, подошло время обеда, в аквариум подсаживали живых цыплят и родители с детьми столпились у стекол. Запомнились еще две картинки — беспокойная пантера, похожая на Настю Кински и огромная пасть бегемота, с кривыми клыками и большими пузырями мутной пены вокруг. Зоопарк возбуждал аппетит, пакетика жареной кукурузы не хватило и я оказался в маленькой пельменной, где было дымно, но уютно, и продавался коньяк. На обратном пути я заглянул в букинистический — опять же прохладно, тихо, высокие полки, стремянка для особо дотошных — и купил там несколько старых номеров «Театральной жизни» за совершенно смехотворные деньги.

Когда я заходил в общежитие, задремавший вахтер встрепенулся и спросил неопределенно:

— Ну, как там?

— Жарко, — ответил я. — Ключей не принесли? От душа.

— Нет, — и он снова уронил голову на руки.

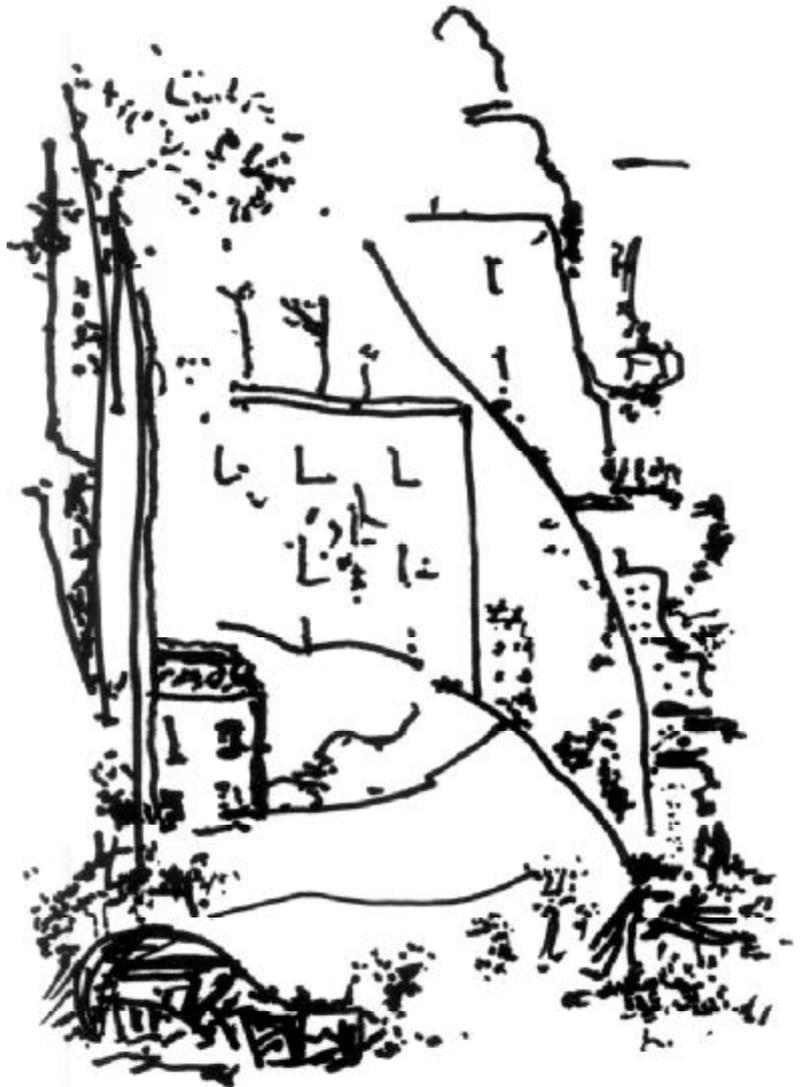
На пятом этаже было сумрачно и пустынно. Я допил холодный чай, оставшийся с утра, разделся и упал на кровать. Солнце вычертило на полу косые прямоугольники окон, и какое-то время я тупо следил за слабыми колебаниями легких и неопределенных теней на сморщенном линолеуме. С усилием выйдя из этой мутной медитации, я немного почитал с неременным желанием поскорее уснуть.

Мне приснился сон — я всегда хорошо запоминаю дневные сны — мы с другом стоим на огромном поле, разделенном на ровные квадраты широ-

кими асфальтовыми дорожками. Вокруг много людей, кого-то я узнаю, кого-то нет, большинство вооружены — карабины, ружья — мы приехали на охоту. Все собрались здесь, чтобы охотиться на орлов — это подобие спорта и я не сомневаюсь, что останусь далеко позади — стрелок из меня никудышный. Неожиданно звучит сигнал. Впереди я вижу силуэт птицы, она летит на меня. Не задумываясь, я вскидываю ружье, стреляю. Стреляю я один, птица падает метрах в ста от меня, на соседнем квадрате поля. Я кричу от радости, все смотрят на меня, кто-то восхищенно цокает языком. Мы идем с другом к подстреленной птице, я беру ее в руки и вижу...

Но сначала я слышу голос моего друга, слегка взволнованный:

— Ты ошибся. Это не орел. Ты застрелил чайку.

«Город-7» (из цикла «Город»), художник Ольга Боченина.

Василий СИГАРЕВ

Василий Сигарев — родился в Верхней Салде, ныне живет и работает в Екатеринбурге. Драматург, лауреат многих литературных премий («Анти-букер», «Дебют» — 2000 г., «Эврика» — 2001 г. и др.). Пьесы В. Сигарева с успехом идут во многих театрах России и Европы.

ЗАМОЧНАЯ СКВАЖИНА

Пьеса в одном действии

Действующие лица:

ОН
ОНА

Бог — это Мужчина. Мне кажется, что это так. Так и никак иначе. А иначе и быть не может. Почему? Не знаю. Но Бог — это мужчина. А значит — мужчина это ... Да, да, да, вы правильно поняли ход моих мыслей. Моих философских умозаключений. Кто философ? Я? Я философ? Нет, нет, нет, вот теперь вы глубоко заблуждаетесь. Я не философ. Кто же я? Я — мужчина. Что вам ясно? Еще раз, пожалуйста. Ах, вот оно что. Вам ясно, почему я называю себя богом. Давайте, я вас буду так называть. Нельзя? Почему нельзя? Вы философ. Философ мужчина или философ женщина? Просто философ. А я просто Мужчина, поэтому буду говорить с вами о Боге. Что? А, понятно. Если бы я был просто женщиной, я бы не смог говорить с вами о Боге. Как — почему? Я же сказал, что Бог — это Мужчина. Что? Так, так, ясно ... Откуда же я могу знать, о чем бы я говорил с вами, если б был женщиной. О женщинах могут говорить только женщины, а о мужчинах только мужчины. Почему я не прав? Ах, вам подсказывает многовековой опыт человечества. И что же он вам подсказывает? Вот как. Он подсказывает вам, что многие гениальные писатели-мужчины описывали женские образы достаточно реалистично. А теперь я скажу, что подсказывает мой опыт. Он подсказывает, что описывать можно, что угодно, а говорить только о том, что знаешь. Только так и никак иначе. В противном случае вы будете давать ... — как это называется? Все вспомнил. Не утруждайте свой философский ум: заведомо ложные показания. Ладно, не будем терять время и поговорим о Боге. Вы согласны? Прелестно.

Как я уже сказал, Бог — это мужчина. И у него есть две жизни. Одна та, о которой мы все знаем и другая, о которой знает только он сам. Точно так же, как у мужчины их две. Одна, которая живет им. Вторая, которой живет он. И вот об этой второй жизни может говорить только мужчина.

Что?

Я не могу сказать, есть ли у женщины такая жизнь, потому что я мужчина. Понятно вам?

Я мужчина, поэтому буду говорить с вами только о боге ...

Маленькая комната с побеленными стенами. В углу кровать, под окном, завешанном коричневым покрывалом, стол со стопками книг. На одной из стопок маленький театральный бинокль.

Есть еще несколько стульев, плитка, шифоньер и старый растоптанный туфель, распятый на дверной ручке, как Христос какого-нибудь Пикассо.

Вот, в общем-то, и все, если, конечно, не считать Его и Ее.

На ней короткая юбка, чулки в сеточку, мохнатая кофта. В чем он — не имеет большого значения. Вот что на вас сейчас? Пускай на нем будет то же самое — так даже забавнее.

ОНА. (ходит по комнате, знакомится.) Грязно тут.

ОН. (сидит на стуле, неподвижен, только глаза следят за ее перемещениями.) Я убираюсь по субботам, а сегодня пятница. Моя мама всегда убиралась по субботам, потому что в воскресенье — нельзя. (Пауза.) Почему-то.

ОНА. А в пятницу?

ОН. Что — в пятницу?

ОНА. А в пятницу можно?

ОН. Не знаю ... Можно, наверное.

ОНА. Почему же ты не убрал, прежде чем тащить меня сюда?

ОН. Потому что я убираю в субботу.

ОНА. (Усмехается.) Логично. Зачем это тут? (Берет башмак с дверной ручки, вертит в руках, разглядывает.) Типа как подкова, что ли? На счастье?

ОН. Это мой старый туфель. Он закрывает замочную скважину.

ОНА. (Помещает башмак на место, смотрит на него.) Зачем?

- ОН. Что — зачем?
- ОНА. Зачем он закрывает замочную скважину?
- ОН. Что бы в нее не заглядывали.
- ОНА. Кто?
- ОН. Старуха.
- ОНА. Какая старуха?
- ОН. Хозяйка квартиры. Я снимаю у нее комнату. (Пауза.) Эту комнату. А она живет в другой. Там побогаче мебель и побольше места. Но я там ни разу не был.
- ОНА. Откуда же знаешь, что та комната больше этой?
- ОН. Я заглядывал в замочную скважину. Я знаю способ, как можно легко открывать их. Хотите, научу?
- ОНА. (улыбается.) Давай.
- Он идет к двери, снимает с ручки туфель. Показывает что-то.
- ОН. Вот видите этот язычок, который прикрывает отверстие для ключа. Он двигается туда-сюда, туда-сюда. Но его не откроешь так просто с той стороны — нужно попотеть. Но есть способ. Я его сам придумал. (Сияет от удовольствия.) Если прилепить изнутри кусочек пластилина, то можно это делать без труда при помощи вязальной спицы или стержня от ручки. (Вдруг грустно.) Правда, есть замки с плоскими язычками — там мой способ не применим. А иногда после покраски язычки вообще присыхают и их можно открыть, только попав в комнату. Что хуже всего — это современные замки без скважин. С ними столько мороки. Приходится выкручивать один из шурупов, на которых крепится ручка, сверлить сквозное отверстие, потом маскировать его. (Вздыхает.) Ненавижу современные замки.
- ОНА. (Молчит.) И что же вы вот так тут и живете? Заглядываете друг к другу каждый день через замочные скважины?
- ОН. С кем?
- ОНА. С ней. Со старухой.
- ОН. Нет. Она не заглядывает. Я же повесил туфель.
- ОНА. А если она сделала где-то незаметное отверстие. И все смотрит и смотрит, как ты тут живешь: варишь картошку в мундирах, стрижешь ногти на ногах, давишь прыщи перед зеркалом. (Смеется.)
- ОН. (Нервно смотрит по сторонам.) Вы правы ... Вы правы. Она могла. Это ведь ее квартира. Ее. Она могла. У нее было время. Я завтра поищу. Обязательно поищу. Это старый дом. В стенах масса всяких дырочек от когда-то забитых гвоздей. Их можно использовать. Я завтра их все замажу. Замажу.
- ОНА. (Перебивает.) Ты случайно не забыл, зачем мы сюда пришли?
- ОН. Что?
- ОНА. Время, говорю, идет, а ты еще ширинку даже не начал расстегивать.
- ОН. Вы же сказали, что сто долларов — это за всю ночь.
- ОНА. У меня ночи короткие. «Когда рассветет — мы уйдем».
- ОН. Что?
- ОНА. «Когда рассветет — мы уйдем», говорю. Картина есть такая. Гойя нарисовал.
- ОН. Кто?
- ОНА. Гойя. «Сон разума рождает чудовищ». «Маха одетая». «Маха обнаженная». Знаешь?
- ОН. Нет.
- ОНА. (садится на стул.) Раз нет, тогда беседы не получится. Перейдем к делу.
- Начинает снимать туфли.
- ОН. (бежит к столу, выдвигает ящик, что-то ищет.) Нет, нет, нет. Все не так. Не раздевайтесь. Нашел. Вот, выпейте это ...
- Протягивает ей на ладони несколько таблеток.
- ОНА. (отстраняет голову.) Что это? «Колеса»? Или что-то возбуждающее? Мне не нужно, я и так горячая. Трахну так, что член расплавится.
- ОН. (краснеет.) Это снотворное.
- ОНА. (смотрит на его руку.) Зачем это?
- ОН. Я хочу, чтобы вы спали ...
- ОНА. Чтобы я — что?
- ОН. Чтобы вы спали, когда я буду ... делать это.
- Молчат. Смотрят друг на друга недоумевающее. Потом Она начинает дико смеяться.
- ОНА. Поняла! Я поняла! Ты хочешь трахнуть спящую бабу! А ты еще тот гусь! Прямо извращенец какой-то! Маленький гадкий извращенец! (Перестает смеяться.) Я не согласна!!!!
- ОН. Но вы же сказали, что за сто долларов я могу делать все, что мне вздумается.
- ОНА. Правильно, говорила. Но я должна видеть, что ты делаешь, чтобы ты не сделал ничего другого. Откуда мне знать, что в соседней комнате не сидят пятнадцать твоих дружков. Сидят там и ждут, когда я усну, чтобы позабыть на халяву. Нет, так не пойдет. Давай по-нормальному и — до свидание.
- ОН. Это того не стоит.
- ОН. (берет сумочку, идет к двери.) Ну, не стоит, так не стоит ... (Останавливается.) Хорошо. Пятьдесят — и завтра ты будешь считать мозоли у себя на достоинстве ...
- ОН. (стоит, не двигается.) Я плачу сто, но вы должны спать. Так и никак иначе ...
- ОНА. (в сердцах плюет на пол.) Идиот!!! (Сбрасывает башмак с дверной ручки.) Замочные скважины!!! Дыры в стенах!!! Дурдом! Кругом одни извращенцы! Ни одного нормального мужика! Одному — то, другому — это! Дурдом!!! Дурдом!!! Дурдом!!! (Без паузы.) Ладно, я согласна. Давай свои пилюли ... (Подходит к нему, берет таблетки, подозрительно изучает их.) Я это ... не отравлюсь от них?
- ОН. Нет. Это дорогие. Воды надо?
- ОНА. Так выпью. (Глокает, давится, кашляет.) Что теперь?
- ОН. Ложитесь на кровать — скоро начнут действовать. Она ложится. Смотрит в потолок. Молчит. Он садится рядом на стул. Тоже молчит.
- ОНА. Зачем тебе это, а?
- ОН. Что — это?
- ОНА. Ну, чтобы я спала? Ты случайно не того?
- ОН. (долго не отвечает.) Просто у меня была мечта. Фантазия, если угодно. Давно. В детстве. В лет одиннадцатилетних.

цать или двенадцать. Я ходил по улице, видел женщин. Много женщин. Красивых, стройных, толстых, жирных, уродливых, всяких. Я их видел. Смотрел на них. На их ноги. На ровные длинные ноги. На ноги волосатые и толстые. На кривые с шелушащейся кожей. На покрытые варикозными узлами вен. Я жаждал их всех. Всех одновременно. Я смотрел на их груди. Особенно летом, когда на некоторых не было лифчиков. О, лето — это была самая любимая пора для меня. Потому что именно летом мне удавалось увидеть женскую грудь натурально, близко, при свете дня. Это было в очереди за квасом. Я стоял за какой-то девушкой в цветной сорочке. Подошла ее очередь, она заказала стакан, потянулась за ним тоненькой беленькой ручкой и — о, чудное мгновенье! — я увидел белый холмик, увенчанный вождельной розовой плотью, в промежутке между пуговицами. Я как будто опьянел. Внутри меня все вспыхнуло, загорелось, заплясало ... (Замолкает, испуганно смотрит на дверь, шепчет.) Зачем вы убрали туфель?

ОНА. (тоже шепотом.) Ты же сказал, что хозяйки нет дома.

ОН. (идет к двери, возвращает башмак на место.) Ну и что. Он должен висеть на дверной ручке — мне так спокойнее.

ОНА. У тебя шизофрения. Параноидальный синдром.

ОН. Нет, я нормальный.

ОНА. Нормальные себя так не ведут.

ОН. Ведут!

ОНА. Не ведут!

ОН. Ведут! Еще как ведут! Вот зачем вы носите одежду?

ОНА. Для тепла.

ОН. А летом? Почему летом в жару вы не ходите голы?

ОНА. ... Чтобы меня не видели. Моего тела, то есть.

ОН. А дома? Дома вы ходите безо всего?

ОНА. Иногда.

ОН. Почему же не всегда?

ОНА. (молчит, думает.) Не знаю. Мне неудобно. Кажется, что кто-то может увидеть.

ОН. (возносит указательный палец к небу.) Вот! Вот о чем я! Значит, вы тоже параноик!

Снова садится на стул, смотрит на ее туфли.

ОНА. Ладно, убедил. Продолжай.

ОН. Что — продолжать?

ОНА. Ну, про свою мечту. Про фантазию или как там ее. Про девочку с квасом.

ОН. Ах, да. В общем, в тот день я пошел за ней. Надеял-

«Визовский рынок», художник Александр Вохменцев.

ся на какое-то чудо. Думал, может с ней случится солнечный удар или эпилептический припадок где-нибудь в людном месте. Тогда бы я мог подбежать к ней, сделать вид, что оказываю помощь, а сам бы прикасался к ее груди. Проник бы рукой в тот самый промежуток между пуговицами и трогал бы гладкую упругую плоть. Может быть, даже у меня было бы время, чтобы запустить палец туда ... туда ... Ну, вы понимаете?

Она кивает, улыбаясь.

Целых полтора часа, пока я ходил за ней по магазинам, по кулинариям, у меня была эрекция. Мне казалось, что люди видят, как топорщатся у меня штаны, поэтому я держал руки в карманах. Потом она зашла в какой-то подъезд и исчезла. Исчезла навсегда.

ОНА. А ты, наверное, кинулся в кусты и принялся удовлетворять себя. Угадала?

ОН. (не обращая внимания.) Нет, я пошел домой. Я смотрел на людей. Я смотрел на женщин. Она были такие далекие, такие недостижимые. А мне так хотелось владеть им! Владеть всеми сразу!!! И тогда я подумал ... Нет, это была даже не мысль. Это было озарение. Или прозрение. Я вдруг представил, что если бы все люди в мире уснули. Не умерли, а уснули. Уснули странным летаргическим сном. Тогда я бы мог овладеть любой женщиной, какой только пожелаю. Они бы лежали на улицах, у прилавков, в очередях, в квартирах — везде, а я бы был тем единственным, кому бы они принадлежали. Я был бы их царем. Я был бы их Властелином. Я был бы их Богом.

ОНА. (иронично.) Печальная история.

ОН. Вы ничего не поняли.

ОНА. Все я поняла.

ОН. Не поняли!

ОНА. Ладно, проехали. Зачем тебе бинокль?

ОН. Этот?

ОНА. Этот.

ОН. Этот плохой. Я хочу купить дорогой. Морской.

ОНА. Зачем он тебе?

ОН. Я смотрю в него.

ОНА. (смеется.) Ясно дело — не слушаешь. Куда смотришь?

МОЛЧАНИЕ.

ОН. В окна. Напротив нас есть многоэтажный дом и в нем много окон. А в них люди. Они живут там. Умирают. Ругаются и мирятся. Едят, спят, смотрят телевизор. Иногда дерутся. Изменяют друг другу. Играют в карты. Вызывают «скорую». Чешут собак. Смотрят на себя в зеркало. Считают деньги, прячут их в разные места. А я каждый вечер смотрю на них. Выключаю свет и смотрю ... Они не знают обо мне, а я сижу здесь и смотрю в бинокль. Они думают, что все, что они там делают, известно только им. Но есть еще я. Они не знают, что я существую. А между тем я каждый вечер вторгаюсь в их жизни. Вторгаюсь и живу вместе с ними. Вместе с ними пеку пироги. Вместе с ними размораживаю холодильник. Вместе с ними ложусь в постель. Я почти как БОГ, о котором они ничего не знают и ничего не ведают. Это чем-то похоже на мою детскую мечту. Я владею их жизнями. Как Бог. Как Бог!

Она молча встает, берет бинокль, открывает окно и смотрит.

Он следит за ней странным кошачьим взглядом, втянув голову в плечи. Его руки одновременно трут бедра ног.

ОНА. Там ничего не видно.

ОН. Видно.

ОНА. Я не вижу.

ОН. Видно! Там жизни, которыми я владею.

ОНА. (снова ложится, держит бинокль в руках.) Нельзя владеть чьими-то жизнями, только наблюдая.

ОН. Можно!

ОНА. Нельзя.

ОН. (резко отбирает у нее бинокль, прижимает его к животу.) Можно! (Почти кричит.) Можно! Можно! Можно! Можно мысленно делать с ними все, что угодно! Можно трогать их! Трогать за самые разные места! Можно плевать на них! Можно щипать их! Колоть иглами! Грабить! Бить! Можно даже убивать!!!!

ОНА. Но им-то что от этого? Что?

ОН. Какое мне дело до них? Главное — я! Главное, я знаю, что могу делать это! Главное — я знаю! Вот, например, у меня была сводная сестра. От первого материнского брака. Она потом умерла от рака крови. Так вот, когда мы с ней ругались, она обзывала меня девственником. Мне было четырнадцать, а ей около двадцати. И она обзывала меня. Кричала: «Девственник! Девственник! Будешь им еще сто лет!» Я всегда плакал после этого. А потом трахнул ее. Трахнул, как только захотел! И трахал целых два года, пока она не умерла. У нас в квартире между ванной и туалетом было окно. Оно было покрашено толстым слоем белой краски. Я отковырял краску. Всего маленький кусочек краски, но сквозь этот крошечный просвет я мог делать с моей сестрой самые отвратительные гадости, пока она мылась. Как только она входила в ванную, я закрывался в туалете, вставал на унитаз и смотрел. Смотрел, как она мылит себя. Как она моет там. Она делала это так нежно, словно ее орган был хрустальный и стоил миллион долларов. Она была полностью голая. Я мог видеть прыщи у нее на спине и даже ручеек волос возле пупа, как у мужчин. Иногда она лежала в ванной и ласкала себя. А я смотрел — и трахал ее. Потом я кончал и мне становилось противно видеть ее тело. Оно начинало казаться мне мерзким, как батон ливерной колбасы. Я замазывал просвет зубной пастой, делал вид, что смываю и уходил.

ОНА. И что же она после этого — перестала тебя называть девственником?

ОН. Нет, она не перестала. Зато я перестал обращать на нее внимание. И перестал плакать. Она-то думала, что я до сих пор девственник, а я уже не был им. Я лишился своей девственности с ней. С ней! Но она не знала об этом. И так и не узнала до самой своей смерти. А потом я пришел к ней на могилу и все рассказал. Я даже вспомнил, как она ставила себе во влагалище клизмы. И рассказал ей об этом. Рассказал, чтобы она не думала, будто я все выдумал. Я рассказывал ей это и смеялся. Смеялся и плакал. Плакал и смеялся.

ОНА. (садится на кровати.) Ты чокнутый. Самый настоящий чокнутый.

ОН. (вдруг вскакивает, кричит в окно.) Я нормальный! Нормальный! Это вы, вы, вы все чокнутые, сумасшедшие, шизофренические, дебилы! Верите в Бога, а

сами его ни разу не видели! Трепещите перед ним! Бойтесь его! Бойтесь того, кто только смотрит! Говорите: «бог здесь, бог видит!» А чем же тогда я не Бог?! Чем же я не Бог?! Я тоже вижу! Я тоже там, с вами! Чем же я не бог? Чем, а?!!!

ОНА. Тихо.

ОН. (весь напрягается, смотрит по сторонам.) Что? Кто? Кто здесь?

ОНА. (шепчет.) Тихо, тихо.

ОН. Что? Что? Зачем это?

ОНА. Тихо, тихо, тихо.

ОН. Что?

ОНА. Ты боишься смерти?

ОН. А?

ОНА. Ты смерти боишься?

ОН. (шепчет.) Иногда я хочу умереть. Но только — чтобы это было что-то глобальное, всеразрушающее. Чтобы это был Конец Света. Чтобы никого не осталось. Никого. Чтобы все умерли вместе со мной. Я даже изобретаю такую бомбу, чтобы взорвать всю землю. Чтобы нажать на кнопку и — все. И все. И нету земли. И нету вас. Нету моей сестры с ее могилой. Нету той девушки в цветной блузке. Нету никого. Никого. Никого...

Она снова ложится, отворачивается к с стене.

ОНА. Тихо. Тихо. Я буду спать. Твои таблетки уже действуют. Тихо. Я уже засыпаю. Потом я усну и ты сделаешь со мной все, что угодно.

ОН. Ладно. Хорошо. Хорошо. Ладно.

На цыпочках идет к двери. Снимает с ручки свой старый распотпанный туфель, открывает замочную скважину, исчезает за дверью.

Скрипят половицы. Стонут доски. Поют гвозди, забитые в древнее ссохшееся дерево. Но они поют о чем-то своем. Им нет дела до человека, который, припав глазом к замочной скважине, притулился возле двери. Им нет никакого дела до этого странного человека с его сумасшедшими мечтами или фантазиями, если угодно. С его театральным биноклем. С его сестрой, лежащей на каком-то неизвестном кладбище, но все еще живущей в его голове. Им безразличны все его страсти, страхи, мечтания. Они живут своей неторопливой однообразной жизнью и лишь изредка думают о том, кто наступает на них. Они считают его Богом.

Медленно открывается дверь. Появляется, затаив дыхание, Он. Помещает башмак туда, где ему следует быть. Прикрывает дверь. Идет осторожно на цыпочках — крадется. Что-то спрашивает чужим деревянным голосом.

ОН (шепчет, задыхаясь.) Вы спите?

Тишина.

Вы спите?

Нет ответа.

Вы спите?

МОЛЧАНИЕ.

Что с вами? Вам плохо? Сейчас я вам помогу ... (Пауза. Идет к кровати.) Я врач. У меня диплом... Диплом у меня... Сейчас я вас спасу.

Подходит к ней. Начинает боязливо, едва прикасаясь, гладить ее ноги, ягодицы, грудь. Его тело содрогает мел-

кая, неумная дрожь. Правая нога конвульсивно трясется, как у собаки.

(Глохнет слону, шепчет сбивающимся голосом.) Я врач ... диплом ... Я вам помогу ... Сейчас ... Сейчас. Помогу. Я врач. Всем помогаю ...

И вдруг она переворачивается на спину и начинает смеяться страшным демоническим хохотом...

Он отскакивает в сторону. Пятится.

Я ничего не делал! Я думал — вам плохо! Я хотел помочь!

ОНА. (кричит.) Идиот! Тупица! Свинья безмозглая! Козел! Тварь! Думал, я буду жрать твои сраные таблетки! Накуси-выкуси! (Швыряет в него таблетки.) На, жри сам! Где мои деньги?! Ты меня лапал — плати, шизофреник! Плати, сука! Где деньги?! У меня папик есть! Сугенер! Он тебя уроет, гнида! Где деньги?!

Он, продолжая пятиться, достал сто долларовую купюру, роняет ее на пол.

ОН. Я ничего такого не делал! Не надо меня в тюрьму! Пожалуйста! Я больше не буду! (Плачет.) Пожалуйста, тетенька, миленькая! Я больше не буду! Честное слово! Только не надо меня в тюрьму!!!

Прячется в шифоньер. Рыдает.

ОНА. (поднимает деньги, надевает туфли, идет к двери.) Кому ты там нужен в тюрьме?! Псих! Замочные скважины у него! Бинокли! Психопат! Богом себя мнит! Даун! (Открывает дверь, швыряет в шифоньер туфель, орет ему вдогонку.) Пошел в жопу!!! Пидор!!!!

Уходит, со всей силой хлопнув дверью.

Долгое время ничего не происходит. Потом дверца шифоньера со скрипом открывается. Изнутри вываливается Он.

ОН. (Плачет.) Я ничего такого не делал. Я врач. Я хотел помочь. Думал, вам плохо. Я врач. Я ведь врач. Честное слово.

Идет к окну. Берет бинокль. Смотрит. Вдруг начинает не говорить — шипеть.

Я вас ненавижу!!! Не-на-ви-жу!!! Нес-наа-ви-жууу!!! Слышите меня?! Слышите?! Я вас всех не-на-ви-жу!!! Живете там, в своих окнах, а обо мне забыли! Будто меня и нет вовсе! А я есть!!! Я там, с вами! Каждый вечер! И мне плевать на вас!!! На всех! Слышите меня?! Слышите?! Мне плевать! (Захлебывается рыданиями.) Лучше бы вас не было! Лучше бы вас всех не было!!! И меня!!! И меня!!! Слышите?! Суки!!! Суки!!! Суки!!!

Швыряет бинокль об пол. Тот разлетается на сотни белых пластмассовых осколков, которые сверкают, как кусочки стекла.

Идет прочь от окна. Руки сжаты в кулаки. Слезы текут по щекам.

(Шепчет.) Вот изобрету свою бомбу и взорву всю землю. И вас, и себя. Всех, всех, всех, всех, всех, всех, всехвсех ...

Темнота

Занавес

КОНЕЦ

Андрей ИЛЬЕНКОВ

Ильенков Андрей Игоревич, родился 14 сентября 1967 г. в Челябинске, с 1968 г. и по сие время проживаю в Екатеринбурге. Закончил школу в 1984 г., тогда же поступил в медицинский институт. В 1986 г. со второго курса был приглашен в армию (Байконур). В 1988 - 1989 продолжал учебу в институте. В 1990 г. был приглашен В. Курицыным в газету, в связи с чем навсегда растался с медициной, а затем работал сторожем, грузчиком, экспедитором, рабочим на пивзаводе (цех разлива), реализатором в ларьке. В 1992 поступил на филологический факультет УрГУ, с 1999 г. работал переводчиком в издательстве Уральского университета. В 2001 г. закончил аспирантуру (автор ряда статей по творчеству Пушкина, Блока и Шолохова, участник межвузовских и международных филологических конференций).

Семейное положение — холост. Судимостей не имею. В порочащих меня связях никем не замечен.

Плевое дело

Смеются над женщинами, что они рабски следуют моде. Правильно смеются. Другое дело в армии — там не до смеха.

Вообразим так называемое кладбище аэропланов. Искореженные груды крылатого металла кольчугалюминия. Тыща ТУ-16. Тыща ТУ-95. Тыща ТУ-22. От одного из них ломаешь полоску, пилишь из нее буквы «С» и «А», шуруришь, шлифуешь и клеишь на новые прапорские погоны. Потом собачишь к новой («канолоевой») офицерской («шнурковской») рубашке и никому не показываешь, потому что не положено. В дембельском эшелоне снимаешь китель и красуешься, пока в вагоне нет шнурков — это понятно.

А вот со звездой на бляхе ремня — непонятно. То ли лучи надо плавно стачивать на нет, чтобы вся звезда была выпуклая наподобие морской, то ли все фигня и надо, наоборот, покупать на дембель каноловую. Такая же антиномия с зимней шапкой. Веками их стирали, потом тайно от шнурков натягивали сушить на специально сколоченные ящички для придать квадратную форму, а недавно целый выводок дембелей — и то все были авторитеты! — вместо этого направились в карантин к барбосам и обменяли свои квадратные дембельские на каноловые барбосские, в этих последних отправились на большую землю!

Это, конечно, все высокая мода, но есть и вещи элементарные, обязательные для всякого чеховекоминимума, например, шерстяные погоны или согнутая под прямым углом кокарда. Не иметь этого может только чмо, и ему лучше не ехать в общем эшелоне, потому что его заставят мыть пол в эшелоне, а это плохо. Если считать, что есть «армейская жизнь», то есть и «армейская смерть», т.е. дембель, а мыть эшелон — это как после смерти отправиться в ад.

Да, в армии личность строго нормативна. Это на гражданке всем на всех наплевать, а здесь вам не тут! Здесь

соборность. А знаете ли вы, милостивый государь, что сия соборность означает? Это у них на Западе роскошные лимузины проносятся мимо умирающих на обочине бродяг. Потому что там, в рамках ренессансного индивидуализма, свобода лишности. А с точки зрения соборности-то, позволительно спросить у бродяги отчета за его скотскую смерть на обочине, со всей суровостью, со всей прямоотой спросить! Ведь тут и равенство, и братство: ежели ты мой брат, так мне не безразлично, что ты подыхаешь тут в собственном соку, а ежели мы притом равны, отчего ты не едешь рядом на другом лимузине? Отчего молчим? Может, уши прочистить? Разве не сторож я брату моему? Твоя беда — она и твоя вина, а ежели я оставлю тебя в твоей беде, т.е. прошу тебе твою вину, так она будет и моею виною. Если твои глаза соблазняют тебя опуститься в собственный сок, то вырви их, ибо лучше лишиться глаз, нежели человеческого подобия, — а не желаешь, то я их тебе вырву, ибо ты брат мой. О, тонкая штука!

А дембель — он и правда как смерть — никогда не чувствуешь себя готовым. Мобут я не считаю. О том, как готовиться к дембелю, до сих пор не утихают споры среди знатоков. А Москалева и Малевича необходимо нужно отнести к числу самых искушенных. Уже год, если не больше, ломают они голову над проклятыми вопросами.

— А то, что ты дурак, — проникновенно ответил Малевич на вопрос Москалева: «А че это мне не выдадут «пэша»?». И еще добавил: — И то, что ты дубовый, — и презрительно отвернулся.

Он еще не все оказал, но теперь ждал, пока Москалев спросит: «А че это я дубовый?!» — «А то, что ты ебнутый», — с достоинством окажет Малевич, а когда тот возмутится: «А че это я ебнутый?!», — он ему ответит: «А то, что я про это у ротного спрашивал!» — «И че?», — станет

выпытывать Москалев. «А вот хрен в очо!» — объяснит Малевич и снисходительно добавит: «Приказ комбата — увольнять только в парадках».

И вот он все это предвкушал, а пока, отвернувшись, без интереса наблюдал, как за окошком двое мобут-стройбатовцев мочили русского. Всего месяц назад, он не смотрел бы так безразлично — тогда он дождался бы, пока роту распустят (а надобно вам знать, что происходит какое-то построение, и старшина бормочет какую-то ересь, но, конечно, Малевич не слушает, а просто беседует с Москалевым вполголоса), распустят, старшина уползет в каптерку, и сказал бы только: «Чуваки — смотрите! Айда гасить мобут!» — и указал бы за окно. И человек шесть бы пошло, и они загасили бы мобут, а заодно русского, чтобы не позволял себя гасить мобутам. Но сейчас ему было все равно — он хотел домой.

Но пошлый Москалев, вместо того, чтобы спросить «А че это я дубовый?», неожиданно сказал:

— Это ты дурак, понял? Комбат разрешил увольнять-ся в «пэ-ша», понял? Это уже точно. Мне вчера зема со склада сказал, понял?

Малевич огорчился. Он хотел ехать в парадке и фуражке, потому что все у него было каноловое, и, между нами, украденное с вещевого склада. У остальных дембелей парадки тоже были нехреновые, но все-таки не со склада, а свои, надетанные. И, конечно, ему не хотелось терять

такого преимущества, и он втайне очень рассчитывал на совесть командира, что не разрешит «пэ-ша». Что за бордель, в самом деле? Та же повседневка, только потолще и цвет поярче.

Прикалываются-то по панаме (Панама — советский эквивалент английского пробкового шлема, является повседневным головным убором солдат в центральноазиатских колониях. Народные умельцы путем стирки панамы в силикатном клее придают ей восхитительную твердость. Так, панамы ряд. Попова прочностью не уступала Мамбринову шлему, и когда ефр.Ткачук хватил по ней бацильником, она даже не помялась, напротив того, жесткие края ее в нескольких местах рассекли кожу на лбу и висках Попова, который в момент удара в ней находился.), потому что в панаме все косят под афганцев. А с парадкой, понятнo, панаму не наденешь.

В «пэ-ша» ходят с ремнем — это позволяет щегольнуть фронтовой фляжкой, а в парадке с ремнем не ходят, и фляжка, если таковая имеется, скучно лежит на самом дне дипломата — ее не на что подцепить.

И, в заключение, «пэ-ша» подразумевает сапоги, а дембельские сапоги — это нечто умопомрачительное, сточенное, набитое, перешитое, особым образом подкованное, с залихватской гармошкой внизу голенища — одним словом, штучная работа. То же пытаются делать и с парадными ботинками, но под их внешним лоском все равно про-

«Оркестр», художник Александр Вохменцев.

глядывает какое-то онтологическое жлобство фасона, физиогномия эпохи Москвошвея.

Таким образом мы видим, что шансы парадки и «пэша» почти равны: первая берет врожденным благородством, второе — аксессуарами. Это если беспристрастно, но у Малевича — единственного в роте! — была канолевая свежеворованная парадка. Он был круче всех...

...И все летит под хвост коту! Малевич зло плюнул и ответил громче, чем принято в строю:

— Да мне пофигу! Я свою парадку у твоего же земы на такое сменяю, что тебе срать да срать! — и раздраженно стал смотреть на драку о мобутами. Теперь их уже били трое солдат с европеоидной внешностью. Четвертый, точнее, первый, видно, уже надрался вволю и сидел на трубе, запрокинув голову, и промокал лицо белой тряпкой. Солнечный зайчик от его бляхи дрожал на потолке. Одного мобуту сбили с ног, а второй, сузив свои щелочки до полной невидимости, махал во все стороны коричневыми кулаками.

— Малевич!!! — гневный окрик раздался под самым ухом. Он очнулся. Вся рота, выглядывая друг из-за друга, смотрела на него. Прямо перед ним стоял старшина — прапорщик Баймурзинов и, выпучив глаза, тяжело дышал.

Хотя и не сразу, но Малевич понял: огромный, переливающийся перламутром харчок блестел ровно посередине между сапогами прапорщика и его собственным (остальные перешли на летние ботинки, дембеля же гордо донашивали старые кирзачи: новой формы им уже не положено).

— Брал тряпку и вытер!

«Как же это я?» — с досадой подумал Малевич, еще не отразив смысл последнего крика, между тем, как по строю пробежал возбужденный шумок, и более по звуку тревоги, по запаху острого интереса, разлившимся в воздухе, по нездоровому волнению роты, Малевич с опозданием понял, что происходит.

А происходило следующее: прапорщик требовал, чтобы ДМБ Малевич взял тряпку и мыл пол. Малевич смотрел на харчок, и его лицо начало бледнеть, а сердце нехорошо стучало. Шум усиливался.

— Отставать разговоры! — рявкнул прапорщик.

Лучше всего сейчас было бы умереть — прямо без подготовки. На обочине шоссе. Умереть лучше, чем пойти на прямое «неповиновение», хотя бы и в мирное время, или после полуторогодичного перерыва вернуться к тряпке, сжать ее в объятиях, встать раком перед строем... Но Малевич не умирал, таких в армию не берут — а секунды шли, и рота притихла — солдаты понимали, о чем идет речь. Понимал и старшина, и видел, что дембеля скоро начнут срать в строю.

Секунды шли. Если вначале еще можно было поспешно извиниться, растереть плевком сапогом (как улику), или как-нибудь зайтись в судорожном кашле, чтобы слюни летели во все стороны, то сейчас момент упущен, он слишком долго не слышал своей фамилии, и старшина убедился, что дембеля на него кладут, плюют в строю на пол (это значит — почти на него самого!), и с минуты на минуту этот Малевич начнет в строю срать на старшину.

При таком раскладе Малевич уже мысленно согласился вытереть пол. Не присутствуй при этом добрая сотня братских глаз. Хотя, не присутствуй она, Баймурзинов тоже бы не сдох, если бы его приказом пренебрегли. Он мог уже сто раз пожалеть о том, что не был слеп в тот миг, но теперь слишком очевидно отдал приказ с большой буквы «П», чтобы идти на попятную.

Произожди такой казус белли с Москалевым, он бы что-нибудь придумал. Не знаю, что — хлопнулся бы в обморок, наконец. Но не таков Малевич. Он много круче, неспешнее — это не наглость, это заслуженное величие. Он выше ростом и шире в плечах Москалева и Баймурзинова, вместе взятых. Про его рожу я уже не говорю — он вылитый Нарцисс. Выхода не было.

Настоящий кавказец — вот кто два года не дотрагивается до тряпки. Настоящий, говорю я, с большой буквы «К» — грузины, армяне и протчая не в счет. Правда, они тоже думают, что они — кавказцы, но это не так. Один молодой грузин долго объяснял сержанту, что не станет мыть пол, потому что у них в Грузии, или, как он оригинально выразился, в Джорджии, так не принято. Что это у них делают женщины, а он не женщина же. Сержант резонно отвечал, что у них, на Украине, это тоже делают женщины, но он и подавно не женщина, поскольку мало того, что мужчина, так еще и сержант. Грузин не нашелся, что ответить. Настоящие кавказцы в переговоры на такие оскорбительные темы не вступают — они плохо владеют русским языком. Один неопытный сержант заикнулся было о полах в разговоре с кавказцем, но сразу получил по морде неожиданно сильно. Не шути с кавказцами: эти шутики неприличны и глупы. Два горца тоже находились в строю и следили за развитием событий, чтобы раз и навсегда убедиться, что среди русских тоже встречаются люди, либо наоборот, тоже раз и навсегда.

— Витрет, — скрестив руки на груди, презрительно сказал Мамедов. Презрительно промолчал Магомедов, держа руки в карманах.

— Рядовой Малевич, — тяжело дыша, сказал Баймурзинов.

— Я.

— Я вам приказываю, товарища солдат, вытереть свои слюни, — на лбу старшины вздулась смуглая жилка.

Малевич с испепеляющей ненавистью взглянул на старшину.

— Товарища солдат, вам ясно приказ?

— Ясен.

— Отставить... Товарища солдат, вам ясно приказ?

— Так точно.

— Выполняй.

Малевич не ответил «Есть». Он отхаркнул и с силой плюнул снова. Плевком шлепнулся почти вплотную к сапогу прапорщика. Потом Малевич вышел из строя и, раскаляясь на бегу, влетел в туалет. В наступившей тишине было слышно, как гремит «шкаф для уборочного инвентаря».

— Зачморылся, — сказал Мамедов.

— Русский, — объяснил Магомедов.

— Бэларус, — уточнил Мамедов.

— Адын хуй.

Константин БОГОМОЛОВ

«Ферматист» был написан по мотивам прозы Сергея Юрского и предполагался для известного нашего документалиста Бориса Кустова, мечтавшего запуститься на Свердловской киностудии с игровым дебютом.

Но денег на постановку не нашлось, проект закрылся. А сценарий остался, и коль скоро в России есть давняя традиция публиковать литературные сценарии, то возможно есть смысл обнародовать и этот.

Ферматист

Сценарий короткометражного фильма

(По мотивам рассказа Сергея Юрского «Теорема Ферма»)

Хотя дорога была неважная, он шел на скорости около девяноста: хотелось вернуться до ночи.

— Все-таки надо было пораньше, — сказала жена. — А вообще, съездили — и слава богу. Они полгода звали, неудобно.

— Ну, мы их в прошлом году еще звали.

— Мы не так настойчиво звали. А все-таки, если б не Князев, я бы думала, что все критики — скучный народ. Ну, такие педанты, формалисты, что ли.

— Нет, бывают не занудные, — отозвался он, — пока не говорят о литературе.

— Но на пианино-то не все играют. А стихов он не пишет?

— Стихи едва ли. Но лучший пианист среди критиков, факт.

— Страшно, наверно, всю зиму на даче.

— Вряд ли они верят в привидения.

— Есть еще воры, бандиты, бомжи. Это теперь страшнее.

— У него, пожалуй, ружье. Заряженное.

Он моргнул, пальцем растер глаз.

— Что, хуже? — встрепенулась жена. — Ты и там тер, я заметила.

— Да нет, ничего. Немного рябит.

Дорога стала ровней, он еще немного прибавил скорость.

Все началось сразу. Ему показалось, что по глазам смаху хлестнуло веткой. Одновременно он понял, что здесь, за стеклом, веток быть не должно. Это было гораздо хуже.

Он отжал тормоз, машину завертело и понесло на самую обочину. Черные голые ветви теперь и впрямь нависали над головой.

Было темно и совсем пустынно. Только вдали слабо маячили огни города.

— Паша, что делать? Никого на дороге! — испуганно говорила жена.

— Надо ехать, сейчас же. В больницу.

— Но ты можешь, ты можешь вести?

— Попытаюсь. Совсем не вижу. Больно и пелена...

— Но как же мы... как мы поедем?

— Смотреть будешь ты, — сказал он, поворачивая ключ зажигания. — Заранее говори поворот. Лево руля, право руля, только не опоздай.

— Вот там, что-то на дороге... нет, показалось. — Почти вжавшись в лобовое стекло, она впивалась глазами в дорогу:

— Только не прибавляй, я не успею!

— Надо быстрее. Очень больно.

На въезде в город он остановился.

— Все. Больше не могу, разобьемся. Вызывай скорую.

— Увезут же, Паш, куда-нибудь к черту на кулички!

— Это уже все равно.

— А этого-то ночью привезли... Жена-то: Павел, Павел, ты меня видишь? Потом опять: видишь, ви-

дишь? А хрен он ее больше увидит!

Говорили в коридоре. Короткий смешок, кашлянули, сплюнули.

— Ну вот, с прибытием, — пробормотал он и закрыл болевшие глаза.

— Долго продержите? — спросил он у заведующей, которая в прямом смысле заглядывала ему в глаза.

— Придется полежать, пройти курс. Зря держать не станем.

Уже в дверях она обернулась.

— Мне звонили. Профессор Рогов. Насчет — нельзя ли улучшить условия. Ничего не могу, к сожалению. Это не самая большая палата, пятиместная. У нас единственный крохотный бокс — в нем старый человек, почти совсем слепой...

На другой день Антонов уже ходил. Со стариком они разместились в ободранных казенных креслах в темном тупике коридора.

— Невжели так больно? — спросил старик.

— Чертовски. Иглу втыкают прямо в глаз.

— Теперь вже легче?

— Немного легче. И все равно ужасно больно. Я к тому же дергаюсь от укола, ничего не могу поделать.

— Нужно терпеть. Терпеть и не думать об этом. Я имел три операции. Ради глаз нужно терпеть.

Пальцами старик развел на две стороны свои плоские седые усики.

— Пойду терпеть, — поднимаясь, сказал Антонов. — А все-таки не понимаю, как люди выносят операцию? Без общего наркоза, глаз закрыть нельзя...

Сестра в процедурном кабинете работала заученно и бесстрастно.

— Приготовьтесь, — сказала она, — будет больно.

— Я знаю. Но никогда не готов.

Пальцем ему оттянули веко. Игла коснулась глаза, словно оцепеневшего от ужаса и боли.

— Пригласите там следующего, — сказала сестра, когда он стал выходить, придерживаясь рукой за стену, и загримела шприцами.

Позже, когда отпустило, он постучал в кабинет заведующей.

— С Вацлавом вы, я вижу, сошлись. Он мало с кем находит тут общий язык. — Заведующая немного откинулась за столом, закурила.

— Говорит больше он. Исповедуется. Со мной так часто, уже привык.

— Ну, вам, литераторам, это нужно. Да и судьба у него необычная, глядишь — и будет вам сюжет для небольшого рассказа, а?

— Ох, Любовь свет Володимировна. Полагаете, я тут в поисках персонажей? Судьба у него для России не такая уж необычная. Сидел сперва в гестапо, потом у нас — сколько таких... Тут другое интересней. Человек он запад-

ный, не наш. Чех — а я сперва решил: поляк, раз Западная Белоруссия — чех-то чех, но ведь всю жизнь, полвека уже он «наш», всецело наш. А вот — не наш. Эта белая рубашечка с воротничком каким-то особенным, и старомодные ботинки вместо больничных тапочек, и эти усики европейские, да еще и подобие стрелки на пижамных штанах! Какие сильные гены!

— Не знаю, как там гены, был у нас тут один из немцев. Ну такой советский склочник, всяким, как вы говорите, нашим фору даст.

Зазвонил телефон.

— Ну ты сказал, что не могу, что все эти дни я в больнице... И что, все равно вызывают? Да что ты там натворил? А где это вы с Ваней Сударевым были?

Заведующая прикрыла трубку рукой:

— Извините.

— Ну да, конечно.

Он вышел в коридор, оставив в кабинете всю игривую галантность. Побрел к палате, шлепая тапками со стертymi задниками.

В палате работало радио — два мужских голоса натужно дискутировали о судьбах России на стыке веков. Один говорил по-ученому, налегая на «консенсус» и «парадигму», другой отыгрывал простецкие обороты.

— Развели, е-мое, демократию! Скоро жопу будет нечем прикрыть! — Сосед справа рывком, будто водку, допил кефир и вытер майкой рот.

Это было как призыв, как сигнал горна. Палата ожила. Теперь только Антонов продолжал изображать дремашего.

— Да заколебали, в натуре! Сидят там, базарят. Парламент-херламент!

— А кто там сидит-то, кто там сидит? Иностранцы одни сидят, так чо ты хочешь! Всю страну распродали.

— У меня раньше как. Триста рэ стабильно, премия еще... А тут и вообще всех в бессрочный. Кинескопы, грид, больше спросом не пользуются, телевизоры теперь нового поколения! А не хер было у узкоглазых покупать!

— Вот опять по ящику выступал. Россияне, говорит, россияне! Он россиян-то когда видел? Там у него одни Абрамычи вокруг.

В коридоре тоже разговаривали.

— Невжели такой мороз? Я же думал, гораздо теплей. Антонов вышел из палаты. Щуплый Вацлав Иванович шел по коридору прямо и уверенно. Только присмотревшись, можно было сообразить, что двигается он на ощупь.

С Вацлавом Ивановичем они снова разместились в креслах в темном тупике коридора.

— Какие перепады, подумайте! — Старик по привычке поднес к лицу указательные пальцы, пустил вразлет свои усики. — Я помню, такая зима была в сорок седьмом, кажется. Я уже был в лагере под Пермью. Стали выводить валить лес. Я был совсем не готов, даже карандаша не мог толком очинить, а тут... Ударило вдруг под тридцать, а нас впервые вывели. Кругом лес, сосны до горизонта — руби

всю жизнь, не срубишь. Я тогда подумал: вот сейчас бы лечь — и все. Покой, белое безмолвие. Но нет, надо терпеть, всегда надо терпеть.

— Для чего — всегда терпеть? — спросил вдруг Антонов.

— Простите?

— Да нет. Дурацкий вопрос.

— Нет-нет, нельзя было поддаваться. Соблазн отбросить разум. Я же математик. Математика — это логика. Логика — это разум. Я всегда это твердил своим ученикам. Они все ненавидели алгебру.

— А я вот любил, — сказал Антонов.

— Невжели?

— Обожаю. Остальное давалось легко. А тут... — одолеть алгебру. Это было как спорт.

Антонов поглядел на часы:

— Ого, восьмой час.

— Время ужинать. — Старик встал и свернул направо, в стену. Но сразу почувствовал и забрал влево. Антонов взял его под руку.

— Квадрат двух чисел забыли? — спросил старик.

— Кажется, не забыл.

— Невжели вспомните?

— $A^2 + 2av + v^2$

— Хорошая память. Заходите ко мне перед сном, я вам покажу кое-что. Вы ведь слышали о теореме Ферма?

— Теорема, которую никто не может решить?.

— Доказать не могут, — поправил старик. — Так вы заходите, я покажу. Я доказал теорему Ферма.

После ужина Антонов спустился в холл, к телефону-автому. Нервный мужик с забинтованным черепом держал у уха трубку и бормотал что-то недоброе. Снова набрал номер.

— Пошла моя Элка налево, вот чувствую, сегодня пошла! — сказал мужик, не глядя на Антонова, и повесил трубку.

— Таня, — сказал Антонов, — это я.

— Молодец, что позвонил! — обрадовалась жена. — Как глаза, лучше?

— После уколов больно. Но терплю.

— Все-таки давай я завтра приду, у меня днем должно быть окно. Принесу фрукты.

— Завтра не надо, Тань. Апельсины я еще не съел. Ты же знаешь, не люблю я этих частых больничных визитов. Лучше скажи, какие новости?

— Князев звонил, вот только что. Тебе привет, пожелания и все такое. Он очень расстроился. Говорит, Алла у него, как мы уехали, почувствовала какое-то беспокойство. У нее, говорит, интуиция. Они теперь чувствуют себя почти виноватыми.

— Да что за глупости!

— Вот и я говорю. Но ему теперь за другое неудобно. У него вчера в «Литературке» вышла рецензия на твою

«Река Исеть», (диптих), художник Александр Вохменцев.

книгу — ну, помнишь, он говорил. Рецензия хвалебная, но с оговорками, как всегда у него. Мол, автору не хватает глубины зрения иногда. Он говорит: если б я знал, что случилось, конечно бы убрал. А теперь звучит как издевка.

— Теперь он боится, что прочитав рецензию, я и вовсе стану слепым? Ерунда, пусть не берет в голову...

Антонов прошелся по коридору на своем этаже. Из каморки старика выглядывала полоска света. Антонов прошелся снова, вернулся. Осторожно приотворил дверь. Вацлав сидел на застеленной кровати, чинно положив руки на колени. Рядом лежала большая бухгалтерская книга.

— Входите, входите! — бодро сказал старик. — Сейчас вы все поймете. Вот, садитесь на стул... Теорему Пифагора вы, должно быть, помните. Квадрат гипотенузы равен...

— Сумме квадратов катетов.

— Это так, и это очень красиво. Значит, если в прямоугольном треугольнике меньший катет равен трем, больший — четырем, то три в квадрате — девять, четыре в квадрате — шестнадцать, девять плюс шестнадцать будет двадцать пять. Гипотенуза равна корню квадратному из двадцати пяти, то есть пяти.

Вацлав Иванович подсел ближе к Антонову. Протянул бухгалтерскую книгу.

— Значит так, откройте.

В книге лежала фотография овчарки с раскрытой пастью и свесившимся языком.

— Ваша собачка? — спросил Антонов

— Нет. Это Искра, собака-поводырь. Морозов Николай Герасимович умер, а Искру забрали обратно а питомник.

— Позовите сестру, позовите сестру! — раздался из-за стены женский голос.

— У них палата лежачая, — сказал старик.

Антонов поднялся. Пошел за дежурной.

— Да, ей укол надо. Иду, — сказала сестра.

— Идет сестра! — крикнул Антонов в палату и вернулся на место.

— Значит, смотрите, — снова придвинулся старик. — Вот, значит, формула: $an + bn = cn$. Так вот, еще в семнадцатом веке Ферма предложил доказать, что если n больше двух, то это равенство невозможно.

— Больше двух?

— Ну да! Если n равно двум — это теорема Пифагора, это возможно.

— А если больше двух, то невозможно?

— Невозможно.

— Зачем же доказывать отрицательную истину?

— Как зачем?! Отрицательная истина отличается от положительной только тем, что располагается по другую сторону от нуля. Теперь переверните страницу. Начинаю мое доказательство. Сделаем всего два допущения. Допустим, что n — целое число, кратное какому-то из однозначных чисел.

— Ну ... да.

Антонов старался удержать глаза открытыми.

— Значит двадцать один годится, оно кратно трем и семи. Так. А двадцать два?

— Годится.

— Да, кратно двум. Двадцать три годится?

— Годится.

— А чему же кратно двадцать три?

— Чему?

— Ничему. Не годится.

— Ну да, выходит так, — сдержал зевон Антонов.

— Второе допущение. Переверните страницу.

Антонов перелистнул толстую бумагу и прикрыл глаза.

— Мы приходим к простому уравнению, — говорил старик. — Остается признать, что a всегда меньше X . Видите это неравенство? Видите?

Антонов открыл глаза. Перед ним громоздились буквы, знаки, степени, корни, выведенные крупным детским почерком.

— Вацлав Иванович, извините меня, — сказал он, залопывая книгу, — я все же алгебру позабыл, мне не уследить.

— Хорошо. Вы просто устали. Отложим.

— Подождите, сам-то Ферма решил свою теорему?

— Он вообще никогда не публиковал своих результатов. Все оставалось в письмах, пометках. По поводу этой, самой знаменитой своей теоремы, он написал на полях «Арифметики» Диофанта, что нашел поистине замечательное доказательство, но поля слишком малы, чтобы его уместить.

— А если не было у него решения? Если он сам понял, что это некорректная постановка задачи?

— О, да вы математик, — оживился старик. — Такие слова знаете. Почему ж некорректная, позвольте спросить?

— Да потому что я пытаюсь это применить к обычной жизни. Ведь это то же самое, что требовать от человека: докажите, что вы невиновны. С какой стати. Это вы ему докажете, что он виновен, он не должен ничего доказывать, он знай себе живет. И потом — что это дает в принципе? Вот теорема Пифагора — это колоссально, это открытие непреложного факта. Это нужно для дела, для обычной жизни, это попросту применимо. А здесь... Допустим, вы доказали, что никогда так быть не может. Ну и что. Это же бездна. Ничто, никогда...

— Это и есть бездна. — Старик облизал свои сухие губы. — И я обосновал ее, а мне не верят. Думают, там, в бесконечности, есть дно и уравнение может там сойтись. А оно не может. Бездна.

— Вы в прошлый раз обронили, у вас есть в друзьях большие математики, — сказал он Антонову напоследок. — Я бы только хотел, чтобы кто-нибудь ознакомился с моим доказательством. Это, если угодно, мечта.

Антонова усадили в медицинское кресло и ввернули ему в глаз монокль в виде наполненной овальной рюмочки. Рюмку укрепили резиновым бинтом. Подсоединили к клемме и пустили ток. Здесь сидело еще пятеро таких же, с ножками овальных рюмочек — с кристаллическими глаза-

ми, выскочившими из орбит. Это походило на прибытие голливудского инопланетного корабля.

На лестнице Антонов нагнал заведующую.

— Я его отпустила домой за документами. У него послезавтра комиссия, — сказала она. — Это по поводу собаки-поводыря.

— Да, он говорил. У него даже собачка знакомая в питомнике есть. Ему ведь действительно нужна такая собака.

— Нужна-то нужна. Но знаете, какая там очередь! Стоят годами, так и умирают, не дождавшись. На комиссии я буду, но голоса у меня там нет. Я только докладываю.

— Неужели откажут? Ведь жаль старика! Он тройне — да просто в кубе одинокий.

— Всех их жаль, голубчик. Там, на комиссии, порой такие судьбы всплывают, что уже не понятно, кого жалеть.

— Но хоть шансы у него есть?

— Мало шансов.

— Да, некие абстрактные шансы всегда есть, но их в мире мало — еще меньше, чем собак-поводырей... Вот что, Любовь, свет, Володимировна... позвонить бы мне, да не с автомата, а для тихой задушевной беседы, а?

— Во как! — она кокетливо сдвинула брови. — Что ж, зайдите в мой кабинет, ключ в двери. Но я скоро приду, успевайте.

— Вот это да, прорезался! — говорил ему в ухо поставленный женский голос с хрипотцой. — Я уж и не чаяла. Может, думаю, зазнался или, может, подался в дальние края. Или, думаю, роман завел всепоглощающий...

— Бог с тобой, дорогуша моя! Просто так получилось, пропал, но забыть бы не смог при всем желании. Я тебе из больницы звоню...

— Как? Что? Почему?

— Да почти уже все нормально, глаза...

— Бедняжка. Ты меня расстраиваешь, правда. Но, чую, звонишь не поплакаться. Нужно чего достать?

— Да нет, не нужно ничего. И как выйду, обязательно увидимся. Но у меня тут вопрос, понимаешь. Что ты думаешь о теореме Ферма?

В трубке послышался легкий смешок, хмыканье.

— Ты там правда в порядке?

— Да нет, я пока не свихнулся и в маразм до конца не впал. Это не мне нужно, скажи только — ты ведь была в этом институтском издательстве...

— Это было давно, дорогуша. Ты не звонил два года. Теперь я издаю книги, где на обложках трупы, сиськи и клыки вурдалаков. И о теореме Ферма я ничего не думаю, что думаю о тебе — расскажу при встрече, если, конечно, снова не растворюсь. А о Ферме, прости господи, позвони Саше. Будет остричь — скажи, что пишешь повесть о безумном математике, или что-то вроде.

— Хорошо, дорогуша, так и скажу.

Антонов снова набрал номер.

В палате на его койке лежала бухгалтерская книга. Ан-

тонов взял фото Искры. Ее пасть была разинута, язык свесился. Искра улыбалась во весь рот.

Сокамерники резались в карты. Трое играли, один помогал советами всем сразу.

— Сыгранем? — предложил белобрысый Володя, которому шибануло глаз кислородным баллоном.

— Да я карты в руках со школы не держал, — Антонов развел руками, — уже масти не различаю.

— Он, наверное, только в шахматы ...

— Меня с этими шахматами тесть достал, — подхватил грузный дядя Леша. — Как за обедом выпьет, сразу тащит доску свою. А на хрена мне с ним играть? Он поля не видит, пешки жрет.

Антонов лег на спину поверх одеяла и стал вчитываться в крупный почерк Вацлава. Прошел страницу, отлистнул назад, рванулся вперед.

— Е мое! — горячился советчик. — Вот ты используй! Ты выиграй, попробуй!

— Одна попробовала, да весь и сжевала!

Антонов отложил тетрадь, прикрыл глаза.

Среди зеков старик со своими усиками выглядел нелепо. Вместо робы на нем было старое пальто. Зеков партиями загоняли в бараки. Охранники были, кажется, в немецкой форме, но перекрикивались и матерились по-русски. Зеков всех уже почти загнали и старик вдруг остался в стороне. Он, видимо, перестал ориентироваться в пространстве, пытался пошарить перед собой рукой. К нему подбежали с овчарками. Собаки лаяли и рвались с поводка. Охранников глотала ночь, остался один. Это был сосед Антонова по палате, советчик, храпун. Вокруг него снова ли овчарки. Мимо пробежал другой, неизвестный со злым лицом. На ходу он кричал:

— Давай, давай на комиссию!

— Ну-ка пошли! — закричал сосед собакам. — На комиссию! Вас много, я один, е-мое!

В руку старику он вложил поводок:

— На, держи!

— Все равно ничего не докажешь, — обернулся он на ходу и тоже исчез во мраке.

Антонов стоял неподалеку. Но почему-то нельзя было себя обнаружить.

Овчарка ткнулась мордой в колено старика. Напрягла поводок, пошла. Она знала дорогу. Старик попевал за ней.

— Да куда ты льешь! — закричал вдруг храпун совсем рядом. — стакан же без дна, е-мое! Видишь — пусто, без дна!

Антонов открыл глаза. Почти каждую ночь храпун еще и громко разговаривал во сне.

— Заходите, — сказал Вацлав Иванович и показал на стул.

Антонов положил ему на колени книгу. Старик вжикнул большим пальцем по странице, нашел фотокарточку и осторожно разместил ее поверх гроссбуха. Было заметно,

что он взволнован: несколько раз он быстро пригладил усики, руки слегка тряслись.

— А я вот заплутал вчера в городе. И три часа добирался. А потом стало нехорошо у двери. Меня обратно сосед привез, у него машина. Слава богу, бумаги все были наготове.

— Это на комиссию? — спросил Антонов.

— Да. Завтра с утра комиссия. Они мне два раза, два раза вже отказывали.

Антонов сел ближе к старику:

— Вам именно Искра нужна, Вацлав Иванович?

— Если бы Искра, то это как семья. Мы друг друга давно знаем. Но если невозможно, невероятно, то пусть другая собачка.

— Из питомника?

— Да, да. Они специально обучены, прямо умницы. И потом у них есть душа. У всех, я знаю.

— Но почему вам могут отказать. Ведь вы же... — Антонов замаялся. — Надо еще хуже видеть, что ли?

— Да... тут и группа инвалидности, и заслуги, и еще, еще... Волокита, большие интриги. Надо, с одной стороны, доказать, что ты одинок, беспомощен, не имеешь средств, а с другой стороны, — что можешь хорошо содержать собачку. Потому что когда ты умрешь, она еще перейдет к другому. Я вже три года жду, но там же такая очередь.

— Давайте я с вами на комиссию пойду, — предложил Антонов.

— Спасибо, но я не знаю, не знаю. Там, говорят, у всех свои кандидаты. Говорят, там взятки дают, но я ж не знаю, сколько и когда нужно дать — а может, слухи. Вот, у меня здесь все — характеристики, рекомендации.

Вацлав Иванович развязал тесемки, протянул папку Антонову:

— Видите, тут все. И со школы — с Белоруссии, и с общества слепых — я там преподавал... И с жека... Так трудно все было собрать.

— А вы еще и отсидели. Вас ведь полностью реабилитировали?

— Да, там есть. Но оккупация... Там, на комиссии, по-разному на это смотрят.

— Все еще?

— Нэвжели ж нет?! Там и ветераны есть, и отставники. Старой закваски люди.

— Решено, завтра попробую быть вашим адвокатом на этом судилище. — Антонов ободряюще взял старика за плечо:

— А с теоремой вашей... я сегодня поговорю, у меня друг отличный математик.

— Да, да, хорошо, — неожиданно равнодушно отозвался Вацлав.

Антонов и Саша сели на лавку в сквере.

— Ох, Сашок, не говори, так и проходит земная жизнь, — говорил Антонов, впервые за последние дни оказавшийся в своей тарелке. — Слушай, сесть бы с пельменями, с водочкой холодной. Надо собраться, наконец.

— С пельменями повременим, а водочку я тебе устрою

пожалуй. — Саша подмигнул и достал из портфеля четвертушку.

— Да ты что? — изумился Антонов. — Я ж больной, на режиме, я ж у заведующей отпросился в издательство, договор, говорю, кровь из носа надо подписать.

— Во-от, скажешь — пришлось с редактором пить за судьбы русской литературы, женщин ты всегда обманывал. Да брось, старик, тут же кот наплакал.

— Да, когда еще выпьешь в зимнем скверике! — говорил расчувствованный Антонов, жулькая пластмассовый стакашик.

— То-то и оно, — развил Сашок, — чем больше лет, тем меньше СКВЕРных собутыльников, да? А потом понимаешь, что выпить больше не с кем, и все — пора...

Они помолчали.

— Да, ну а ты-то как? — спохватился Сашок. — В смысле, как лечение?

— Лечат, скоро выпишут. Веры в это лечение, честно говоря, никакой.

Потом они медленно шли по скверу к больнице.

— Сколько лет этому твоему Вацлаву?

— За семьдесят далеко. Слеп и одинок.

— Я все понимаю, но, знаешь, ты бы подальше от этого.

— Так ты можешь посмотреть его тетрадку, Сашок?

— Могу посмотреть. А могу и не глядя сказать — сумасшедший. Теорема Ферма — это тот же перпетуум мобиле. Близко и понятно, как собственный локоть, а не укусишь. Все эти безумные искатели думают, будто что-то там есть.

— Ну почему вы, математики, заранее все знаете? Когда ты на все сто успел понять, что где есть?

— Да нету там ничего. Знаю! Ты думаешь, твой старик один такой? Пойми, это же болезнь, как у вас графомания. Они обивают пороги академий, институтов, издательств, журналов, газет, трясут своими расчетами, выкладками, заваливают письмами, трактатами, и смотрят на тебя как на чиновную бездарь, которая из злобной зависти не дает ходу их вселенским прозрениям. Весь двадцатый век в этой теореме Ферма как в зеркале. Раньше это было честной головной болью математиков. А в девятисотых Вольфксель — был такой любитель математики — завещал сто тысяч марок тому, кто докажет теореме Ферма. И началось! По несколько тысяч решений в год. Потом инфляция, премия обесценилась, марки исчезли, а ферматисты остались, но уже идейные. Мы их называем ферматистами. И значение этого слова можно расширить.

— Ферматисты? — переспросил Антонов. — Красивое слово.

— Вам, литераторам, материал, конечно, благодатный. Порассуждать лишний раз — ско-олько же это на Руси непризнанных гениев, батюшки, одиночек и самоучек! Знаем, проходили. Сам пытался зачерпнуть со дна этого колдца. Пора, мой друг, тара-та-тат, умом Россию понимать. Ты, кстати, никогда не задумывался, где у нас в Оте-

честве та грань, за которой пресловутая гениальность начинает опрокидываться в сугубый маразм? Взять хоть босого графа на склоне лет. Ты, конечно, скажешь, что в его безумии есть свой метод — это я уже о твоём старце.

— Да не в методе дело, Саша. И даже не совсем в математике, как я вдруг понял. Как там написал Ферма — поля слишком малы, чтобы вместить доказательство. Поля математики доказательство, похоже, не вмещают, но это свое неравенство он всей своей жизнью доказывает. И вся награда, что ему нужна, — это собака-поводырь, в которой ему из года в год отказывают. И даже вот мои с ним отношения — опять неравенство, на чисто житейском уровне. Эта дурацкая привычка всюду выглядывать будущих персонажей. Вот и тут — я стал ему исповедником, собеседником, и сразу где-то в мозгу взял его на карандаш. Теперь чувствую — свербит. Персонаж скребется наружу. Но он-то не персонаж, он пока еще живой несчастный старик, которому требуется участие. Я им воспользуюсь, и в рецензиях может быть напишут, что найден удачный образ. Но старику от этого не легче, взял только я, неравенство опять торжествует...

У больничного корпуса они расстались.

— Ну так заноси тетрадку, — сказал на прощание Са-

шок, — все посмотри. Только не давай ему моего телефона.

Утром Антонов увидел Вацлава Ивановича на другом конце коридора. Антонову сперва показалось, что он огляделся: старик вышел из буфетной и, немного оттопырив руку с чайником, осторожно пошел к себе. Алюминиевый чайник был полон кипятку — пар было видно издали.

Стоя в своей каморке у тумбочки и накрыв полотенцем штанину распластанных брюк, Вацлав Иванович медленно водил по ней чайником.

— Зачем это вы? — опешил Антонов.

— Надо выглядеть прилично. Все утро их глажу. Мне дали чайник, я сам кипятил. Сейчас уже скоро конец.

Антонов спустился со стариком на первый этаж. Вацлав Иванович был в черных коротких брючках со стрелками, в пиджаке на четыре пуговики, при маленьком галстуке, какие носят дети и старики. В руке он нес папку, шел прямо и походил на представителя маленькой капитулирующей страны.

В коридоре была толпа слепых и провожатых. Они сели в очередь.

«Гори, Масленица!», художник Александр Вохменцев.

— Петровских! Без сопровождения! — приоткрылась дверь.

— Вот видите, — сказал старик, — вас не пустят. Тут все привели ходатаев. А они тут этого не любят. Сложная интрига...

— Без сопровождения! — снова раздалось от дверей.

Очередь приближалась. Антонов чувствовал себя беспомощно и неудобно. Он впал в спасительную задумчивость, и не сразу понял, что сестра подошла к нему.

— У вас сейчас процедуры, идемте! — говорила она.

— Вацлав Иванович, вот... — Антонов встал и зачем-то развел руками.

Антонов был в кабинете заведующей. Он был в штатском. Костюм делал его внушительней. На столе заведующей лежали красивая коробочка конфет и букет.

— Когда вы уезжаете? — спросила Любовь Владимировна.

— Еще почти неделя.

— Ну что ж, езжайте. Рановато, конечно, еще бы на процедуры походить, ну да там, в Германии, если что, не дай бог, там глазные клиники хорошие. Вы ведь застрахованы?

— Все равно боюсь. У страха глаза велики — тут как нельзя подходит.

— Долго вы там пробудете?

— Полгода, если не сбегу. В маленьких немецких городах чисто, правильно и скучно. Впечатлений никаких, эмоции выравниваются, остается подножный корм воспоминаний об отчизне.

— Да, с впечатлениями у нас лучше. Будете книгу писать?

— Книгу — громко сказано. Порой кажется, рассказа куцега больше из себя не вытянешь, не выжмешь — Пушкин в письмах тут другое слово употреблял. Но вроде как надо писать, под это и стипендия. Сиди, поглядывай на гладь красивого баварского озера и выводи красивые обороты.

— У вас же принято считать, что красота спасет мир... — Любовь Владимировна закурила. — К Вацлаву зайдете?

— Конечно, сейчас зайду. Ему окончательно отказали?

— Окончательно. За неимением возможности, вследствие острой нехватки специализированного животного персонала... кажется, так. Завтра я выписываю его домой. «Вследствие острой нехватки индивидуальных боксов».

Ходить Вацлав Иванович стал хуже, вперед ноги ставил свою трость. Антонов его поддерживал. В коридоре стояли кровати, на них осваивались новенькие — в палатах не хватало мест.

— Хорошая идея, — говорил старик, стараясь шаг-

нуть ровней, — я давно не выходил, свежий воздух нужен же постоянно.

— Хорошо тут некоторым в отдельных-то номерах, — негромко обронили с кровати. Звякнула крышка горшка.

Они вышли на больничный двор. День был яркий, румяный, с прожилкой весны. Сели на лавку.

— Да, остался я без собачки, — сказал старик. — До следующей комиссии можно ведь и не успеть.

Антонов сделал попытку к слову, ртом вобрал воздуха. Но молчалось.

Наконец он спросил:

— Завтра выписывается?

— Завтра. Вещички уже собрал.

— И все-таки еще раз, Вацлав Иванович. Давайте вашу книгу, пусть они посмотрят, там целый институт.

— Нет, преждевременно. Надо кое-что переписать. Я понял: там есть одно нечеткое место, возможно произвольное толкование. Могут придаться. Я еще поработаю. Нельзя тут спешить.

Он медленно поднялся:

— Давайте сделаем кружок. Есть у вас минуты? Вы, я чувствую, приторавливаетесь. Там ведь другая жизнь, прочерченная. — Он неловко махнул своей тростью на ограду. — Это здесь все замирает, день находит на день, и потом уже кажется, что так оно и должно быть, и вокруг так же. В лагере было похоже как будто, а вот — иначе, не скажешь как.

— Пойдемте конечно, — сказал Антонов, и без умысла, на автомате стрельнул глазами в циферблат.

— Вот вы где! — догнала их сестра. — Вам же в процедурный, Вацлав Иванович. Потом сразу в темную комнату, на осмотр. Идемте.

— Простите, заставил ждать, — сказал старик. Он снова повернулся к Антонову:

— А неравенство, неравенство доказать можно. Я это чувствую. Задача Ферма правильная. При определенных условиях неравенство абсолютно. Это без дна, как вы говорите. Я это докажу.

Он пошел к дверям насколько мог быстро.

Сестра вдруг остановилась, сделала шаг назад, к Антонову.

— Знаете, он стал совсем плох. А мы тут к нему уже привыкли.

На ходу она еще раз обернулась к продолжавшему стоять Антонову:

— Вы еще что-то хотели ему сказать? У вас такой вид какой-то...

— Это паршиво, но я не знаю, что сказать, — сказал Антонов.

Николай МЕРЕЖНИКОВ

Молодые сотрудники в нашей редакции иногда обращаются ко мне, чтобы навести кое-какие справки. Это понятно: за тридцать пять лет работы в «Урале» у меня и впрямь накопилось немало самых различных сведений — и о наших авторах, и о сотрудниках редакции.

Вот и становление «Уральского следопыта», можно сказать, прошло на моих глазах. И что отрадно отметить: как с образованием журналов установились между их редакциями отношения содружества и взаимопомощи, а не соперничества и конкуренции, так и продолжают. Даже и некий переток кадров между ними всегда наблюдался. Конечно, сейчас и тому, и другому журналу далеко до прежней популярности. Но, может быть, обоим нашим изданиям удастся вернуть и былую любовь читателей, и былые тиражи: предпосылки к этому вроде бы уже обозначились.

Как изделие, держишь в руках
Родину — речку с плотинкой,
Этак ее повернешь и так:
А вдруг да блеснет золотинок?
Хотя и знаешь: а что искать?
Все знакомо — до малой извивы.
И речка, походка ее и стать,
И береговые ивы.
И все же опять вызывает душа
В дымке размытой горы.
Звучи же негромко и не спеша,
Музыка эта — повтора.
Душе, ей надо себя узнать
В единственных тех же метлах,
Там, где училась мир понимать
В соприкосаниях тьмы и света.
Как лампу, придвинешь стожок,
Перышко света отдышишь.
Каких не написано строк!..
А ты их возьмешь — и напишешь.

Пулю вставили в висок,
Говорят:
— Красиво!
Желтый — красным стал песок
На черте прилива.

Камень зноем обведен
И отполирован.
Так пускай же станет он
Мне последним словом.

Все другие — это сплошь
Слогоговоренье.
Все другие — это ложь
Самоповторенья.

Камень вечный! Возносись
И своим молчаньем
Жги доверчивую высь
Над землей окраинной.

Пусть я буду, словно кметь,
Вдалеке от дома
На чужом песке темнеть
Каплей неискомой.

Жизнь у нас у всех одна —
Разные лишь сроки.
Что же, слизывает, волна,
Бурные потеки.

Расставайся с телом, жизнь,
Отлетай, везенье.
Для чего мы родились?
Чтобы стать мишенью.

Жизнь не жизнь, и смерть не смерть:
Так не умирают.
Не считает мир потерь,
Жизней не считает.

Глупые мои мысли!..
Сиреневый дым весны.
Четыре березки вышли —
Встать поперек луны.

А надо-то, надо,
Чтобы лес шумел.
А надо-то, надо,
Чтоб ручей гремел.
А надо-то, надо
Сидеть до утра,
А надо-то надо —
Медь костра.

Глупые мои мысли...
Зачем это мне, зачем!
Господи, мне причисли
То ж самое, что и всем.

Какие уж тут порывы!..
Костер и ручей в луне...
Совестно быть счастливым
В несчастливой стране.

Стойте, березки, в поле!
Расти вам еще и расти...
Четыре бороздки боли,
Не узнанные почти.

И я бы хотел, да душа не велит...
А как бы легко-то: ручьями... навзрыд...
И я бы хотел!.. Да и кто не хотел бы!..
Уж коль не парад, то хоть встреча на Эльбе.
Ну, что там! Ну, что там! Летать не приучен...
Земной-земляной — от ключиц до уключин.
Приткнулся бы к Музе, в плечо подышал,
Да вдруг отстранится. «Вот, — скажет, — нахал!»
Пусть лучше уж так: издали, исподлобья,
Со всем пиететом к подобной особе.
У ней, чай, иных дыхателей вдосталь
Талантов большого и малого роста.
Да что! Никому и не след докучать:
Ни жизнь не закончить, ни снова начать.

Ушла. Мелькнула. Нету.
И дышишь на стекло.
И всю мою планету
Снегами обнесло.

И к удивлению вящему
Будущего и настоящего,
Тающего в окне,

То одинокостоящее
Дерево животворящее
Другом становится мне.

Земля вскопичена работой,
Дорога стоптана нуждой.
Сойдет с металла позолота —
Медяшкой станет он пустой.
Но жизнь-медяшка не тускнеет,
С ней что ни делай, все цветет.
И ты не плачь: с ладони свет
Она песок твоих забот.

Стишок недописанный жалко:
Надо его дописать.
А то он стоит, как фиалка,
И не хочет никак расцветать.

А он ведь живой и дышит.
И почки набрал... И вот-вот...

Может, сам он себя и допишет?
Может, все-таки расцветет?

Это легкое облако лета...
Эти шорохи... всплески... рывки...
Но свои у рябины сюжеты,
И свои у ней черновики.

Все мне кажется в мире вторящим,
Сочиняющим и говорящим.
Все мне кажется в мире дающим,
Обнимающим, верящим, ждущим.

Боже мой! На какие уступки
Я пойду! Все отдам до скорлупки...
Только б в этом сквозящем струенье
Уловить переток сотворенья.

Поднимайте же руки, деревья,
Выбирайте пути и кочевья!
Окликайте идущих, летящих —
Всех, себя и пространство творящих.

Ты ж, рябина, в осеннем пыланье,
Всем нам некое словно посланье,
В многоплодье живое паренье,
Бесконечное самотворенье.

То-то бы удивилась:
Что де над ней за лик?
Если бы хоть на миг
Глаза свои приоткрыла.

Но, газом усыплена,
От спецназовца в противогазе,
Так, не моргнув ни разу,
Примет пулю она.

Обвешенная взрывчаткой,
Жительница вершин
Мир наш хотела шаткой —
Как с головы кувшин.

Спит — и не знает еще:
Не спит она, а убита.
Мрамор девичьих щек...
Жизни скрытый избыток...

Лежит она, словно некий
Южных широт сосуд.
На мраморные эти веки
России снега не сойдут.

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

А. ЛЫХИН Наши Саяны
А. КАЗАКОВ Однажды зимой
В. ЮКЧУБАЕВ Непроходимый маршрут
Н. СТУПИНА Карельская река
Е. ТАМПЛОН
Шарташские каменные палатки
В. ШУМКОВ
Шунутский экстремальный кросс
и другие материалы

Вот и первый номер «Уральского следопыта» за 2003 год. Уже подведены итоги ушедшего 2002 «Года гор» (кстати, и про горы мы неоднократно писали, публиковали статьи и фотографии). Думаю, тему гор мы не оставим и в 2003 году.

Уже зарождаются новые идеи и созревают планы на ближайшие месяцы 2003 г. В институтах еще в разгаре зимняя сессия, но скоро она закончится, начнутся каникулы, и некоторые молодые люди обязательно встанут на туристские лыжни и будут торить свой след, утопая по пояс в глубоком снегу. Удачи вам на маршруте!

Остальным я советую обязательно посетить пещеры: в гротах гораздо меньше воды, а сосульки и куржак у входа — это просто зимняя сказка...

И, конечно, продолжается обдумывание планов серьезных, длительных походов — то есть в самом разгаре «закладка фундамента» для лета.

Под рубрикой «Семейный туризм» опубликован дневник группы екатеринбургских туристов, совершивших водное путешествие по реке Кереть в Карелии совместно со своими детьми. В конце похода они долго плыли по Белому морю, распугивая тюленей и белуг.

Маленькая статья Александра Казакова рассказывает всего об одном дне в лыжном походе по Северному Уралу. Как говорится в одной хорошей туристической поговорке: «ЧП на маршруте может возникнуть из ничего».

Открытием этого номера для широкого круга читателей будет начало очерка Владимира Юкчубаева «Непроходимый маршрут». Читая его, вы окунетесь в мир ожидания, поиска и находок. Думаю, что тем, кто бывал в экспедициях, этот материал понравится.

О соревнованиях «Шунутский экстрим» повествуют Василий Шумков и Мария Креткина. Интересные,

напряженные соревнования, замечательная местность, где проходи л этот многокилометровый забег... Думаю, все это вызовет у многих из вас желание принять участие в следующем подобном спортивном мероприятии. А оно обязательно будет!

А наш старый и добрый друг Евгений Тамплон проводит для всех читателей очередную заочную экскурсию по достопримечательным местам Урала. На этот раз он приглашает на Шарташские каменные палатки — уникальный памятник истории природы, находящийся прямо в черте города Екатеринбурга. Тем не менее, прочитав статью, даже жители этого города смогут узнать много нового и интересного об палтаках — вроде бы хорошо знакомом им месте отдыха. Ну что ж, опять подтверждается истина: не все удивительное находится от нас за тридевять земель...

Еще раз с Новым годом вас, друзья!

Новых вам походов и отличных приключений!

*Искренне ваш
Александр Челноков*

Александр ЛЫХИН

Наши Саяны

Школа туризма ДООЦТ «ЮНИТУР» Орджоникидзевского района совместно с детским клубом «Дружба» ДЮОЦ «Вариант» Верх-Исетского района города Екатеринбурга проводит в жизнь программу «Лето-2002».

Программа включает спортивные путешествия по Саянам и Приполярному Уралу. Этим серьезным мероприятиям предшествовала не менее серьезная предварительная подготовка на пороге Ревун и майский поход по Северному Уралу.

Саянское путешествие уже состоялось. Приполярье же еще впереди. Хотелось бы обобщить первую половину летней программы и пожелать удачи участникам в реализации грядущего спортивного путешествия.

Экспедиция в Саяны, состоящая из двух этапов — путешествия в горы и сплава по реке Ока (Саянская) — началось на берегу «священного моря» Байкал. После длительного железнодорожного пути купание на южном побережье холодного озера доставило особое удовольствие.

Пятисоткилометровый автопробег мимо монгольской границы через Окинский перевал — и мы у далекого бурятского села Шаснур, где группа оставила часть снаряжения и продуктов для прохождения второго этапа пути.

Горное путешествие началось с пути к диким термальным источникам «Чойган» через горный перевал Чойган-Дабан на территорию суверенной республики Тува.

Источники — это изумительное урочище в горном ущелье, где самой природой собраны различные модификации водных минеральных сред, помогающих при лечении многих заболеваний. Они издавна ценятся местными жителями.

У нас в группе именинник — Виктор Костоусов. Праздничный стол, песни под гитару усиливают впечатление от чудного места.

Но горы зовут, а звезды манят, — и мы уходим к подножию пика Топографов — высшей точки Восточного Саяна. Наш путь лежит мимо 60-метрового водопада на реке Аржан-Хем, «Зеленого» горного озера, ледового озера у подножья горы Чойган и через перевал Старик. В высокогорье среди скал, снега и льда благоухает цветущая тундра. И вдруг из-за вершины стремительно сползает грозовая туча. Крупным градом, дождем и громом встретил нас пик То-

Опасный перевал.

пографов. Не менее стремительно мы спускаемся по склону в долину и устанавливаем лагерь в уютной роще карликовых березок — спасательницы едва дотягиваются всем до колена.

Утро встретило солнцем и голубым небом. Сегодня день рождения у Кати Бурцевой — в подарок восхождение на гору и праздничный ужин. Пик Топографов — это своеобразная Мекка саянских туристов.

Краткий ночлег и далее — в путь через озеро Шерпов к перевалу Козий, который ведет в долину реки Дунду-Гол. Названия здесь отвечают своей сути. Если козий — то крут, если уж шерпов — то уж будь добр... Далее рукой подать до суверенной республики Бурятия и ее минерального источника Хойто-гол.

Этот целебный источник расположен также в горах и, добраться сюда не легко. Нам было трудно, но мы это сделали. Теперь можно отдохнуть, принять ванны, выпить чашечку кофе.

Завершающим этапом горного путешествия была Долина вулканов. Уже бывавший здесь Сергей, оставшийся рыбачить на очередном горном озере, сказал примерно следующее: «За гору завернете, а там и рукой подать!!!»

Подавали рукой, шагали ногами шесть часов к ряду по бездорожью и «слегка заросшей» тундре. Но вот они, долгожданные вулканы: лавовое поле и конуса давно потухших гигантов. Сегодня они просто карлики среди окружающих гор. Фото-, видеосъемка, кусочки лавы на память — и назад, через перевал, к ждущей нас водной части путешествия.

Рыбалка в этом горном путешествии — просто на удивление! Хариус, ленок. Правда, надо отдать должное Сергею Буркову — нашему штатному рыбаку и проводнику по этим диким и коварным местам. Если бы не он, то есть нам всю дорогу кильку в томатном соусе. Были и грибы, и ягоды, и различные корни на нашем скромном туристском столе — но это уже благодаря усилиям всей группы. А чистая вода для чая здесь в любом ручье; и, сами понимаете, чистый воздух — ну просто рай!

Спортивный сплав по красивому каньону Орхобом на Саянской Оке — это особая песня для тех, кто знаком со сплавом по бурной воде. Пороги идут один за другим, все усложняясь. Здесь и Окинский, и Интеграл, седьмой, девятый, одиннадцатый.

Рыбак и компания просто завалили благодарных путешественников рыбой, и сухари уже выдавались только «в нагрузку»! Жимолость, смородина — на кисель в пачках уже никто не смотрел! Назревала переоценка ценностей! Необходимо было срочно покинуть этот чудесный район. Тем более, что мы уже месяц в пути, и дома нас ждут.

Ждет и новая команда путешественников на Приполярье. Пожелаем ребятам удачи и хорошей погоды.

Носовая свечка.

Горное озеро.

Фотографии А. Лыхина.

Александр КАЗАКОВ

Однажды зимой

Утро! До подъема совсем немного. В шатре тепло и тихо. Ветер выл всю ночь, но к утру затих. Чуть слышно трещат дрова в походной печке. Приятно пахнет пихтовым лапником. Вставать самому и поднимать группу совсем не хочется.

Мысленно прогоняю события прошедшего дня. Пытались подняться на Казанский Камень. В начале шли весело и легко. Еще пару часов, и мы были бы на вершине. Но тут Володя Еремин заметил, что по нашим следам на почтительном расстоянии идет черный зверек размером с лисицу, но с короткими лапками. Я навожу бинокль на зверька: «Неужели россомаха?»

Она живет на Приполярном и Полярном Урале, а мы на Северном, но вообще надо уточнить у Лены Тумашовой с биофака, хотя она специализируется по леммингам (северным мышам)».

— Ой, не к добру все это... — весело говорит Александр Владимирович Уточкин.

Он старше всех, он самый опытный, он знает!

Так и вышло. Очень скоро мы увидели, как с севера на нас мчится фронт темных туч. Ветер ударил снегом в лицо, скинул капюшоны, свалил с ног Аню Чепикову. Восхождение отменяется...

К рюкзакам... в зону леса... Помогая друг другу, начинаем сыпаться вниз по склону и то проваливаемся по пояс в снег, то скользим на пятой точке, притормаживая лыжными палками. До вершины не дошли, но повезло — спуск прошел удачно.

А вечером случилось еще одно происшествие: Сан Саныч с Володей Ереминым, спилив сухару, уронили ее точно на мои лыжи. Сам чудом увернулся. Результат: носков у лыж как не бывало. На этих лыжах я ходил восемь лет без единой поломки, и вот на тебе... Спасибо вам, ребята. Поставил запасные носки, и лыжи стали короче. Теперь торить по глубокому снегу будет труднее, зато на спуске будет легче управлять ими.

А потом мы с Леночкой Родыгиной строили ветрозащитную стенку. Снег в этом месте оказался на редкость плотным, и блоки получались большие, очень хорошо и ровно откальвались. Стыковать их друг с другом было одно удовольствие. В итоге стенка получилась замечательной, и ветер не сильно трепал шатер.

Но это все вчерашний день. А что сегодня? Вылезая наружу — температура всего минус 12, види-

Короткий отдых.

мость ноль — и тишина. Облако опустилось на горы. Все тонет в серо-молочном тумане. О новом восхождении не может быть и речи: времени ждать лучшей погоды нет. Очень близки контрольные сроки. Пора! Пора в населенку! Траверсом пройти по склонам Казанского Камня и спуститься на дорогу к Североуральску, а по ней пройти еще 56 км.

Легкий завтрак — и вот мы уже движемся вдоль Главного Уральского Хребта.

Иду первым. Лыжи бодро катят вперед. Подходим к месту, где склон резко отворачивает вправо, делает большую дугу, образуя впереди стенки доста-

точно глубокого цирка. У нас есть выбор: либо сбрасывать высоту, спускаясь и тем самым срезая дугу — правда, потом придется мучительно и долго подниматься на нашу прежнюю высоту, — либо продолжать траверс, описывая дугу поверху. Я выбираю второй вариант — уж очень не люблю эти вверх-вниз.

Двинули вперед. Минут через двадцать замечаю, что уклон под ногами увеличивается. Бью лыжню посильнее, чтобы след был глубже. Жаль, туман не дал трезво оценить крутизну склона. А до выхода из дуги остается двести метров. Может, все-таки проскочим. Оглядываюсь: как там группа? Вроде все нормально. Девчонки смеются — это Володя травит бесконечные анекдоты из собственной жизни. Замыкающий группы Александр Владимирович взглядом показывает вниз.

Там, на самом дне цирка, зловеще чернеют выходы скальных пород. Сразу же вспомнился Шегультанский подъем (под Денежкиным Камнем). Там в феврале 1988 года примерно с такого же склона сорвалась и погибла студентка первого курса Горного института Анечка Овчинникова. По словам других участников похода, она скользила, пытаясь задержаться, но ее на большой скорости развернуло головой вниз, и...

Удар о камни...

А наш склон, по-моему, еще круче и выше. Мы двигаемся все медленнее и осторожнее. До конца дуги остается метров пятьдесят. («Я уж решил: миновала беда, и удалось отвергнуться...» В. Высоцкий)

Да не тут-то было. Фирн (плотный снег) стал таким твердым, что от лыж не оставалось следов. Одно неловкое движение — и в два счета слетишь со склона.

Стою. Вперед — опасно, но и разворачиваться на такой крутизне — не лучший вариант. Да и обидно идти назад, когда вот он уже, выход.

Снимаю лыжи. Бью ботинком по фирну. Только с третьего удара пробил. Даю команду: «Снять лыжи!»

И вот ребята медленно идут по пробитым мной следам. Шутки прекратились. Напряженные лица. Осталось метров десять до спасительного края, а фирн стал совсем непробиваемым. Ах, так! Вхожу в азарт! Достая из рюкзака топор. Пробиваю толстую корку фирна, рублюсь, как заправский альпинист, ступень за ступенью.

Ну, вот и все. Сбрасываем рюкзаки. Тяжесть с плеч, и с души камушек. Даю команду: «Перекур с перекусом». Облако чуть раздвинуло свои серые массы, и к нам пробилось зимнее солнышко. Хорошо! Опять Володя веселит всех.

Хрустим белыми покупными сухарями из фирменной упаковки «Московские», запиваем чаем из термоса.

Сколько ни отдыхай, но надо вперед. Рюкзак уже на плечах, а в руках — лыжные палки. И тут Саня Уточкин, сын Александра Владимировича, схватывается за горло и хрипит. Лицо его краснеет. Он падает на колени, пытаюсь что-то выплюнуть на снег. Подавился! Кто-то стучит по его спине. А Саня пытается сам пальцами достать из горла застрявший предмет. И это ему удается. Ура! И...

На ладони — обыкновенная английская булавка. Как она попала в магазинные сухари — неизвестно, но нам это могло дорого стоить.

Наливаю пострадавшему двадцать грамм спирта, чисто для дезинфекции. Сам еле удерживаюсь, чтобы не сделать глоток. Ну и денек! А Сашок уже весело делится «бесценным» опытом извлечения булавки из человеческого горла...

Опять лыжи несут нас вперед. Идем среди заиндевевших карликовых березок. Тишина, только скрип снега под лыжами. Идем молча, даже Володя непривыч-

Снежный «гриб».

но затих. Ощущение нереальности. Плато, по которому мы движемся, кажется бесконечным. Оно — словно заколдованный парк. Причудливые фигурки заснеженных деревьев возникают перед нами из тумана и тают за спиной.

Спуск начался неожиданно. Лыжи сами покатились вниз. Несемся в неизвестность. Иду первым, притормаживая палками. На большой дистанции за мной следуют остальные.

Главное сейчас — не выскочить на скальные сбросы. Мы не экстремальные прыгуны, мы простые уральские туристы. Но вот внизу показался долгожданный темный лес — это мы вынырнули из облака. Световой день на исходе, но я уже различаю дорогу, которая тянется бесконечной лентой среди проплешин вырубов. До нее еще около трех километров по лесу, а это значит, опять придется тяжело торить. Снега нынче — как никогда. Делаю сто шагов и уступаю место ведущего Володе, а сам встаю в хвост группы — отдохнуть, восстановить дыхание.

В момент выхода на дорогу встретили два груженых лесовоза, идущих до Бояновки (от нее уже ходят автобусы до Североуральска). Водители согласились подвезти часть группы, причем бесплатно.

Грузим в первую очередь женщин и девушек, а также Саню Уточкина (пострадавший все-таки, да и мужик в городе не помешает). Все свои рюкзаки привязываем репшнуром за кабиной. Трех мужикам — мне, Еремину и Александру Владимировичу — нет места в кбинах. Водители обнадживают: позади есть еще два лесовоза.

Наши женщины помахали нам ручками, а мы встали на лыжи. Хорошо катить вниз по дороге налегке, без рюкзаков! Тут только Александр Владимирович заметил, что, привязывая свой рюкзак к машине, забыл достать из него теплую курточку... Сейчас у него под штормовкой только один свитер. Но есть надежда на идущие позади лесовозы. А их все нет. А вдруг у них авария? Скоро совсем стемнеет, и у нас опять будет два варианта — либо разводить костер и спать на лапнике около огня, либо идти всю ночь по дороге. Во попали! А тут еще заметно похолодало...

Впереди заметили машину, с которой посыпали песок на подъемах. Как мы рванули к ней! В ее кабине — три человека. Согласились взять нас только в кузов. Не лучший вариант, но все же — шанс к вечеру быть в городе. Александра Владимировича посадили в середину, раскрыли пуховки, плотно прижались к друг другу. Холодно, но пока терпимо.

Через полтора часа три почти готовых Дедов Морозов въехали в Бояновку.

В ожидании последнего автобуса отогреваемся в магазине. Узнаем температуру: минус тридцать семь, а ночью ожидают до сорока пяти.

Приехали в Североуральск. На железнодорожном вокзале встречаем наших женщин. Они уже давно волнуются.

Группа собралась вместе. Хорошо! На вокзале еще одна команда — студенты из Рязани. Они собрались залезть на Денежкин Камень, хотя и без лыж, и в резиновых сапогах на меху. Пытаюсь отговорить от этой безумной авантюры, но знаю: не получится. Полезут... и хапнут горя.

Говорю со студентами, а глаза слипаются. Устал. День кончился. Тяжелый, но хороший день.

Долина речки Сольва.

Фотографии А. Петрищева.

Владимир ЮКЧУБАЕВ, г. Тюмень

Непройденный маршрут

Яркий солнечный свет майского утра, заливая мою убогую холостяцкую квартиру, нагло слепит глаза. Чертыхаюсь — надо же, с вечера не задернул шторы. И вот приходится подниматься в такую рань. Выползаю на кухню, в холодильнике кроме инея и снега в морозилке — ничего, опять этот чай, хлеб и масло, да вчерашнее молоко — удел холостяков и цена независимости.

Не спеша дожевываю свой скудный завтрак. В неспящей голове с трудом ворочаются мыслишки — наконец-то и в нашей заклинившей геологии что-то сдвинулось с мертвой точки. Появились где-то лишние денежки, чтоб смазать заржавевшие шестеренки геологической «индустрии». Вот вчера, уже ближе к концу рабочего дня, звонит главный геолог Рожков:

— Забегу-ка, Михалыч, новости есть, — а какие, ни гу-гу. Знаем мы эти новости, ничего хорошего от них не жди. Хочешь не хочешь, а идти надо, не на чай зовут. Неспеша поднимаюсь к главному:

— Разрешите, Владимир Иванович?

— Заходи, заходи, бродяга, присаживайся. Вот, Михалыч, решили отправить на Балабсанты отряд на двух ГАЗ-71, как ты на это смотришь? Возьмешься или нет? Ты места эти знаешь, бывал там, тебе и карты в руки. Твою кандидатуру и предложили.

— Заманчивое предложение, Иваныч, а кто поедет?

— Ну, отряд у тебя есть, технику посмотрите, проверите. Если что будет нужно, напишешь рапорт — получишь, выезд через неделю. Геолздание завтра, свободен.

Вот в этом и весь наш Рожков Владимир Иванович, коротко, ясно — как в армии.

Неделя пролетела необычайно быстро. И вот без лишней суеты, утречком мы в понедельник рассаживаемся в поджидающие нас вездеходы. Вещи упакованы и плотно уложены в салонах машин, загружен-

Остановка в пути.

ных под самую завязку. Под мощный рокот двигателей и лязг гусянок покидаем экспедицию. Поселок еще не проснулся — слишком рано, громыхающие вездеходы провожают лишь заспанные лайки, выглядывающие из подворотен. Им на прощание и гавкнуть-то не хочется — лень.

Впереди нас ожидают две переправы через реку, поселок Щекурья, а дальше — необозримые просторы тайги и болота, которых не счесть и не перемерить.

В этот полевой сезон на двух ГАЗ-71 нас выехало всего четверо геологов и с нами двое водителей вездеходов. Кроме меня — Саня Ботвинский, геолог; с ним его жена — геолог и к тому же наш кашевар Аннушка; четвертым — незаменимый техник Олежка. А план у нас грандиозный — добраться до озера Балабанты — священного озера хантов. Там устроим базовый лагерь, а от него будем обшаривать близлежащие горы в надежде встретить коренные выходы эклогитов (очень крепкие породы, в которых часто встречаются алмазы). Такие породы находили очень редко, а в скальных выходах на Урале — никогда. Да,

задача не из простых: найти иголку в стоге сена.

Со мной рядом сгорбился Олешка — в кабине «газончика» втроем, конечно, тесновато, но в тесноте, да не в обиде. Скоро, за последним поселком, в глуши тайги он переберется наверх капота и с ружьем поедет наверху вполне комфортно. «Газончики» один за другим шустро катят по таежной дороге, ныряя из лужи в лужу, разбрызгивая фонтаны воды и грязи. Наконец-то, раздвигая дебри тайги, наш вездеход выкатывает на пологую галечную отмель неширокой речки Польи.

Погода нам благоприятствует: светит солнышко по-летнему тепло, и вообще красота. Правда, дорога становится похуже — больше болот. Но ничего, вырвемся к Дьяволоизу — перевалу к реке Манья — болота исчезнут, дорога пойдет по горам. А пока нас окружают чахлые ели и березки, редко радуют глаз кедровые мандалы — гривы, где сухо и дорога накатанная, как асфальт.

Как бы там ни было, время идет и, проскочив через каменистый ручей, мы взбираемся на бугор; а там, на большой раскинувшейся чиетовине и стоит Польинская избушка. Не избушка, а большая добротная изба. Сколько ей лет и кто ее строил, пожалуй, и не знает никто. Служила да и служит до сей поры пристанищем проезжего люда да проходящим туристам.

Где-то в далекие времена, еще до войны, в горах Неройки и Пуйвы добывался хрусталь — и не просто хрусталь, а редкий пьезокварц для стратегических нужд зарождающихся тогда электроники и космической промышленности. Вот там-то и был необходим пьезокварц. Кто не видел пьезокварца в зажигалках? Сейчас он делается искусственно, легко и просто в электропечах, а в то время добыча пьезокварца велась исключительно из чистейшего как слеза горного хрусталя. Так вот, этот самый хрусталь добывался с трудом в штольнях и карьерах, вручную кайлами и тачками, народу нужно было — тьма, людей вербовали тогда по всей огромной нашей стране.

И каждый год по весне, когда сойдет лед, тишину Саранпауля будоражил пароходный гудок. Люди закрывали ворота, калитки на запоры — это пароход «Петр Шлеев» вез новую партию — тысячу вербо-

Встреча друзей.

ванных (так их звали в народе). Поселок замирал, прятали собак и всю живность под замок. После ухода партии вербованных исчезали бродячие псы, а иногда и забытый кем-нибудь теленок. Вся эта гвардия нестройной колонной отправлялась в путь пешком. Транспорт не предусматривался, а дорога неблизкая — до Пуйвы сто пять километров заболоченной тайги. Поэтому, видимо, и строились такие перевалочные избы, где могли отдохнуть занедужившие работники да ихнее начальство, сопровождавшее колонну. А в стужие зимы в таких избушках жили караванчики с готовой горячей едой, теплом, постелью для гонящихся с гор водителей тяжелых грузовиков и трактористов, тянущих в горы на санях десяти-двадцати кубовые емкости с солярой. Все это — горы продуктов, тысячи кубометров дизтоплива, ворох спецодежды — нужно было завезти на Пуйву и Неройку для людей, копошившихся в горах и штольнях. Стране нужно было стратегическое сырье, и всем этим заведовал могущественный шестой главк под контролем НКВД. Для бесперебойной работы в горах такого количества людей не жалелись никакие средства, ни техника. Невозможного не было.

К Польинской избушке оба вездехода подкатили одновременно. Лихо затормозив, заглушили движки. Захлопали дверцы кабин, и все высыпались на свежий воздух. После длительного сидения у людей затекли руки, ноги. Но все довольны — доехали без особых приключений и поломок.

Избушка, как я и говорил, довольно вместительная — человек пятнадцать свободно устроятся на на-

рах. Большая печь, стол и два небольших окошка. Пока я осматривался, на нарах выросла гора спальных мешков и рюкзаков с едой и прочим.

— Олег, займись дровами, ночь все равно будет холодная, пока Анна готовит ужин.

— Сейчас, Михалыч, только спальник расстелю, и изладим дров.

В избушке уже тепло — Олежа успел растопить печь; стол застелен чистой клеенкой и заставлен едой. Все разобрали спальники и занялись кто чем. Саня что-то мудрит с радиоприемником, Олежа разбирает ружье, Анна еще колдует с продуктами.

Заброшенный поселок геологов.

Прошел первый день нашей дороги, нашего нового полевого сезона. Сколько их было, подобных? Много, очень много, удачных и неудачных. Когда лето бесцельно били канавы, шурфы, а рудная жила терялась в недрах породы и уходила, как сквозь пальцы вода. И по приезде в экспедицию нечего было сказать на защите отчета. Все было, все...

И вновь утро, и вновь надсадно гудят моторы, лязгают траки, а по сторонам мелькают ели и сосны. Мы с трудом пробиваемся вверх, к вершине перевала Дьяволоиз. Почему он так назван — не знаю, но назван. Потом будет крутой, очень крутой и извилистый спуск в долину реки Маньи. Вдоль нее мы пойдем до устья ручья Яроташор, где лет десять назад старательская артель добывала золото. Сейчас уже от Яроташора после лихих старателей остался «лунный пейзаж»: ручей полностью сменил русло, а горы мертвого песка, галечника возвышаются там и сям. Ни единого кустика или клочка травы. Ради золота человек непоправимо разрушает природу, о чем горько потом будет жалеть.

Наконец-то мы вырвались на плоскую вершину перевала Дьяволоиз. Глубоко внизу в дымке извивается ленточкой Манья, а с запада подступают еще в снегу белые вершины седого Урала — красиво, аж дух захватывает. Только нам некогда любоваться природой — все еще впереди. И вездеходы с опаской начинают спуск к реке.

Осторожно, крадучись, ведет Валерка машину. Но ничего, сползли потихоньку и рванули по накатанной дороге вдоль реки, только траки забрякали. Оставшиеся километры до избушки пролетели незаметно, ли-

хой вираж — вот она, родимая наша изба. Стоп машины!

Это вообще-то и не изба, а остаток бани старателей — вернее, сохранившийся предбанник, а баня уже полуразвалена. Все здесь в запустении — остовы мехмастерских, складов. А раньше даже были тепличное хозяйство и даже свой аэродром, где садились самолеты АН-2. Ничего не скажешь, с размахом трудилась артель, а сейчас все поросло бурьяном и мелким березняком.

Вечер застал нас перед спуском в долину Хальмерью. Почти на вершине горы на плоскотине — несколько домов и загон для оленей, по зиме здесь оленеводы проводят забой оленей, а весной — их вакцинацию. От этого карая дорога ведет к реке. Спуск пологий, и мы без проблем уже катим по берегу Хальмерью. Еще немного, и нас встречают своими огнями поселок геологов. Одно название поселок три домика, баня да пяток вагончиков-балков; правда, есть мехмастерские и пилорама, а также на горе склад ГСМ, на который мы очень рассчитываем. Дозаправиться бы здесь, чтобы бензина хватило на весь наш маршрут... У входа в свой домик нас уже встречает начальник артели Гена Манин — старый знакомый и хороший друг.

— Вот, бродяги, как снег на голову, могли бы и предупредить, оркестр бы собрали, с музыкой и шампанским бы встретили.

— Да, Геша, шампанского вы и сами здесь год не видели, так что не смехи.

— Что правда то правда. Игорь, давай своих ребят в столовую, а через час будет баня, я уже команду дал. Ну, как?

Мест свободных оказалось достаточно. Ботвинских поместили в домике, а ребят — в пустовавшем вагончике, так что все устроилось как нельзя лучше. А мы с Геной просидели до утра, вспоминая прошлые годы, ушедших из геологии и из жизни друзей. Много нужно прожить, много протопать таежных километров и побывать во многих местах, чтоб было о чем вспоминать всю короткую весеннюю майскую ночь.

— Неплохо, Гена, мы проболтали, пора и собираться, поднимать ребят. Сегодня хотя бы до чума Егора добраться, а завтра уж будем на месте, на Балабантах.

— Несет же вас черт знает куда. Видишь, я же остепенился, и не тянет в палатки.

— Врешь, Гена. Еще как тянет, да скрываешь. Да еще, пожалуйста, зарезервируй нам полтонны бензина на обратную дорогу — добро?

— Лады, иди, собери свою гвардию. Ну, ни пуха...

И вновь заревели моторы вездеходов, зазвенели гуськи по щебню, и снова наш путь лежит строго на север, пока вдоль Хальмерью, а потом через перевал в верховья Балабан-ю. Все ближе и ближе намеченная цель — озеро Балабанты. Мы забираемся все выше и выше в горы. Как и прежде, Олежка восседает наверху машины, сжимая свое ружьишко в руках; но, похоже, недолго им с Александром удастся быть вперёдсмотрящими. Уже с утра небо хмурится, заметно сильнее поддувает ветер, и с первыми струями дождя

им придется перебраться в тесноту кабины. А пока по едва заметной дороге мы продвигаемся вперед, и все чаще Валерка спрашивает, куда сворачивать и двигаться дальше. Да и дороги практически нет — то катим по берегу, то пробиваемся прямо по мелководью посреди реки или с косы на косу. Но все равно движемся вперед. Совсем некстати небо затянули тяжелые лохматые тучи. Так всегда бывает на Севере — откуда ни возьмись верхушки елей и великанов лиственниц окутывают серые свинцовые тучи, и все вокруг закрывает сумрачной пеленой дождя. На минуту останавливаемся, в кабины втискиваются Олег с Александром, и снова — вперед и вверх к перевалу. На перевал мы не подъехали, а подкрались — дорогу ничерта не видно. «Дворники» не успевают сметать с лобовых стекол изморось. Дождю, кажется, нет ни конца, ни края. Но и наверху, на перевале оставаться нельзя. Здесь нет ни дров, ни леса, и негде укрыться от пронизывающего ветра и холода.

Уже ни зги не видно, все укрыто плотной пеленой тумана и струями дождя. Приходится доставать плащ и, натянув капюшон, выбираться под дождь и идти перед машинами, показывая дорогу по крутому спуску к озеру. Негромко поуркивая, вездеходы осторожно сползают вслед за мной в долину. Но вот и долгожданное озеро — правда, сейчас оно пасмурное, укрытое туманом и пеленой дождя. Священное озеро хантов... По окружающим его вершинам расположены многочисленные капища, которые всегда находятся под присмотром охотников и оленеводов. Дорога ведет нас дальше вдоль озера к впадению ручья Балабан-Шор. У устья есть сухая, чистая поляна, там мы и поставим свои палатки.

*(Продолжение
следует)*

На берегу.

Наталья СТУПИНА

Карельская река

Группа в составе 13 человек 26 июля (опять дважды 13) из Екатеринбурга стартовала в западном направлении в вагоне № 13. Ничего хорошего число 13 в себе не несет, поэтому ничего плохого в дороге с нами не произошло. На станцию Кереть прибыли ночью. В два захода перетащили весь груз и расположились на поляне, потеснив москвичей. Москвичи оказались скупы на разговоры, и мы с облегчением утром проводили их. Но свято место пусто не бывает, и вскоре на поляне появилась новая группа с детьми. Ребята оказались более разговорчивы. Мы даже удивились, узнав, что они тоже москвичи. Но еще больше удивились, когда узнали, что Урал находится где-то в Сибири. И очень долго пытались им объяснить, что нам и до Сибири, и до Карелии ехать одинаково — двое суток.

29 июля

Дошли до первого порога, прошли его и встали на ночлег. Дети надулись, что в пороге им не доверили весла. В 23.00 местного времени пошли по ягоды и грибы (белые ночи, однако).

30 июля

Поскольку непонятно, когда мы легли спать (т. к. темноты мы так и не дождались), непонятно, во сколько мы встали (где-то в районе 12.00). Обиженные дети целый день обкатывали порог вдоль и поперек — недовольных больше не было.

Где-то в 17.00-18.00 сели на весло. Идем до темноты. Темнота так и не наступила.

На маршруте групп — умотаться, как на первомайской демонстрации. Решили всех обмануть — шмыгнули в секретную проточку и вышли на озеро. Но оказалось, что не одни мы такие умные. Все «крутые» стоянки были заняты. И мы дали задний ход. Стоянку нашли на берегу реки. Вся поляна была усыпана цветами.

31 июля

При постройке бани рыбаки ринулись в нелегкий поход за морскими продуктами. Олег предложил: «Леня, пошли, сделаем баню. Сделал дело — гуляй смело». На что Леопольд ответил: «Так нам все некогда, мы скучаем да скучаем».

Кармацких Татьяна

Мужики ушли в лес за дровами. Через некоторое время трое вернулись с пустыми руками. Дров нет. Олег хи-

Рыбак и рыба.

хикает: «Антон дрова и в пустыне найдет». Вскоре появился Антон, неся на плече огромную лесину. На вопрос: «Где взял?» он, махнув рукой в сторону леса, сказал: «В лесу».

Баня! Класс! Клево! Баня общая, жаркая и веселая. Дамы, господа и дети — все в одной парилке.

После бани — спирт, копченая рыба, блинчики с грибами, гитара, песни, байки. Спать легли засветло (в 3.00) — так и не стемнело.

1 августа

На «Ветродуе» меня сдуло в воду. Ощущения клевые — правда, сыrovато. Первый раз в жизни ощутила всю пре-

лесть сушки на костре. Киндеры, т. е. представители младшего поколения, визжа от удовольствия, сжигали мои носки. К великому их разочарованию, носки остались целы. До двух ночи мы с ними и с некоторыми представителями старшего поколения чирикали детские и не очень детские песенки. Молодцы детишки — просто передовые кадры Урала. Примерно в 2.15 местного времени совершенно неожиданным образом появились местные (а может, и не местные) аборигены. И мы, собрав последние силы, стали перетаскивать наши неподъемные рюкзаки в более комфортабельное для них место. Скрытая от назойливых глаз оборона ведется кругло-вуточно.

Кармацких Татьяна

В порогах я промочила ноги. Пришлось на стоянке сушиться — сапоги поставила сохнуть на ветру, а носки повесила над костром. После чего мама принесла мне ботинки. Я обулась и пошла к речке, вымыть руки и лицо. Но умыться не успела, т. к. соскользнула с камня и упала в воду. Мокрая по колено, я вернулась в лагерь и опять села у костра, сушиться. Мама опять принесла мне сухие носки и шлепки. После этого меня к воде близко не подпускали.

Новоселова Саша

2 августа

Заката так и не дождалась, в итоге встали, как обычно, в 12.30.

Завтракаем не спеша. Затем мужики стали делать мачты. После чего неспеша обедаем. Вышли после 13.00.

Пересекли озеро, прошли по веселой шиверке — дети получили массу удовольствия, махая веслом. При попутном ветре два катамарана подняли паруса. Смотрится красиво.

На нашем катамаране парус тоже крепился к мачте. Только мачтой была я. При более сильном ветре — руки выдернет. Предложила Леньке побыть мачтой. В результате вечером он стал ее изобретать. Место для стоянки выбрали неплохое — ягоды, грибы, рыба.

3 августа

SOS! Грибы обступают со всех сторон. Не можем вырваться. Ждем подкрепления.

Грибы... грибы... Закрываешь глаза — а перед ними свалка грибов. Жарим, парим, тушим, маринуем. Суп с

Походная баня.

грибами, на второе — грибы, блинчики с грибами, щука, фаршированная грибами. Уже не знаем, куда их девать. Целый день их чистим, режем, а они все не кончаются. Поступило разумное предложение — в лес ходить только за дровами, высоко задрать голову; нужду справлять возле своей палатки.

Одно радует, что Ленька с Серегой на свои удочки ловят не грибы. И детишки украсили нашу грибную жизнь — принесли черники. На ужин тазик черники со сгущенкой — вовсе даже не дурно.

4 августа

Вчера была дневка — незапланированная. Из-за грибов не смогли идти дальше. Я жарила их часов 6. К вечеру так наелись, что копченая рыба осталась на сегодня. С собой везем полный котел тушеных грибов и целую сковороду жареных. Светит солнце. Сегодня надо дойти до моря.

Григорьева Надя

Солнце! Ура! Сегодня увидим море. Проходим какую-то шиверу... А вчера изучали фауну (или флору?) — княженика, костяника, черника, морошка... А щуку, фаршированную грибами, я так и не попробовала.

Новоселова Аня

Утром встаю рано, развожу костер, готовлю завтрак. Лагерь поднимаю в 9.00 (небывалый рекорд для нашей группы). Все толпятся у костра и с нетерпением ждут, когда Аня проснется, потянется, протрет глазки, высунет свой носик из палатки, подойдет к костру и, наконец, выпьет свою чашечку вчерашнего чая. Чтобы затем, освободив

котел, заварить в нем кофе. Котлов не хватает — все забито грибами.

Поставили очередной рекорд за сегодняшнее утро — на воду вышли в 12.00.

Под парусами идетя легко. Светит солнышко. Оголяем животики и спинки.

Прошли три порога. Последний, Морской, запомнился особенно — скатились, словно на санках с хорошей горки, и выпали в море...

Море... кругом медузы, морские звездочки — красота. Раскрываем паруса. Ветер попутный, идетя легко. Плыдем до острова и ставим лагерь.

Вечером Ленька с Сергеем устроили показ экзотических рыб (треска; зубатка; пинагор — с большой тупой головой и маленьким телом; бычок — с большими, как веер, плавниками).

5 августа

Знать бы прикуп... что море взбунтуется. Ломанули бы вчера, пока дул попутный ветер, прямо до острова Сидоров. Все равно по «ночам» светло (забыли, как небесные звездочки выглядят).

И вот тебе — ветер в лицо, в море барашки бегают. Гребешь вперед, а тебя сдувает в сторону (спасибо, что не назад). За день смогли лишь траверснуть на соседний остров. (Если смотреть по прямой, то за день вперед прошли около километра.)

Остановились возле избушки. Рыбаки, как всегда, намыливают удочки, а Олег с Антоном благоустривают поляну. Сегодня у Ани день рождения!

А какой был стол — сказка. Такое дома не всегда увидишь на своем столе.

Меню праздничного стола: горбуша горячего копчения; горбуша малосольная; горбуша, запеченная в фольге со специями; икра красная; треска жаренная; треска маринованная; грибы белые маринованные; грибы жаренные и тушеные; плов — заботливо приготовленный Надей; торт со свечами; ананасы в сиропе; спирт (разведенный); каберне красное (настоящее) — подарок Антона; чай, кофе. А также музыка, песни — по заявкам, танцы до упаду.

6 августа

Море так и не утихло. Лопатить веслом в море против ветра — пустое занятие. Все равно, что набирать ведро воды чайной ложкой. Решили

побыть в шкуре «бурлаков». Мужики запряглись, натянули чалки и с песней «Эй, ухнем» побрели по берегу, таща за собой по воде катамараны.

Заслышав печальную песню, на берег откуда-то из-за кустов вышли москвичи.

— Ребята, что вы делаете?

— По морю идем.

На прощание пожелали нам удачи, в мыслях повертев пальцем у виска. И еще долго сопровождали нас по берегу в надежде, что за очередным мыском мы сломаемся и остановимся. Но «бурлаки» за мыском не остановились, и москвичи повернули назад.

Так идем, шаг за шагом. Скорость невелика, но гораздо быстрее, нежели мы все сидели бы на весле. Помогать «бурлакам» подрядились студентки (Таня, Галя, Таня). Волны упрямы окатывают с головой.

Уперлись в скалу. Здесь катамараны не протащить — размажет. Решили, что четверо мужиков (Олег, Антон, Сергей и Леонид) попытаются на веслах обогнуть скалу. Два катамарана затащили на берег (чтоб не смыло), и сели на весло.

Стоя на скале, слышим, как Олег кричит, радостный и довольный: «Легко-о-о!» Пока мужики выгребали в море, я ушла далеко за мыс, нашла тихое местечко и развела огромный костер, чтобы с моря было видно.

Вскоре из-за мыса показался катамаран. Прямо перед мысом — огромная «бочка». Вал в два метра. Ребята гребут, упираются, и... в бочку... в самый центр... накрыло всех с головой.

Перекусили, отдохнули. Впереди еще траверс залива. Взялись за весло. Пошли. Волны покатые, большие — качает хорошо. Стараемся не подставлять борт. Отмахали

Прохождение шивер.

прилично. Берег, который мы покинули, уже далеко. Желанный берег — еще далеко. Подул встречный ветер. Катамаран Олега отстал и резко взял к берегу. Подходим к мысу... И команда: «Нос вправо!.. Вперед!.. Еще сильнее!...»

Мы бежим от мыса, мы туда не хотим. Море гонит волны и с грохотом разбивает о мыс... Убежали, подправляем нос налево и ныряем в протоку... А там тишина...

Подходим к берегу... Два экипажа ждут нас. Олег оказался самым умным. Чем бороться с морем, лучше побить «бурлаком».

Отдохнули. Сели по катамаранам, натянули паруса — идем к острову Сидоров.

7 августа

Остров Сидоров.

Изучаем флору и фауну, копаем морских червей, ловим треску с сикилявками и тут же поедаем все это.

Олег напялил на себя «унитазный» костюм, нацепил на нос очки, засунул в рот какой-то шланг — пошел разглядывать дно морское. Нырнул... и всплыл, как поплавок, попой вверх (костюм надулся, как шарик). Нанырлся, выходит довольный, говорит: «Красиво». Ему в ответ: «Отсюда тоже смотрелось неплохо».

8 августа

Мы покидаем этот дивный остров и движемся в обратном направлении.

Ветер попутный, поднимаем паруса. Идем не спеша, наслаждаемся солнцем, любим морем. Любопытные морские котики сопровождают нас почти весь день, но близко к себе не подпускают.

Встретилась белуха, и на радостях устроила нам целое представление — ныряла, кувкалась, выгибала спинку. Встали на якорь и с восхищением наблюдали это зрелище (жаль, что Олег ушел в отрыв — у него видеокamera). Представление окончено, белуха шлепнула последний раз своим хвостом по воде и исчезла. Мы взяли в руки весла и пошли догонять Олега...

Лагерь поставили недалеко от слюдяных карьеров, в отвалах которых была пресная вода. Вечером после ужина мужская и женская половины обменялись подарками. Мужчины женщинам подарили баню. А женщины мужчинам — стриптиз-шоу театра теней «ночи».

9 августа

Идем до селухи. Там снимаемся — разби-

раем и сушим катамараны, собираем рюкзаки. Олег договорился с машиной. Завтра, чтоб не топать 20 километров, до станции доедем, как белые люди.

11 августа

Волховстрой. Здесь пересадка. До поезда времени — вагон.

Осмотрели достопримечательности города. Посетили местную столовую, пополнив ее бюджет. Отправили весточки родным и близким, что живы и здоровы, встречайте (номеров поезда и вагона не помним — встретимся у вагона-ресторана).

Стучат колеса, мерно покачивая вагон. А мы покатываемся от смеха — в этом составе вагона-ресторана — НЕТ!

Наш кораблик.

Евгений ТАМПЛОН

Шарташские каменные палатки

Лет сто назад восточная окраина Екатеринбурга едва доходила до полотна Урало-Сибирской железной дороги. Здесь заканчивался Покровский проспект (улица Малышева) и начиналась проселочная дорога, ведущая к Шарташским гранитным карьерам.

Проселок шел немного в гору, минуя огороды, углублялся в сосновый лес, а затем спускался к обширному Шарташскому болоту, месту глухому и гиблому. На берегу болота, слева от дороги, на вершине небольшого увала, поднимались гранитные скалы, которые екатеринбуржцы называли каменными палатами — поскольку видом своим они напоминали стены и башни сказочного городища. Люди суеверные при виде грандиозных каменных изваяний крестились, почитая их творениями дьявола; а те, кто посмелее, просто дивились красоте и величию природы.

С тех пор много чего изменилось. Екатеринбург из уездного городка превратился в индустриальный центр с полуторамиллионным населением; проселочная Шарташская дорога стала улицей Малышева; на холме, некогда покрытом сосновым лесом, раскинулся Втузгородок, а гиблое Шарташское болото было засыпано и застроено девятиэтажками. Единственное, что уцелело в этом бурном потоке времени — так это скалы. Правда, называют их сейчас не каменными палатами или чертовым городищем, а Шарташскими каменными палатками.

Как и сто лет назад, среди поредевшего соснового леса на вершине невысокого увала поднимается причудливой формы гранитная стена, прорезанная многочисленными вертикальными и горизонтальными трещинами. Самая внушительная, западная ее часть достигает в высоту 10-12 метров — если считать от гранитного основания; если же измерять от подножия увала, где начиналось Шарташское болото, то будет все 25, а то и 30 метров.

У человека, даже не наделенного богатым воображением, при виде Каменных палаток невольно возникает мысль о рукотворном их происхождении, но это не так. Ощущение циклопической кладки возникает от того, что скалы сложены горизонтальными гранитными плитами, разделенными глубокими трещинами. Края плит под действием воды, ветра и солнца приобрели округлую форму, что создает впечатление обработанной поверхности. Все это сделала

Шарташские каменные палатки.

природа за 300 миллионов лет существования Шарташского гранитного массива, вершиной которого и являются Каменные палатки.

К каменному городищу у Шарташского болота люди проявляли интерес с незапамятных времен. Более двух тысяч лет назад древние металлурги облюбовали гранитные вершины палаток для своих таинственных обрядов, в результате которых камень превращался в драгоценную медь, идущую на изготовление магических амулетов, оружия и домашней утвари. Сейчас мы, конечно, знаем, что ничего таинственного там не было. В примитивных печах из медной руды выплавлялись небольшие медные слитки. Их путем переплавления или перековки превращали в различные нужные предметы. Печи устанавливались на вершинах, хорошо продуваемых ветром, поскольку кузнечных мехов в те времена уральцы не знали.

След древних металлургических горнов до сих пор

хорошо заметен на плоской вершине каменной стены — он представляет собой округлое углубление, напоминающее чашу. Чаша образовалась на том месте, где из года в год сооружалась плавильная печь. После очередной плавки горн разбирался, из его основания вынималась медная крица (слиток), а гранитные плиты очищались от шлака и песка. Затем процесс плавки повторялся. От высокой температуры гранит постепенно разрушался, и образовывалось углубление, по размеру соответствующее основанию горна.

В первом тысячелетии нашей эры древние металлурги покинули здешние места. Пришедшие им на смену угорские племена считали гору с каменной вершиной местом священным. Здесь зажигали жертвенный огонь, шаманы совершали магические обряды — но как это происходило, мы можем только догадываться, от этих времен сохранилось мало свидетельств.

С основанием Екатеринбурга к Каменным палаткам зачастили горожане. Живописное место, грибной лес и озеро Шарташ, расположенное неподалеку, — все это привлекало городскую публику. Люди приезжали на пикники семьями, с друзьями и знакомыми.

В начале XX века, во времена первой русской революции (1905 год) Шарташские каменные палатки оказались в гуще революционных событий. Место у подножия скал оказалось очень удобным для проведения тайных собраний и митингов. Городская полиция сюда не заглядывала, и можно было сколько угодно произносить крамольные речи, не рискуя попасть в участок. Приходили сюда недовольные властью екатеринбуржцы — послушать речи молодого революционера Якова Свердлова, которому через 12 лет суждено было вознестись на вершину революционной иерархии и стать председателем ВЦИК (Всероссийский центральный исполнительный комитет).

Уже в советское время революционные события начала XX века были отмечены чугунной плитой с соответствующей надписью. Плита до сих пор висит на северной стороне палаток. Сам же Яков Свердлов был отлит в бронзе и установлен на Дровяной площади в Екатеринбурге. Сейчас это пло-

щадь Парижской коммуны. Так уж получилось, что памятник Свердлову оказался и памятником Шарташским каменным палаткам — поскольку постамент, на котором громоздится изваяние председателя ВЦИК, по замыслу скульптора А. М. Харламова и есть образ Каменных палаток. Правда, автор памятника, вероятно, слабо разбирался в геологии и поэтому изобразил палатки в виде единого угловатого монолита, не обратив внимания на то, что, на самом деле, сложены они отдельными гранитными плитами с округлыми краями.

Сейчас Шарташские каменные палатки — самый доступный природный памятник в Екатеринбурге. Каждый желающий приобщиться к уральской природе может без особого труда и не покидая город посетить уникальные скалы. Прямо к ним подходят трамвайные пути. Где находятся палатки, любой екатеринбуржец знает с детства, но и человеку приезжему найти их не сложно. Одна из центральных улиц города — улица Малышева — заканчивается мостом через кольцевую дорогу; за мостом начинается улица Высоцкого, по левой ее стороне хорошо видна поднимающаяся над сосновым лесом каменная стена палаток. На нее легко подняться по уступам и расщелинам. На плоской вершине вы увидите каменную чашу, возраст которой более 2 000 лет. В те древние времена со скал открывалась панорама на бескрайнюю тайгу и Шарташское болото. Сейчас отсюда хорошо просматриваются девятиэтажки микрорайона Комсомольский и восточная окраина Екатеринбурга. Что будет видно с этих вечных вершин еще через 2 000 лет — не знает никто.

Еще один вид палаток.

Валерий ШУМКОВ

Шунутский экстремальный кросс

От редакции: Мы уже давно интересуемся экстремальными видами спорта, постоянно следим за новой информацией на страницах газет и журналов — и тут неожиданно узнаем о существовании нового соревнования под названием «Шунутский экстрим», он же «Шунутский кросс».

За разъяснением обратились к одному из лучших горных туристов нашей области, Валерию Шумкову...

Бег по пересеченной местности традиционно распространен в гористых районах планеты, особенно в Альпах. С 1985 года существуют единые правила проведения таких соревнований. Много интересного о гонках по пересеченной местности можно узнать в Интернете. Горы, на которые проводятся забеги, порой весьма высоки — таков, например, тьянь-шанский пик Хантенгри (6995 м). Мировые тенденции развития экстремальных видов спорта не остались без внимания и у нас.

Традиционным стал скоростной забег на высшую вершину нашей области — Конжаковский камень (1569 м). Длина трассы — 42 км. Набор высоты — 1000 м. Географическая принадлежность участвующих (в 2001 г. — порядка 700 человек) простирается далеко за пределы Свердловской области.

Затем добрались и до Шунута. Объект скоростного восхождения — не обычный увал, покрытый замшелыми елками. Знаменитая гора Шунут (726 м над уровнем моря) достойна отдельного рассказа. Это высшая вершина Ревдинского района, памятник природы федерального значения, а также памятник стратиграфии. Гребень Шунута увенчан великолепными скалами, уникальность которых в том, что образовались они 500 млн. лет назад, в начале ордовикского периода палеозойской эры. На Среднем Урале нет более древних пород осадочного происхождения. А красота Шунута, его скал и вековых елей в любое время года влечет к себе людей, влюбленных в уральскую природу.

Субботним утром 2001 года 13 октября был дан старт Первому многокилометровому забегу по маршруту поселок Краснояр — гора Шунут — поселок Краснояр.

Хочется поблагодарить за участие в гонке Алексея Болотова. Все участники, от младших школьников до заскорузлых марафонцев, состязались с чемпио-

Глоток на бегу.

ном страны по альпинизму, восходителем на пик Победы, Эверест, Лхоцзе и Макалу. Выиграв гонку с результатом 124 мин 37 сек. он поддержал как свою репутацию, так и славу уральского альпинизма в целом. Конкуренцию лидеру составила перспективная ревдинская молодежь: 15-летний Илья Чебыкин (128 мин. 7 сек.), 20-летний Александр Кокотов (129 мин. 7 сек.), Арнольд Зигануров (2 часа 26 мин.), Сергей Шемятихин (2 часа 53 мин.), Владимир Кичильев и Игорь Пашков (оба — 3 часа 04 мин.), Сергей Черняв (3 часа 06 мин.), Владимир Пляцок (3 часа 13 мин.), Олег Юрин (3 часа 15 мин.), Марсиль Му-

хаматшин (Зчаса 36 мин.), Алексей Сорогин (3 часа 38 мин.). Неоценимую помощь в проведении забега оказали юные туристы клуба «Синильга» под руководством Владимира Белькова, осуществлявшие питание участников и контроль за прохождением трассы.

По отзывам участников, организация и проведение забега произвели на них хорошее впечатление.

19 октября 2002 года состоялся уже традиционный Второй Шунутский кросс. Как и в прошлом году, возраст участников — от девяти до 65 лет.

Вот что рассказала нам Клеткина Мария Михайловна, методист учебного центра «ВЫСО», инструктор альпинизма, тренер по скалолазанию, участница экстремального забега 2002 года:

«Старт! Как и в других забегах, разноцветная толпа с криками «Ура» ринулась вперед, постепенно вытягиваясь в цепочку по тропе. Я — где-то ближе к завершению, и думаю: «Я самая тихая среди быстрых и самая быстрая среди тихих». Мягкая тропа со скользкими гладкими корнями — эти жесткие ребра требуют внимания, чтобы избежать травмы. На лес смотреть некогда.

Пробегаю первый КП, потом второй. Ну, не так уж и плохо: 8 км за 45 минут. А дальше тропа начинает забирать вверх, и ноги еще больше тонут в снежной каше. Перехожу на шаг. Мы поднимаемся все выше — не поймешь, то ли снег, то ли дождь капает на голову и сбегает струйкой в глаза, а по спине бежит уже не теплый, а холодный ручеек.

И вершина Шунута где-то прячется в заснеженном и необыкновенно красивом лесу. Пихты стрелами устремляются в небо, и среди них я вижу белый массив: но нет времени разглядывать, спешу на третьи КП.

Нас встречают судьи на линии: красивые, доброжелательные девушки и юноши. Предлагают чай, сок, шоколад, колбаску. Уютно пахнет дымком от костра. Так и тянет сесть вокруг него с кружкой чая и послушать песни под гитару. Но время торопит, надо бежать назад.

Бег, бег. Вокруг никого — ни впереди, ни сзади. Ноги уже не слушаются, а в спину будто рысь вонзила свои когти и сжимает их. И я, как раненый зверь, хромаю прямо через болото, по колено утопая в его жиже. Вот и последняя речка, но сил уже нет, и совсем незаметный подъем становится горой. Ноги вязнут, меня качает из стороны в сторону. Ох, хоть бы не упасть, а то не поднимусь.

Со стартовой поляны доносится музыка. Ну, теперь можно побежать, только навряд ли мое перебиранье ногами можно назвать бегом.

Финиш! Геннадий Шатов объявляет время. Ну что ж, можно даже и погордиться, ведь я не самая последняя.

И только через несколько минут могу оглядеться вокруг. В палатке дружная семья уплетает солянку. Крутом розовые, счастливые лица и ни грамма усталости.

Детям нравится все: и костер, и музыка, и солянка, и снег. У них праздник! Довольны и судьи: все участники вернулись, никому не потребовалось специальной медицинской помощи.

Кросс удался! За свою жизнь я участвовала во многих соревнованиях по различным видам спорта, но Шунут — это что-то особенное! Огромное спасибо организаторам экстремального кросса и лично Сергею Шумакову!»

Со стороны редакции «Уральского Следопыта» мы надеемся, что Шунутский кросс» станет не только традиционным, но и будет включен в областной календарь пробегов.

Горячий чай на финише.

В следующем номере: Продолжение истории денег. Загадки могильника. Дети исследуют пещеры. Советы по выбору туристического снаряжения.

ПОДПИСНОЙ КУПОН 2003

ДА! Я хочу подписаться на «Уральский следопыт»

- Я подписываюсь на 3 номеров журнала и плачу **129 руб.**
- Я подписываюсь на 6 номеров журнала и плачу **258 руб.**
- Я подписываюсь на 12 номеров журнала и плачу **516 руб.**

Срок купона истекает 30 июня 2003 года. Цены действительны только по России.

ФИО _____
 Индекс _____ Область _____
 Город _____
 Улица _____ Дом _____
 Корпус _____ Квартира _____

линия отреза

СООО «Трудовой коллектив редакции журнала

«Уральский следопыт»

Получатель платежа 40703810700010042749

Расчетный счет ОАО «Гранкомбанк», г. Екатеринбург БИК 046577775

наименование банка Корреспондентский счет счет № 30101810700000000775

Ф.И.О., адрес плательщика

Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Уральский следопыт» на..... номеров		

Плательщик

СООО «Трудовой коллектив редакции журнала

«Уральский следопыт»

Получатель платежа 40703810700010042749

Расчетный счет ОАО «Гранкомбанк», г. Екатеринбург БИК 046577775

наименование банка Корреспондентский счет счет № 30101810700000000775

Ф.И.О., адрес плательщика

Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Уральский следопыт» на..... номеров		

Плательщик

иссир

ВИТАНЦИЯ
иссир

Уважаемые читатели!

Вы можете подписаться на журнал «Уральский следопыт» непосредственно в редакции по адресу: г. Екатеринбург, ул. Декабристов, 67.

Журнал высылается ценной бандеролью. Подписная цена включает стоимость доставки только по России. Если мы получаем заявку до 10-го числа текущего месяца, доставка начинается со следующего номера.

Подписаться на журнал вы можете, начиная с любого номера. По индивидуальным заказам их архива редакции вы можете приобрести любой номер журнала «Уральский следопыт» за любой год.

Подписаться через редакцию очень просто:

- Заполните купон;
- Перечислите деньги на наш расчетный счет через Сбербанк по приведенной квитанции или используйте ее как образец для заполнения бланка почтового перевода;
- Отправьте купон и квитанцию об оплате (или их копии) по адресу: Россия, 620142, г. Екатеринбург, ул. Декабристов, 67, отдел подписки «Уральского следопыта».

Если подписка проводится в здании редакции и подписчик забирает номера из редакции, то цена одного номера составляет 36 руб.

**Модульная полноцветная
реклама в журнале**

1 полоса обложки модуль	50x90	25 000
4 полоса обложки модуль	50x90	17 000
в разделе “Хочешь двигаться – ищи попутчика”		
3 полоса обложки	260x200	12 000
Первый разворот	260x400	17 100
Разворот в центре	260x400	14 000
1 полоса	260x200	10 200
S полосы	130x200;	6 100
	260x100	
j полосы	130x100;	4 000
	75x200	

Модульная черно-белая реклама

1 полоса	260x200	7 000
S полосы	130x200;	4 200
	260x100	
j полосы	130x100;	2 500
	75x200	

Рекламная статья черно-белая

Разворот	260x400	15 000
1 полоса	260x200	7 700
S полосы	130x200;	2 800
	260x100	

Спонсор рубрики

модуль 50x90 + колонтитул в рубрике. Цена - 10 000.

Материалы предоставляется до 10 числа.

Оплата производится до 15 числа.

Файлы принимаются на дискетах, CD, по E-mail в форматах *.tif (СМУК), *. Cdr (шрифты в кривых, цвета в СМУК).

Доработка файла + 10%.

Разработка макета – оплата индивидуальная, в зависимости от уровня требуемого заказчиком дизайна.

Материалы рубрики «Добрые попутчики «Уральского следопыта» публикуются на правах рекламы.

Адрес редакции: 620142, г. Екатеринбург,
ул. Декабристов, 67. Тел. редакции: (3432) 224-501, 223-662

E-mail: E-mail: uralstalker@sky.ru

Адрес в Интернете: <http://uralstalker.ekaterinburg.com>

Доступ в Интернет
предоставлен

**Директор редакции
Фирсов Максим**

Отдел истории и краеведения
Юний Горбунов

Отдел художественной литературы
Петр Родимов

Отдел «Встречный ветер»
Александр Челноков

Художественный редактор, верстка

Татьяна Суворова

Дизайн 2-3 полос обложки:

Андрей Бордаков

Рисунок на 1 полосе обложки:

Юлия Меньшикова

Отдел по работе с письмами

Анна Родимова

Реклама:

**ООО «Уральское Рекламное Агентство»
тел. (3432) 22-45-01**

Учредитель: Общественная организация
«Трудовой коллектив редакции журнала
«Уральский следопыт»

Издатель: ООО «Редакция журнала
«Уральский следопыт»

Наблюдательный совет:

Фирсов Максим Юрьевич

Спектор Семён Исаакович

Радько Виктор Васильевич

Савенко Евгений Викторович

Редакционный совет:

Владислав Крапивин

Сергей Казанцев

Кир Булычев

Николай Никонов

Борис Стругацкий

Геннадий Прашкевич

Олег Поскребышев

Станислав Мешавкин

**Регистрационное свидетельство № 441, выдано
13.12.90 г. Министерством печати и массовой
информации РСФСР.**

ООО «Редакция журнала «Уральский следопыт»
обладает исключительным правом на логотипы
и название журнала.

Рукописи не возвращаются.

Любое использование материалов журнала

допускается только с письменного согласия

ООО «Редакция журнала «Уральский следопыт»

Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна.

Цена по подписке 36 рублей.

По вопросам приобретения журнала

обращаться по тел. **22-36-62**

Подписано к печати 2003 года.
Формат бумаги: 84x108/16. Бумага газетная. Печать
офсетная. Тираж 4500. Заказ №
Отпечатано в типографии

© ООО «РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА

«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ»,

«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ», 1-2003

УРАЛЬСКАЯ ГОРНАЯ СТРАНА

ПОЛЯРНЫЙ УРАЛ И ПАЙ-ХОЙ

Хребет Оче-Нырд.

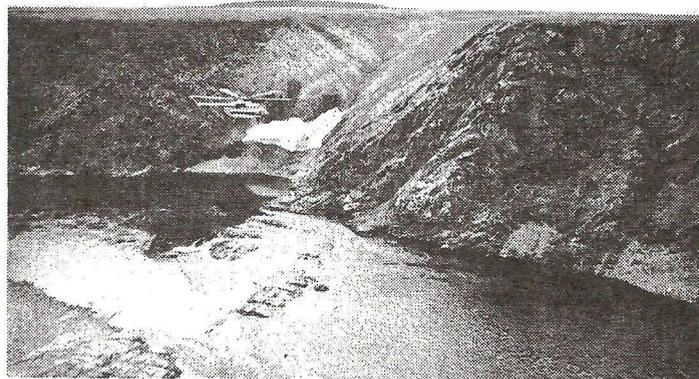
Рядом с озером Малое Щучье, о котором мы говорили в предыдущей заметке, начинается река Малая Кара, сливающаяся у горы Борзова с Большой Карой. Здесь Кара уходит от гор и течет на северо-запад к Карскому морю. Своим руслом Кара отделяет Уральский хребет от хребта Пай-Хой, являющегося продолжением Уральских гор в системе Уральской горной страны, и соединяющего Урал с Новой Землей.

У верховьев Большой Кары расположен самый крупный массив в северной части Полярного Урала — Оче-Нырд высотой 1363 м, с типичными альпийскими формами рельефа, с карами и ледниками. Далее горы понижаются и самая северная из них — гора Константинов камень, получившая свое название во время экспедиции Э.К. Гофмана, — имеет высоту всего 492 м; за ней уже начинается тундра, которая через 40-50 км выходит к Байдарацкой губе Карского моря. И, тем не менее, геологи утверждают, что коренные горные породы Уральского хребта доходят до берегов Карского моря и уходят под его воды. В районе Усть-Кары

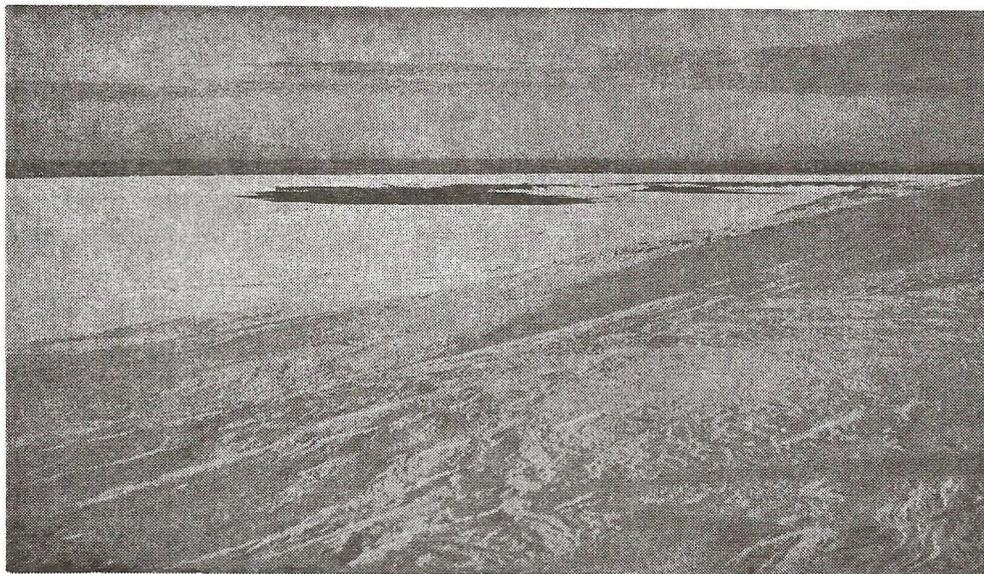
эти выходы имеют довольно солидные формы и размеры.

Пай-Хой представляет из себя невысокий массив, сложенный палеозойскими породами, протяженностью немногим более 200 км, состоящий из нескольких параллельных горных хребтов, прерываемых местами низинными разрывами и плато. Главные гряды — Море-Пэ, Хуит-Пэ, Ярней. Пай-Хой по — ненецки — «каменный хребет». Самая высокая вершина — Море-Из, высотой 467 м находится в северо-западной части хребта на территории Югорского полуострова недалеко от Амдермы. Горы здесь окружены моренными равнинами полуострова, перемежающимися с тундрой.

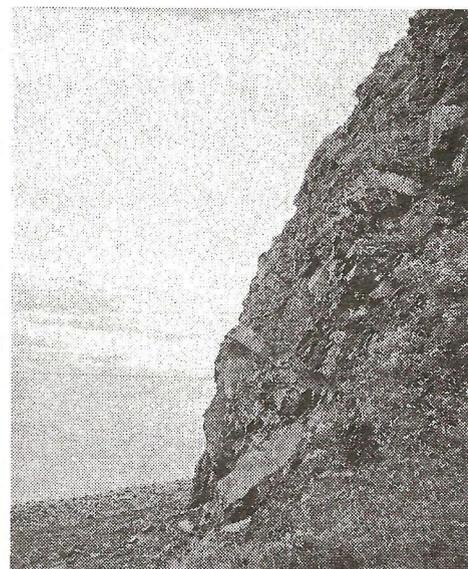
А еще дальше, на крайнем северо-западе, хребты и кряжи Пай-Хоя уходят под воды пролива Югорский Шар и выходят наверх уже на острове Вайгач.

Хребет Пай-Хой, у реки Кара.

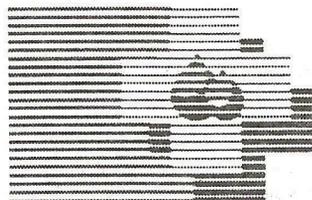

Берег Карского моря в Амдерме.

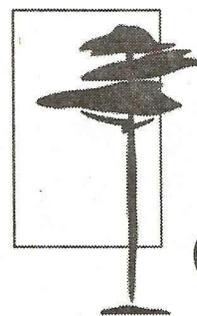

Берег Карского моря близ Усть-Кары.

Хочешь двигаться — ищи попутчика!

Свердловский областной
клинический психоневрологический
госпиталь для ветеранов войн

УРАЛЬСКИЙ
МЕБЕЛЬНЫЙ
ЦЕНТР
(3432) 22-04-81
